

БАЙКАЛЬСКИЕ КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы международной
научно-практической конференции

Иркутск, 17–18 марта 2023 года

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Байкальский государственный университет
Институт правовых исследований

БАЙКАЛЬСКИЕ КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы международной
научно-практической конференции

Иркутск, 17–18 марта 2023 года

Текстовое электронное издание

БАЙКАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Иркутск
Издательский дом БГУ
2023

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2023
ISBN 978-5-7253-3136-3

УДК 342 (06)
ББК 67.400

Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия

д-р юрид. наук И.А. Минникес (отв. ред.),
д-р юрид. наук И.В. Минникес,
канд. юрид. наук В.Е. Подшивалов

Байкальские компаративистские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 17–18 марта 2023 г. / отв. ред. И.А. Минникес. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2023. – 297 с. – URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>. – Текст: электрон.

ISBN 978-5-7253-3136-3.

Представлены материалы международной научно-практической конференции «Байкальские компаративистские чтения – 2023», организаторами которой выступили Институт правовых исследований Байкальского государственного университета и сектор философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук. Статьи участников конференции посвящены исследованию сравнительно-правовых аспектов современного состояния и дальнейшего развития теории государства и права, а также национального законодательства.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, работников органов публичной власти, а также для широкого круга читателей, проявляющих интерес к проблемам современного государства и права в сравнительно-правовом аспекте.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования:

Веб-браузеры: Microsoft Edge версии 79, Google Chrome версии 51,
Mozilla Firefox версии 52, Safari версии 11 (или более новые);
средства просмотра файлов Portable Documents Format:
Adobe Acrobat версии 7.0, Adobe Reader версии 7.0, Sumatra PDF версии 1.1
(или более новые), Foxit Reader всех версий, PDF24 Creator всех версий.

Доступ к сети Интернет.

Минимальные требования к конфигурации и операционной системе компьютера определяются требованиями перечисленных выше программных продуктов.

Издается в авторской редакции

Подписано к использованию 27.05.2023. Объем 2,66 Мб.

Байкальский государственный университет.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

<http://bgu.ru>

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Минникес И.А.</i> Конституция, Конституция (Основной закон), Основной закон: соотношение понятий (сравнительно-правовой анализ)	6
<i>Балахонский В.В.</i> Проблема методологической дифференциации философии права и теории права.....	13
<i>Купцова О.Б.</i> Судебный прецедент толкования: сравнительно-правовой анализ	21
<i>Семитко А.П.</i> Теория права во Франции: сравнительно-правовой аспект	26
<i>Герасименко Ю.А.</i> Феномен норм-оговорок в российском законодательстве	35
<i>Маргарян А.В.</i> Законодательный эксперимент и экспериментальная правовая норма: доктрина и практика	42
<i>Шутова В.Н.</i> Качество закона и законодательства в России и зарубежных странах	49
<i>Зайцева Е.С.</i> Краудсорсинг как правотворческая технология: сравнительно-правовой опыт использования	55
<i>Тирских М.Г.</i> Процессы трансформации правовой системы и преобразование политического режима	61
<i>Зыков Д.В.</i> Эволюция понимания нормы права.....	68
<i>Грязнова Т.Е.</i> К вопросу о состоянии судебной системы Российской империи середины XIX века	72
<i>Васильева Е.В.</i> Применение сравнительно-правового метода в исследованиях российских ученых XVIII века	77
<i>Белозерцева В.В., Белозерцев С.М.</i> Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды	83
<i>Гриценко Е.В.</i> Цифровые права как гарантии реализации основных прав: международное и национальное измерения ..	90
<i>Петров А.А.</i> Развитие компетенции конституционных судов в XXI веке: зарубежный опыт и идеи для России	97
<i>Подшивалов В.Е.</i> Стадийность избирательного процесса в российском и зарубежном законодательстве	103

<i>Минникес И.В.</i> Конституционное регулирование выборов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона	110
<i>Юрковский А.В.</i> Измерение механизмов правового регулирования и государственной власти в странах Северо-Восточной Азии методами конституционно-правовой эстологии	117
<i>Самусевич А.Г.</i> Механизм конституционного правоприменения: поиск концепции.....	126
<i>Давыдова М.Л.</i> Поведенческая экономика и отечественная теория права: точки пересечения	133
<i>Перепелица Е.В.</i> Высокотехнологичный социальный контроль: выгоды и издержки	140
<i>Балдин А.К., Биюшкина Н.И.</i> Организационная структура и деятельность органов военного управления Российской Федерации и Китайской Народной Республики: современное состояние	147
<i>Дружинин Г.В.</i> Понимание устава как учредительного документа корпорации в Англии: общетеоретический анализ	152
<i>Усенков И.А.</i> Добросовестность в гражданском и налоговом праве как средство «умного регулирования».....	157
<i>Бовá Д.А.</i> Злоупотребление правом в Древнем Риме и в современной России	163
<i>Репьев А.Г.</i> Обещание в праве как юридический факт	170
<i>Черных Е.Е.</i> Особенности правового регулирования инновационной медицины в зарубежном уголовном законодательстве	177
<i>Степанова Е.Е.</i> Противодействие коррупции: сравнительно-правовая характеристика законодательства России и Монголии.....	183
<i>Кешикова Н.В.</i> Противодействие коррупции в мире и в России: шаг вперед, два шага назад	191
<i>Иванова Е.Л.</i> Практика органов прокуратуры в обеспечении законности избирательных и референдумных процедур....	200
<i>Евдокимов К.Н.</i> Уголовное законодательство зарубежных стран, регламентирующее ответственность	

за высокотехнологичные преступления: компаративистские аспекты.....	207
<i>Бавсун М.В.</i> Четвертая промышленная революция как триумф доминирования технологических императивов в современном обществе	214
<i>Антонова Е.Ю.</i> Уголовно-правовой режим несовершеннолетних по законодательству зарубежных стран	220
<i>Пархоменко Д.А.</i> Совершение преступления впервые и его отражение в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь	227
<i>Лобач Д.В.</i> Уголовная ответственность за преступления против мира в странах Латинской Америки (на примере Кубы и Мексики)	233
<i>Репецкая А.Л.</i> Сравнительная характеристика современного состояния криминальных рынков в России и Китае.....	240
<i>Реховский А.Ф.</i> Тенденции развития суда присяжных Японии и Южной Кореи	247
<i>Козлова М.Ю.</i> Возможности искусственного интеллекта в правосудии.....	254
<i>Каплунов А.И.</i> О соотношении понятий законности и правомерности применения мер государственного принуждения	261
<i>Качурова Е.С.</i> Особенности ресоциализации осужденных к лишению свободы: компаративный анализ.....	268
<i>Усань А.С.</i> Зарубежный опыт финансовой поддержки материнства и детства	272
<i>Калинина Е.В.</i> Этика войны в древнеиндийской и древнееврейской политико-правовой мысли (компаративный историко-правовой анализ)	280
<i>Насиров Э.З.</i> Национализм и его влияние на территорию государства	285
<i>Хаитов Г.А.</i> Правовое регулирование установления расходов бюджета в контексте принципа разделения властей	290

КОНСТИТУЦИЯ, КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН), ОСНОВНОЙ ЗАКОН: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Исследуется вопрос о соотношении таких понятий, как «конституция» и «основной закон». Проблема рассматривается в двух аспектах: технико-юридическом и содержательном. Подчеркивается, что выбор термина – это не просто технико-юридическое отличие. За этим стоят более глубинные процессы, связанные с культурно-историческими традициями государства. Показана советская и постсоветская законодательная практика по этому вопросу, выявлены некоторые тенденции развития. Дан анализ зарубежных конституций и основных законов с позиций сравнительного правоведения. Показаны основные подходы к обозначенной проблеме в российской и зарубежной юридической науке. Поставлен вопрос об адекватности перевода текстов конституций иностранных государств с языка оригинала на русский язык. Обосновывается роль юридической науки в исследованиях проблем конституционного права и ее влияние на развитие конституционного законодательства.

Ключевые слова: юридическая наука, конституция, основной закон, юридическая техника, сравнительное правоведение.

I.A. Minnikes

CONSTITUTION, CONSTITUTION (BASIC LAW), BASIC LAW: CORRELATION OF CONCEPTS (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

The question of the correlation of such concepts as «constitution» and «basic law» is investigated. The problem is considered in two aspects: technical legal and substantive. It is emphasized that the choice of the term is not just a technical and legal difference. Behind this are deeper processes related to the cultural and historical traditions of the state. The Soviet and post-Soviet legislative practice on this issue is shown, some development trends are revealed. The analysis of foreign constitutions and basic laws from the

standpoint of comparative jurisprudence is given. The main approaches to this problem in Russian and foreign legal science are shown. The question of the adequacy of the translation of the texts of the constitutions of foreign states from the original language into Russian is raised. The role of legal science in the research of constitutional law problems and its influence on the development of constitutional legislation is substantiated.

Key words: legal science, constitution, basic law, legal technique, comparative law.

Соотношение понятий «конституция», «конституция (основной закон)» и «основной закон» можно рассматривать в двух аспектах: технико-юридическом и содержательном.

Автор настоящей статьи в своих предыдущих публикациях уже затрагивал эти проблемы [1, с. 54–58; 2, с. 39–43]. Однако современное динамичное развитие государственно-правовых реалий, когда крайне важна прочная правовая основа всей системы законодательства, ее стройность и логическая безупречность, заставляет снова вернуться к этой теме.

На это обращается внимание и в некоторых современных исследованиях. Так, А.И. Абрамова обоснованно говорит о том, что «проблема классификации правовых актов, их системного построения всегда имела большое значение. Сегодня в условиях нарастания процессов цифровизации разных сфер жизни российского общества и трансформации под воздействием этих процессов существующей правовой реальности названная проблема актуализируется, приобретая новое звучание» [3, с. 36].

И как отмечает С.В. Кабышев, в условиях смены исторических эпох и глобального переустройства современного правопорядка «рассмотрение ряда ключевых проблем российского конституционного права, касающихся понимания его сущности, предметных и функциональных характеристик, места и роли в научно-образовательном процессе, свидетельствует о необходимости концентрации творческих усилий конституционалистов на максимальное раскрытие потенциала конституционно-правового регулирования и успешного достижения на этой основе суверенных национальных приоритетов» [4, с. 2].

Сначала подойдем к этой проблеме с позиций хронологии.

«Конституция (Основной закон)» – в советской юриспруденции это воспринималось как аксиома. Все конституции

СССР, РСФСР, союзных и автономных республик на всех этапах развития советского государства и права именовались именно так. Правда истории известно и иное соотношение этих терминов. Например, Основной закон (Конституция) Дальневосточной республики 1921 г.

В настоящее время ситуация существенно изменилась. Конституция Российской Федерации 1993 г., конституции бывших союзных республик Советского Союза, став суверенным государством, не именуется своими конституциями основными законами. На уровне субъектов Российской Федерации только две республики, два края и три области содержат в текстах своих конституций (уставов) словосочетание «основной закон».

И это не просто технико-юридическое отличие. Не отрицая высшую юридическую силу конституции, законодатель возможно допускает принятие и иных основных законов. Хотя в практике нашего государства, вслед за конституцией, прочную позицию занимают федеральные конституционные законы.

Таким образом, на постсоветском пространстве четко наблюдается тенденция перехода от одного термина-понятия к другому: Конституция (Основной закон) → Конституция.

В зарубежной юриспруденции как на доктринальном, так и правотворческом уровне большое распространение имеет точка зрения, согласно которой такие понятия как «конституция» и «основной закон» нельзя отождествлять.

В Швеции основными законами могут быть и иные акты, а не только конституция. Так, Глава 1, параграф 3 Конституции Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 г. (швед. Sveriges grundlagar) гласит: Акт о форме правления, Акт о престолонаследии, Акт о свободе печати и Основной закон о свободе высказываний являются основными законами государства. Из чего следует, что основной закон, хотя и упоминается конституцией, но не тождественен конституции, и основных законов может быть несколько. Нужно также иметь в виду, эти основные законы принимались в разное время с 1810 г. по 1991 г. и действовали в разных редакциях. Порой в эти основные законы вносились очень существенные изменения. Так, в Акт о престолонаследии, принятый в 1810 г., в 1979 г. было внесено положение, которое позволяет женщине управлять страной в качестве монарха.

Важно также отметить, что в Швеции некоторые законы занимают промежуточное положение между основными законами и обычными статутными законами (например, Акт о риксдаге 1974 г.).

В Конституции Финляндии (фин. Suomen perustuslak) от 11 июля 1999 г. (Глава 13 «Заключительные положения», параграф 131 «Отмена основных законов») говорится: «Данным Основным законом отменяются вместе с изменениями: 1) Форма правления Финляндии от 17 июля 1919 г.; 2) Акт об Эдускунте от 13 января 1928 г.; 3) Акт о государственном суде от 25 ноября 1922 г.; 4) Акт о праве Эдускунты контролировать законность деятельности членов Государственного совета и Канцлера юстиции, а также юридического уполномоченного Эдускунты при исполнении ими своих обязанностей». Таким образом, законодатель, провозгласив вновь принятую конституцию основным законом, отменил несколько других основных законов.

Представляет несомненный интерес законодательная практика Святого престола, города-государства Ватикан.

Основной Закон государства-града Ватикана (итал. Legge fondamentale dello Stato della Città del Vaticano) обнародован Папой Иоанном Павлом II 26 ноября 2000 г. и является высшим законом Ватикана. Он получил силу закона 22 февраля 2001 г. и заменяет в полном объеме Закон № I (Основной Закон государства-града Ватикана от 7 июня 1929 г.).

Однако следует иметь в виду, что 7 июня 1929 г. в день принятия ныне отмененного Основного Закона государства-града Ватикана № 1, были приняты Закон № 2 «Закон об источниках права» и Закон № 3 «Закон о гражданстве и праве пребывания», которые наряду с Основным законом, именовались Акты учредительного характера и в определенной мере по юридической силе приравнивались к Основному закону.

Своеобразен метод, выбранный Кнессетом Израиля для постепенного создания конституции. Формально считается, что Конституция Израиля как основополагающий закон еще не принята. Но в стране приняты несколько основных законов (ивр. חוקי יסוד): «Кнессет», «Земельный фонд Израиля», «Президент Израиля», «Правительство», «Государственное хозяйство», «Армия», «Иерусалим – столица Израиля», «Судебная власть», «Государственный Контролер», «Свобода занятий», «Достоинство и Свобода человека», «Референдум». Все эти Ос-

новные законы согласно заложенной законодателем идеи и образуют Конституцию Израиля. Поэтому многие различают формальную и фактическую конституцию. И вопрос о необходимости конституции неоднократно обсуждался, существует даже несколько проектов такой конституции, некоторые из которых обсуждались и в российской юриспруденции [5].

В некоторых государствах законодатель вообще использует только термин «основной закон». Наиболее показателен в этом отношении Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. с последующими изменениями и дополнениями от 20 октября 1997 г. (нем. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland). Причем Основной закон был принят в 1949 г. в качестве закона, временно заменяющего конституцию на территории западных оккупационных зон, потом продолжил свое действие в Федеративной республике Германии. Причем изначально главной идеей Основного закона 1949 г. было единство и объединение Германии [6]. Но только с 1990 г. этот закон фактически является полноценной конституцией объединенной Германии.

Из сказанного видно, что во многих странах законодатель не отождествляет понятия «конституция» и «основной закон» и выбор термина во многом зависит от культурно-исторических традиций и тенденций государственно-правового развития конкретного государства.

Необходимо отметить еще одну важную сторону рассматриваемого вопроса – это проблема адекватного перевода с языка оригинала на русский язык. Так, Sveriges grundlagar как правило переводят как Конституция Швеции. В то же время grundlagar переводится и как основной закон. Когда мы пользуемся переведенными на русский язык текстами иностранных конституций, возникает вопрос, какую информацию мы получаем? Ту, которая отражает истинные намерения законодателя, или ту же информацию, но в интерпретации переводчика? И всегда ли они совпадают по содержанию?

Что же касается доктринального подхода к решению этой проблемы в западноевропейской юридической науке, то одну из самых распространенных точек зрения высказал А. Ногера Фернандес, представляющий Университет Эстремадура (Испания). По его мнению, конституция принимается на референдуме. Основной закон может содержать фундаментальные нормы

о форме государства, о форме правления, нормы, определяющие порядок создания законов государства, но основной закон не принимается посредством референдума [7]. То есть главное различие конституции и основного закона состоит в форме (процедуре) принятия. И эта позиция получила довольно широкое распространение не только среди ученых-конституционалистов, но и в законодательной практике ряда стран (например, Португалия).

Интерес к теории конституции со стороны российских и зарубежных юристов конечно не случаен. Динамика общественного развития, в том числе и в правовой сфере, требует по-новому взглянуть на некоторые правовые аксиомы.

Список использованной литературы

1. Минникес И.А. Зарубежная правовая доктрина о конституции как основном законе / И.А. Минникес // Академический юридический журнал. – 2017. – № 4. – С. 54–58.

2. Минникес И.А. Является ли Конституция основным законом? / И.А. Минникес // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 8 дек. 2017 г. / Иркут. ин-т (филиал) Всерос. гос. ун-та юстиции (РПА Минюста России). – Иркутск, 2018. – С. 39–43.

3. Абрамова А.И. Классификация правовых актов в условиях развития новых цифровых технологий / А.И. Абрамова // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 10. – С. 35–45.

4. Кабышев С.В. О парадигме конституционного права России в новых исторических реалиях / С.В. Кабышев // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 2. – С. 2–7.

5. Эдельман М. Новая Конституция Израиля / М. Эдельман // Конституционное право: новейшие зарубежные исследования : сб. науч. тр. / отв. ред. Г.Н. Андреева. – Москва : Изд-во ИНИОН РАН, 2005. – С. 75–78.

6. Геймбух Н.Г. Идея немецкого единства и объединение Германии по Основному закону ФРГ 1949 года : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Г. Геймбух. – Томск, 2005. – 184 с.

7. Noguera Fernandez A. Constitución o Ley Fundamental? Acerca de la Constitución Portuguesa de 1976 / A. Noguera

Fernandez // Estudios Constitucionales. – Madrid, 2013. – А. 11, № 2. – Р. 615–638.

Информация об авторе

Илья Анисимович Минникес – заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, доцент. E-mail: iaminnikes@yandex.ru.

Author

Ilya Anisimovich Minnikes – Head of the Department of Legal Theory and Comparative Law, Institute of Legal Research of Baikal State University, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: iaminnikes@yandex.ru.

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА И ТЕОРИИ ПРАВА

Одним из дискуссионных вопросов теории и практики организации юридического образования является неопределенность статуса философии права, связанного с определением ее принадлежности либо к теории права, либо к философии. Излагается авторское понимание решения данного вопроса, состоящее в отнесении философии права к так называемой «пограничной» области философских исследований, развиваемой в ходе совместной деятельности философов и теоретиков права, но входящих в структуру философии. В статье обосновывается возможность проведения методологической дифференциации философии права и теории права по таким характеристикам, как ценностно-онтологические основания исследовательских подходов к осмыслению права; степень абстрактности используемого категориального аппарата; опосредованному и непосредственному методологическому влиянию на конкретные отрасли права; степень детерминации различных областей методологии права.

Ключевые слова: философия права, теория права, методология, познание права, правовое творчество, правоприменение.

V.V. Balakhonsky

THE PROBLEM OF METHODOLOGICAL DIFFERENTIATION OF PHILOSOPHY OF LAW AND THEORY OF LAW

One of the controversial issues of the theory and practice of the organization of legal education is the uncertainty of the status of the philosophy of law associated with the determination of its belonging either to the theory of law or to philosophy. The author's understanding of the solution of this issue is presented, which consists in attributing the philosophy of law to the so-called «borderline» area of philosophical research, developed in the course of joint activities of philosophers and legal theorists, but included in the structure of

philosophy. The article substantiates the possibility of methodological differentiation of the philosophy of law and the theory of law by such characteristics as the value-ontological foundations of research approaches to the understanding of law; the degree of abstraction of the categorical apparatus used; indirect and direct methodological influence on specific branches of law; the degree of determination of various areas of the methodology of law.

Key words: the philosophy of law, the theory of law, the methodology, the knowledge of law, the legal creativity, the law enforcement.

Право представляет собой системообразующий принцип, объединяющий многообразные элементы структуры социума и обеспечивающий организационное единство их процессуального взаимодействия. Право выступает предметом изучения различных наук, помимо юриспруденции, изучением права занимаются: социология, политология, психология, философия и другие направления научного познания. В системе наук о праве философия занимает особое место, что обусловлено выполнением ей важной интегративной функции, обеспечивающую саму возможность осуществления междисциплинарного изучения права.

В структуре самой философии, помимо онтологической, гносеологической, социально-философской и историко-философской проблематики, актуализировалось значение так называемых «пограничных» областей исследований, возникающих на стыке научного интереса различных наук [4, с. 445]. Одним из таких динамично развивающихся направлений науки стала философия права, развиваемая усилиями философов, специализирующихся в области правоведения, и юристов, проводящих теоретические исследования феномена права.

Несмотря на пристальное внимание к данной проблематике со стороны научного сообщества, некоторые вопросы сущности и специфики данного научного направления продолжают еще оставаться недостаточно ясными. Одним из самых дискуссионных продолжает оставаться вопрос о предметно-методологической принадлежности философии права: философию права рассматривают либо как раздел философии, либо как часть теории права. Нерешенность этого вопроса продуцирует неопределенность предметного поля и методологического

инструментария данной научной дисциплины, содержания учебных программ и определения ведущих кафедр в высших учебных заведениях.

В современной отечественной научной литературе многообразные мнения по данному поводу можно объединить в три основные концептуальные группы.

Первая из них рассматривает философию права как часть теоретического правоведения и заменяет философский подход к изучению права на общетеоретическое осмысление важнейших правовых проблем. Ярким представителем данной позиции выступает В.С. Нерсисянц, концентрирующий внимание на выяснении единства и различия права с законом. Аналогичный подход к пониманию специфики философии права предлагает Ю.Я. Баскин, определяющий ее как «историю формирования и развития понятий, отражающих реальные общественные отношения» [2, с. 4].

Вторая концептуальная группа мнений связана с рассмотрением философии права как области философских исследований, применяющих общефилософскую методологию на сферу познания права. Подобная традиция обладает достаточно давней историей и хорошей аргументацией. Ее формирование прослеживается еще в трудах И.В. Михайловского. В современной научной литературе подобная точка зрения выражена в работах Д.А. Керимова, определяющего специфику философии права как применение логики, диалектики и теории познания к изучению правового бытия [3, с. 146–148].

Третья концептуальная группа мнений занимает промежуточную позицию между двумя указанными точками зрения: она акцентирует внимание на естественном праве, как онтологическом основании любого вида права, и проводит его сравнительно-оценочное противопоставление позитивному праву. Эту позицию развивали такие известные философы права, как Г.Ф. Шершеневич и Н.М. Коркунов. В советский период отечественной истории такая методологическая установка не получила широкого распространения, поскольку в ее основе лежало допущение о существовании в социуме не зависящих от государства и воли законодателей правовых явлений. И лишь в 90-е гг. XX в. появились работы Л.П. Рассказова и И.В. Упорова, развивающие идеи данной позиции и рассматривающие специфику

философии права в их сравнительно-оценочном противопоставлении позитивного права естественному [5, с. 124–127].

Следует учесть, что выделение указанных групп мнений представляет собой результат применения метода абстракции конструктивизации, связанной с определенным упрощением правовых реалий, необходимым для их лучшего осмысления. Однако в научных теориях конкретных авторов эти подходы часто взаимодополняют друг друга, что позволяет рассматривать их как принципиально когерлируемые. Методологическая совместимость выделенных позиций определяется тем, что каждая из них базируется на выделении определенной функции философии права, получающей в рамках конкретных теорий концептуально абсолютизированную форму репрезентации.

Так, в первой группе мнений в центре внимания находится интегрирующая функция философии права, объединяющая в рамках теоретического осмысления проблемное поле юридической науки. Концептуальной основой второй группы мнений выступает мировоззренческая и методологическая функции философско-правового познания. В третьей группе доминирующее значение получает аксиологическая функция философии права, состоящая в осмыслении и оценке правовых явлений на основании определенных мировоззренческих ценностей, таких, например, как справедливость, свобода и т.п.

На основании этого можно заключить, что во всех трех указанных группах методологическим принципом их построения выступает выделение отдельных аспектов философии права, однако при этом происходит некоторая абсолютизация значений этих аспектов. Многогранность и сложность права требует более широкого понимания философско-правового методологического инструментария, интегрирующего все познавательные подходы, представленные в указанных позициях. Важнейшими элементами философии права должны выступать: онтология права, гносеология права, аксиология права и телеология права, которые, в единстве методологического применения, способны отразить и теоретически осмыслить многообразные аспекты правового бытия.

Сформулируем свое понимание проблемы методологической дифференциации философии права и теории права. Мы считаем, что важнейшими основаниями их различения должны выступать:

1. Различие ценностно-онтологических оснований исследовательских подходов к осмыслению права и его феноменов в философии и теории права. Теория права базируется на внутреннем ценностно-онтологическом обосновании правовых явлений, в рамках парадигмы теоретического правоведения, не выходя за его рамки и границы. Философия права, напротив, предпринимает внешнее обоснование правовых реалий путем их аксиологическо-познавательного осмысления с позиции выработанного в философии категориально-понятийного аппарата. В соответствии с этим теория права оценивает правовые нормы с позиции их эффективности, непротиворечивости, соразмерности, надежности, экономичности и т.п., а философия права – с позиции философских аксиологических установок и ценностей, таких как справедливость, честность, свобода, равенство и т.п. [1, с. 5].

2. Различие степени абстрактности используемого категориального аппарата в философии и теории права. Философские категории представляют собой предельно абстрактное отражение фундаментальных оснований бытия (природного, социального и духовного), в силу этого они обладают качеством всеобщности и абсолютной научной универсальности, т.е. применяются во всех науках и на всех этапах познания. Теоретико-правовые категории выступает определенными формами конкретизации философских категорий применительно к задачам теоретического познания права. Следует отметить, что философия права не занимается выработкой специальных юридических категорий, это входит в функции теории права, но универсальность философских категорий позволяет их конкретизировать для других областей научного познания, в том числе и для теории права. Например, важнейшие философские категории «бытие» и «сознание» получают в теоретическом правоведении конкретизацию в категориях «правовое бытие» и «правовое сознание». Эффективное функционирование понятийного аппарата теории права невозможно без широкого использования таких понятий, как «свобода», «общество», «человек», «истина», «равенство», «справедливость» т.д. Содержание и смысл этих понятий определяется в рамках исторически меняющихся философских парадигм, а юриспруденция использует данные понятия для достижения своих эвристических целей.

3. Различие опосредованного и непосредственного методологического влияния на конкретные отрасли права, осуществляемого философией и теорией права. Философия формирует методологические основы познавательной деятельности осуществляемой теорией права, она разрабатывает общетеоретические принципы познания, выявляет операциональные возможности общенаучного методологического инструментария, определяет сущностные характеристики важнейших форм познания. В этом смысле философия права осуществляет непосредственное методологическое влияние на теорию права, однако она не оказывает прямого методологического воздействия на конкретные отрасли права, подобное воздействие получает опосредованный характер через влияние теории права.

4. Различие степени детерминации различных областей методологии права, осуществляемого философией и теорией права. Предметная область методологии права традиционно подразделяется на три большие сферы: методологию познания права, методологию правового творчества и методологию применения права. Каждая из указанных сфер обладает не только четко выраженной спецификой, но и степенью методологического влияния на них философии и теории права.

Методологическое влияние философии права присутствует во всех указанных сферах правового бытия. Наиболее значимо подобное влияние в сфере познания права, но и в сфере правового творчества методологически важным является общее понимание сущности социальных трансформаций, определение целей изменения права, условий и источников легитимации права, а также учет особенностей субъектов правовых отношений. Сфера применения права в наименьшей степени детерминирована философской методологией, однако и в этой области большой значимостью обладает понимание особенностей людей и мотиваций их действий, как субъектов правоприменительной деятельности. Можно отметить тенденцию снижения методологического влияния философии права на указанные сферы правового бытия: от методологии познания права к методологии правового творчества и к методологии применения права. В отличие от этого, теория права в равной степени оказывает свое методологическое влияние на все три перечисленные области.

Подводя итог материалу, изложенному в данной статье, можно сделать следующие выводы: 1) философия права является важным направлением «пограничной» с другими науками области исследований, входящих в предметное поле философии; 2) методологическая дифференциация философии права и теории права может быть проведена по следующим характеристикам: по ценностно-онтологическим основаниям исследовательских подходов к осмыслению права, степени абстрактности используемого категориального аппарата, по опосредованному и непосредственному методологическому влиянию на конкретные отрасли права, по степени детерминации различных областей методологии права; 3) корреляция исследовательских стратегий философии и теории права определяется тем, что важнейшей функцией философии права является осуществление мировоззренческого, методологического и этического обоснования и осмысления феномена права, рассматриваемого в единстве его научных, социально-функциональных и прагматических аспектов [6, с. 174–175].

Список использованной литературы

1. Балахонский В.В. Философские проблемы методологии права / В.В. Балахонский. – EDN PUYTRJ // Философия права. – 2011. – № 5 (48). – С. 5–14.
2. Баскин Ю.Я. Очерки философии права : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Ю.Я. Баскин. – Санкт-Петербург : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2006. – 144 с.
3. Керимов Д.А. Основы философии права / Д.А. Керимов. – Москва : Манускрипт, 1992. – 191 с.
4. Онтология права как его антропология / В.Н. Пристенский, В.В. Балахонский. – EDN KGXWIZ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 4 (32). – С. 443–447.
5. Правосознание и его роль в жизни общества : монография / В.В. Балахонский, В.А. Кудин, В.С. Олейников, Б.К. Джегутанов. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2018. – 173 с. – ISBN 978-5-91837-128-2. – EDN VTKBIS.
6. Философия права : учебник / С.Г. Чукин, В.П. Сальников, В.В. Балахонский. – Москва : Информ.-метод. центр Глав-

ного упр. кадров М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2002. – 233 с. – EDN UGDASR.

Информация об авторе

Виталий Витальевич Балахонский – профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. E-mail: Balakhonsky@mail.ru.

Author

Vitaly Vitalievich Balakhonsky – Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation. E-mail: Balakhonsky@mail.ru.

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ ТОЛКОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В настоящее время в условиях конвергенции правовых систем все в большей степени получает свое развитие и терминологическую определенность судебный прецедент толкования. В русле совершенствования современного права значимыми являются выбор оптимальной формы закрепления как нормативных правовых установлений, так и правоположений; направленность права на регламентацию новых активно развивающихся общественных отношений, эффективное развитие смежных правовых институтов, существующих в русле различных правовых систем. Российский судебный прецедент толкования, с одной стороны, имеет характеристики, которые позволяют его идентифицировать как разновидность правового прецедента, с другой стороны, он имеет специфические черты, которые отражают его особенности, отличающие его от классической формы аналогичного правового акта англо-американской правовой семьи. Эти же особенности предопределяют ряд нерешенных проблем, которые нуждаются в концептуальном осмыслении.

Ключевые слова: формы права, судебный прецедент толкования, сравнительно-правовой анализ.

O.B. Kuptsova

JUDICIAL PRECEDENT OF INTERPRETATION: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Currently, in the conditions of convergence of legal systems, the judicial precedent of interpretation is increasingly developing and terminological certainty. In line with the improvement of modern law, the choice of the optimal form of consolidation of both normative legal institutions and legal principles is significant; the orientation of the right to regulate new actively developing social relations, the effective development of related legal institutions existing in line with various legal systems. On the one hand, the Russian judicial precedent of interpretation has characteristics that allow it to be identified as a kind of legal precedent, on the other hand, it

has specific features that reflect its features that distinguish it from the classical form of a similar legal act of the Anglo-American legal family. These same features predetermine a number of unresolved problems that need conceptual understanding.

Key words: forms of law, judicial precedent of interpretation, comparative legal analysis.

Развитие права, которое осуществляется в русле конвергенции правовых систем, принадлежащих к различным правовым семьям, в первую очередь затрагивает сближение непосредственно форм права, в которых закрепляются нормативные правовые установления и сближение содержательной составляющей, которая включает в себя ряд нормативных правовых положений, которые заимствуются из одних правовых систем в другие.

Как отмечает И.Ю. Богдановская, утверждение основных характеристик и принципов прецедентного права осуществлялось с утверждением юридического позитивизма, в первую очередь значимым является факт признания судебного нормотворчества [1, с. 42]. Эти процессы продолжают свое развитие и в настоящее время. Вместе с тем в российском праве судебное правотворчество не признается, существует лишь так называемое отрицательное судебное правотворчество.

В настоящее время в российской правовой системе правовой прецедент, в том числе судебный прецедент, в чистом виде не существует и не признается таковым. Но тем и отличается правовая система каждого государства, что во многих случаях в плане развития форм права получается определенный их набор, обладающих специфическими, в ряде случаев уникальными характеристиками. В российском праве получили распространение так называемые судебные прецеденты толкования, которые активно развиваются в русле технико-юридического совершенствования в условиях современной юридической конвергенции (классические примеры – постановления Конституционного Суда Российской Федерации и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, к ним можно отнести с определенной долей условности и некоторые определения Конституционного Суда Российской Федерации). С увеличением количества принимаемых нормативных правовых актов роль этих актов официального толкования воз-

растает. В теоретико-правовой доктрине существуют мнения ряда исследователей, в частности проф. М.Н. Марченко, что это акты очень близки к судебным прецедентам. Они содержат правоположения, в которых содержатся разъяснения действующего российского законодательства, которые носят общий характер, имеют неоднократное применение и издаются высшими судебными органами. Не вызывает сомнений тот факт, что, применительно к специфике российской правовой системы, формирование и функционирование прецедента на основе действующего законодательства имеет вторичный характер по сравнению с законом [2, с. 107], так как прецедент толкования – это особый вид прецедента, учитывая тот факт, что интерпретация всегда вносит что-то новое в правовую форму [3, с. 30]. Кроме того, специфика отраслевой типизации позволяет выделить в данных судебных актах *ratio decidendi* и *obiter dictum* (хотя также с определенной долей условности). Вместе с тем как по своим формальным особенностям, так и по содержательным характеристикам российские судебные прецеденты толкования имеют сходные признаки, а также весьма существенные различия с аналогичными актами англо-американской правовой семьи. Специфические черты российского судебного прецедента толкования, которые отличают его от классической формы аналогичного правового акта, характерного для англо-американской правовой семьи, определяют ряд нерешенных проблем, которые нуждаются в концептуальном осмыслении.

Одной из таких проблем является определение характера нормативного значения, которое содержится в *ratio decidendi*. Учитывая, что некоторые исследователи даже более узко понимают суть прецедентного источника (формы) права, относя к ним не сам прецедент как правовой акт, а лишь *rationes decidendi* – суть правовой позиции судьи, основу его решения [4, с. 70]. В российском праве важно определить, можно ли нормативное положение *ratio decidendi* считать нормой права или это всего лишь правоположение, которое вырабатывается на основании анализа судебной практики и в любом случае носит вторичный характер по отношению к нормативным установлениям толкуемых юридических норм.

Рассматривая специфику формулирования содержательных элементов судебных прецедентов толкования в российском

праве, стоит констатировать, что правовоположения, которые содержатся в российских судебных прецедентах толкования не получают полноценной системной связи с правовыми установлениями, содержащимися в нормативных правовых актах. В настоящее время отметить некоторую степень разрозненности между ними, в частности, это касается рассогласованности законодательных дефиниций и иных видов юридических дефиниций, которые содержатся в прецедентных актах. Также достаточно неопределенна юридическая судьба правовоположений, разъясняющих правовые установления нормативных правовых актов, которые уже утратили свою юридическую силу. В этом отношении важно решить проблему необходимости и достаточности данных разъяснений в российской правовой системе и проблему корректировки правовых позиций высших судебных органов в избранных темпоральных пределах. Кроме того, представляется значимым на технико-юридическом уровне развивать механизм перехода данных правовоположений в изменения действующего российского законодательства. Также недостаточно разработанной является проблема изменяющего правотворчества, которое сопровождает интерпретационную деятельность высших судебных органов. В русле поиска ее разрешения необходимо определить степень влияния правовоположений, которые являются концентрированным выражением анализа судебной практики на совершенствование норм права.

Следует отметить недостаточный уровень готовности субъектов права к эффективной интерпретации, в частности, к эффективному мониторингу в этой сфере. В связи с этим выделяется проблема использования в настоящее время некоторых разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации по поводу соответствия Конституции Российской Федерации установлений нормативного правового акта, который на данный момент времени уже давно утратил юридическую силу. Возникает вопрос о степени достаточности этих разъяснений и нужно ли осуществлять корректировку правовых позиций высших судебных органов с течением времени и не должны ли важнейшие из них в дальнейшем «перерастать» этот уровень и переходить в изменения, которые вносятся в действующее российское законодательство. Также значимым видится вопрос о том, в какой степени изменяющее нормотворчество должно сопровождать интерпретационную деятельность высших судебных

органов. Эти вопросы еще ждут своего окончательного решения в правовой доктрине и в сознании интерпретатора.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что судебный прецедент толкования как разновидность классической формы права существует в правовых системах, которые принадлежат к различным правовым семьям. Применительно к специфике национального права имеет характерные специфические черты, сохраняя основные общие признаки данной формы права. Судебные прецеденты толкования обладают существенным потенциалом своего развития и нуждаются в дальнейшем сравнительно-правовом анализе.

Список использованной литературы

1. Богдановская И.Ю. Прецедентное право / И.Ю. Богдановская. – Москва : Наука, 1993. – 239 с.
2. Марченко М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и форм проявления / М.Н. Марченко // Журнал российского права. – 2006. – № 6 (114) – С. 96–107.
3. Тонков Е.Н. Английский прецедент и российский прецедент толкования: соотношение феноменов / Е.Н. Тонков // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 10. – С. 27–32.
4. Михайлов А.М. Судебная власть в правовой системе Англии / А.М. Михайлов. – 2-е изд. – Москва, 2023. – 355 с.

Информация об авторе

Ольга Борисовна Купцова – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: olga.kuptsova@mail.ru.

Author

Olga Borisovna Kuptsova – Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Law Faculty, National Research Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: olga.kuptsova@mail.ru.

ТЕОРИЯ ПРАВА ВО ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Сравнительный анализ правовых доктрин разных стран возможен на основе фундаментальных параметров – таких, например, как система ведущих категорий, их структурная организация. Структура общей теории права как фундаментальной подсистемы французской научной юридической доктрины анализируется через призму основных ее категорий, к которым, исходя из анализа французской теории права, следует отнести категории «право» – объективное право и «права» – субъективные права. Производится сравнение структуры французской теории права со структурой одноименной российской научной дисциплины, которая построена на идее механизма правового регулирования. Несмотря на различия в структурном представлении соответствующих теорий права, обнаруживается большое сходство между ними по основному тематическому содержанию изучаемой проблематики, хотя при более детальном анализе теоретические доктринальные различия нарастают. Отмечается высокая степень автономности научных юридических доктрин от социально-правовых систем соответствующих стран и от их успешного, прогрессивного или, напротив, регрессивного развития.

Ключевые слова: право, права, объективное право, субъективные права, механизм правового регулирования, теория права, правовая доктрина.

A.P. Semitko

THEORY OF LAW IN FRANCE: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

A comparative analysis of the legal doctrines of different countries is possible on the basis of fundamental parameters – such as, for example, the system of leading categories, their structural organization. The structure of the general theory of law as a fundamental subsystem of French scientific legal doctrine is analyzed through the prism of its main categories, which should include the categories

«law» – objective law and «rights» – subjective rights. The structure of the French theory of law is compared with the structure of the Russian scientific discipline of the same name, which is based on the idea of a mechanism of legal regulation. Despite the differences in the structural representation of the relevant theories of law, a great similarity is found between them in the main thematic content of the studied problem, although with a more detailed analysis, theoretical doctrinal differences grow. There is a high degree of autonomy of scientific legal doctrines from the socio-legal systems of the respective countries and from their successful, progressive or, on the contrary, regressive development.

Key words: law, rights, objective law, subjective rights, the mechanism of legal regulation, law theory, legal doctrine.

Сравнение правовых доктрин разных стран в целом возможно по разным, но, скорее всего, лишь по каким-либо крупным, обобщенным, фундаментальным параметрам, которые бы позволили дать общую и весьма краткую характеристику соответствующих доктрин для последующего их сопоставления и анализа. К таким параметрам следует отнести, с нашей точки зрения, перечень основных, ведущих категорий, а также структурную организацию научного материала, что свидетельствует о наиболее важных, с точки зрения данного научного сообщества, компонентах и связях между ними. Рассмотрим французскую теоретическую правовую доктрину под указанным углом зрения в сравнении со структурой современной российской теории права.

Последняя базируется на сформулированной С.С. Алексеевым в середине 60-х гг. прошлого века идее механизма правового регулирования, в которой все важнейшие категории общей теории права органично интегрированы в одну конструкцию, моделирующую процесс и результат правового регулирования, фиксирующую основные его стадии и элементы, которые мы можем увидеть в результате анализа всей правовой системы в целом. Такое структурированное и интегративное видение процесса правового регулирования или, другими словами, механизма «работы» права в социальной системе придало российской науке общей теории права организованный и упорядоченный характер, позволило более глубоко раскрыть логику функционирования правовой системы в целом, а также

отдельных ее институтов – правотворчества, правоприменения, правореализации – и субъектов, в том числе субъектов, реализующих право, а также его творящих и применяющих. Не остался забытым здесь и «фон» или, точнее, фундамент их функционирования: режим законности, правопорядок, правовое сознание и правовая культура. Любой современный учебник по теории государства и права в части, посвященной теории права, так или иначе ориентируется на раскрытие смысла существования и функционирования указанных компонентов и описывающих их категорий, причем в достаточно строгой и четкой последовательности: от норм права и правотворчества, через правоотношение к реализации, в том числе толкованию права и правоприменению и т.д., т.е. ориентируется на логику и категориальный аппарат, которые заложены в концепции механизма правового регулирования.

В этом отношении уровень развития современной российской общей теории права хорошо заметен в сопоставлении с зарубежными подходами. Если сравнить организационный, структурный план нашей теории с французской теорией права, то можно увидеть, что первая представлена в четкой «механической» форме как целостная, логично построенная и хорошо работающая эвристическая конструкция. Такой эффект достигается именно и прежде всего с помощью введения в нашу юридическую науку конструкции механизма правового регулирования, разработанного в окончательной и отчетливой форме С.С. Алексеевым в 1966 г. [1]. Новые направления современных научных поисков в российской правовой науке (коммуникативное, диалогическое, постклассическое, герменевтическое, персоноцентристское, либертарное, интегративное и др.) являются весьма перспективными и свидетельствуют порой о серьезных и глубоких прорывах в исследовании нашей теории права, но пока не могут, наверное, считаться полностью завершенными в структурном и иных отношениях, чтобы полностью заместить классическую правовую парадигму российской юриспруденции.

Если рассмотреть, как представлена общая теория права во Франции, то можно увидеть, что там нет такого четкого, структурирующего всю науку конструктивного стержня, который в ясной и выразительной форме представляет модель функционирования права в обществе, объединяя при этом

большую часть категорий общей теории права в целостную систему. По причине отсутствия во французской общей теории права подобной интегрирующей категории ее структура «плавает» от автора к автору, от подхода к подходу и в большинстве случаев сориентирована на крупные и хорошо заметные с разных сторон компоненты правовой системы. Исходя из известного положения Т. Куна о том, что стандартная, или нормальная, наука сконцентрирована в учебниках [2, с. 46], имеет смысл проанализировать структуру, прослеживаемую во французских учебниках по теории права, чтобы увидеть, каким образом ученые-юристы представляют себе теорию права и какие категории считают необходимым анализировать в первую очередь.

Если обратиться к учебникам по «Введению в право» или «Общему введению в право» (так в основном называются курсы и дисциплины, в рамках которых студенты изучают общую теорию права), то можно увидеть ориентацию их авторов на два внешних, хорошо видимых параметра правовой системы – на объективное право и на субъективные права, которые и представлены в одноименных категориях. В указанных учебниках в самом разном соотношении рассматриваются такие вопросы и выражающие их категории, как понятие права и различные подходы к его интерпретации, право в системе социальных норм, понятие нормы права, его источников (их виды и в особенности характеристика закона), деление права на частное и публичное, толкование права, субъективные права, субъекты права (физические и юридические), судебная система (фрагмент из другой российской юридической дисциплины, в рамках которой изучают организацию судебной власти и правоохранительных органов), иногда вопросы реализации и применения права и т.д.

Наиболее распространенным является представление теоретических подходов французских ученых о праве в целом через рассмотрение двух ключевых категорий и соответствующих им двух крупных разделов или структурных частей их общей юридической теории или теории права: первая часть – это право объективное и вторая часть – права субъективные. В нашей теории права указанная проблематика изучается тоже, но как отдельный вопрос в рамках более широких тем, в которых анализируется сущность права в целом; формулируют этот вопрос обычно как «право объективное и право субъективное» или

«право в объективном и субъективном смысле» и т.п., и, кроме того, всегда подчеркивается соответственно единственная и множественная форма словоупотребления при описании природы указанных двух правовых феноменов. Во французской правовой доктрине категория «субъективное право» также практически всегда берется во множественном числе, в том числе и в названии соответствующих разделов учебных курсов. Так, известный французский цивилист и теоретик Жан-Люк Обер в кратком варианте своего учебного пособия о праве, рассчитанного на широкий круг читателей и потому достаточно простого, понятного и не очень большого по объему (здесь и далее в сносках указан объем учебников в страницах), выделяет именно эти две категории и соответствующие им две части теории права: 1) право объективное и 2) субъективные права [4]. В первой части рассмотрены последовательно три категории (в соответствующих трех главах): норма права, создание нормы права (ее образование или возникновение в форме закона и обычая, а не в ходе правотворчества, как мог бы понять эти термины российский юрист) и толкование нормы права (через судебную и иную – административную, нотариальную, адвокатскую и т.п. – практику и доктрину в целом; и поэтому в начале данной главы автор обсуждает вопросы техники толкования). Во второй части – четыре категории (в четырех главах): понятие субъекта права (физические и юридические лица), основные субъективные права (неимущественные и имущественные), источники субъективных прав (юридические акты и юридические факты) и доказательство наличия (или отсутствия) субъективных прав. В другом своем «полнокровном» и достаточно популярном во Франции учебнике, рассчитанном на студентов-юристов, автор лишь чуть расширяет вторую часть, озаглавливая ее «субъективные права и юридическая личность», и добавляет третью часть, которая, в нашем понимании, уже не относится к общей теории права: гражданское право (где автор дает, по его словам, «эскиз основных тем») [3].

Весьма фундаментальный по объему, глубине и охвату вопросов теории права учебник Генри Ролана и Лорана Буайе [12] (первые пять изданий были под редакцией Бориса Старка [13]) также состоит из двух упомянутых выше частей, каждая из которых делится на два титула (раздела): первая часть «Объективное право» – на разделы и соответствующие им категории

«Природа объективного права» и «Источники объективного права», а вторая часть «Субъективные права» – на разделы и соответствующие им категории «Понятие субъективного права» (субъективное право здесь как исключение – в единственном числе, что вполне логично, так как речь идет о понятии) и «Режим субъективных прав».

Таким образом, вся теория права представлена здесь через анализ объективного права и прав субъективных. Такой подход широко распространен во французской литературе по теории права. Так, например, Патрик Курб в восьмом издании своего «Общего введения в право» [7] также делит курс на указанные две части – объективное право и субъективные права. В рамках анализа объективного права автор рассматривает норму права (ее критерии, а также ее анализ с точки зрения социологии, экономики и истории) и ее обоснование (идеалистическое – через различные юснатуралистические подходы и позитивистское – через юридический, научный и марксистский позитивизм), деление права (на публичное и частное) и его источники – международные источники: договоры, общеевропейское право, право Совета Европы и источники национальные: закон, обычай, судебную практику и доктрину. Во второй части учебника анализируются такие вопросы, как классификация, источники, доказательство и обеспечение субъективных прав.

Жиль Таормина в двух своих учебниках – разных по названию («Введении в изучение права» [14] и «Введение в право» [15]), объему (почти в два раза) и по внутренней, более детализированной структуре – сохраняет, тем не менее, «глобальную», или общую, структуру теории права – деление ее на два традиционных раздела: объективное право и субъективные права. Такое же деление теории права можно увидеть в учебнике Софи Дрюфан-Брика и Лоранс-Каролин Энри «Общее введение в право» [8], в выдержавшем несколько изданий «Общем введении в право» Брюно Пети [11] (и в более раннем издании его работы [10]), в работе Люка Гартмана [9] (указанные две части представлены как аспекты: «Объективный аспект права» и «Субъективный аспект права: субъективные права») и др. Бернар Бэнье и Корин Блери в «Учебнике по введению в право» [6] те же самые, хорошо известные и традиционные для французской юридической литературы по теории права части называли еще проще и короче: «Право» и «Права». Вышедший

через два года в другом издательстве учебник этих же авторов под названием «Лекции по введению в право» [5], хотя и увеличился в объеме почти в два раза, однако сохранил прежнюю структуру, но с чуть большей детализацией внутри двух традиционных структурных компонентов.

«Глобальное» сравнение двух теоретических правовых доктрин показывает, что хотя они и различаются по общей структуре (право и права, с одной стороны, и механизменный подход – с другой), но по содержанию большая часть важных теоретических проблем рассматривается как в той, так и в другой доктрине (понятно, что при этом имеется масса нюансов и различий в деталях и подходах, что оставим для другого нашего текста по указанному поводу). Представляется, что российская теория права в той форме-структуре, как она предложена С.С. Алексеевым в 1966 г., а затем воспринята всей нашей научной юридической общественностью, представляет собой стройную, четкую и достаточно ясную конструкцию. Все юридические категории организованы вокруг идеи механизма правового регулирования. Эта конструкция составляет фундамент нашей теории и, думается, в ближайшие десятилетия или, вполне вероятно, что даже века (это уже будут решать наши теоретические последователи) мы вряд ли сможем от нее отказаться. Рассматривая с большим интересом находки, имеющиеся во французской теории права, мы смеем надеяться, что и зарубежные авторы заинтересуются нашей теоретической репрезентацией правовых явлений, тем более что в континентальных правовых системах в области фундаментальных технико-юридических оснований, по-видимому, больше общего, чем особенного. Хотя представление общей теории права через ключевые категории – право и права – как это сделано во французской юридической доктрине, вполне приемлемо и не препятствует существованию, функционированию и даже вполне успешному, прогрессивному развитию французской правовой системы в целом и субъективных прав ее участников в особенности.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1966. – 187 с.
2. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – Москва : Изд-во АСТ, 2003. – 605 с.
3. Aubert J.-L. Introduction au droit et thèmes fondamentaux du droit civil / J.-L. Aubert. – 9e éd. – Paris : Armand Colin, 2002. – 360 p.
4. Aubert J.-L. Introduction au droit / J.-L. Aubert. – 9e éd. – Paris : PUF, 2004. – 128 p.
5. Beignier B. Cours d'introduction au droit / B. Beignier, C. Bléry. – Paris : Montchrestien, 2006. – 620 p.
6. Beignier B. Manuel d'introduction au droit / B. Beignier, C. Bléry. – Paris : Presses universitaires de France, 2004. – 320 p.
7. Courbe P. Introduction générale au droit / P. Courbe. – 8e éd. – Paris : Dalloz, 2003. – 152 p.
8. Druffin-Bricca S. Introduction générale au droit / S. Druffin-Bricca, L.-C. Henry. – Paris : Gualino Editeur, 2007. – 484 p.
9. Hartemann L. Introduction générale au droit / L. Hartemann. – 2e éd. – Lyon : L'hermes, 1998. – 173 p.
10. Petit B. Introduction générale au droit / B. Petit. – 2e éd. – Grenoble : Presses universitaires de Grenoble, 1992. – 160 p.
11. Petit B. Introduction générale au droit / B. Petit. – 6e éd. – Grenoble : Presses universitaires de Grenoble, 2006. – 160 p.
12. Roland H. Introduction au droit / H. Roland, L. Boyer. – Paris : Litec, 2002. – 664 p.
13. Starck B. Introduction au droit / B. Starck, H. Roland, L. Boyer. – 2e éd. – Paris : Litec, 1988. – 641 p.
14. Taormina G. Introduction à l'étude du droit / G. Taormina. – Aix-en-Provence : Université Aix-En-Provence Libr., 2005. – 486 p.
15. Taormina G. Introduction au droit / G. Taormina. – Paris : Hachette, 2006. – 248 p.

Информация об авторе

Алексей Павлович Семитко – заведующий кафедрой публичного права, декан факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), доктор юридических наук, старший научный сотрудник РАН, профессор. E-mail: ase-

mitko@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-4425-3053. SPIN-код:
5866-9944.

Author

Alexey Pavlovitch Semitko – Head of the Department of Public Law, Dean of the Faculty of ANO VO Humanitarian University (Yekaterinburg), Doctor of Law, Senior Researcher of the Russian Academy of Sciences, Professor. E-mail: asemitko@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-4425-3053. SPIN-код: 5866-9944.

ФЕНОМЕН НОРМ-ОГОВОРК В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье автором предпринята попытка расширения знания о специализации законодательства путем изучения юридической природы и сущности такой разновидности правового предписания, как норма-оговорка. На основе совокупности различных методов исследования автором выдвигается гипотеза о возможности позиционирования нормы-оговорки в качестве самостоятельного вида правового предписания, обладающего акцессорным характером по отношению к основному правилу поведения и направленного на дополнение и изъятие в правовом регулировании. Используя достижения юридической доктрины, проанализировав имеющиеся взгляды относительно юридической техники правотворчества, опираясь на примеры законодательства и правоприменительной практики, автор доказывает сущностные признаки нормы-оговорки, позволяющие выделить ее в числе иных специальных правовых норм, установить ее конкретизирующее и детализирующее значение, определить место в числе приемов и средств правового воздействия.

Ключевые слова: норма права, норма-оговорка, юридическая техника, правотворчество.

Yu.A. Gerasimenko

THE PHENOMENON OF NORMS-RESERVATIONS IN RUSSIAN LEGISLATION

In the article, the author attempts to expand knowledge about the specialization of legislation by studying the legal nature and essence of such a kind of legal prescription as a norm-reservation. On the basis of a combination of various research methods, the author puts forward a hypothesis about the possibility of positioning a reservation norm as an independent type of legal prescription, having an accessory character in relation to the basic rule of conduct, and aimed at supplementing and withdrawing in legal regulation. Using the achievements of the legal doctrine, analyzing the existing views

on the legal technique of law-making, relying on examples of legislation and law enforcement practice, the author proves the essential features of the norm-reservations, which make it possible to distinguish it among other special legal norms, to establish its concretizing and detailing significance, to determine its place among the techniques and means of legal influence.

Key words: rule of law, reservation rule, legal technique, law-making.

Юридические нормы, находясь в фокусе ключевых проблем правоведения, на протяжении всего периода их исследования эволюционировали. Менялись подходы к их рассмотрению, в том числе через призму определения места в кругу иных социальных норм (политических, религиозных, технических и иных), так и соотношения со специальными их разновидностями (исключениями, дополнениями, отсылками и пр.). При этом особенные средства фиксации правил поведения, зачастую рассматривались как компоненты правового воздействия, но не относились непосредственно к типам и видам правовых предписаний, регулирующих отношения в обществе.

Тем не менее появление и последующее активное использование в нормах законодательства уточнений, дополнений, корректировок, изъятий, предусматривающих иной – отличный от общеустановленного правового порядка, актуализировало обращение ученого сообщества к проблематике оговорок в целом, и норм-оговорок в частности. Интересным в этой связи выступает рассмотрение природы нормы-оговорки, с учетом соотношения ее с основополагающими качествами нормы права, которая должна иметь характер общеобязательности, строгой определенности, стабильности и пр.

В отечественной правовой мысли дефиницию оговорки к актам законодательства одним из первых предложил И.Д. Шутак. Автор считает, что это «социально-обусловленное, имеющее специальную нормативно-лексическую форму условия (заявление, положение), которое частично изменяет содержание или объем действия нормы закона, создает новый правовой режим, выступает формой согласования интересов и порождает определенные правовые последствия» [1, с. 10]. Принимая во внимание, что автор выступил новатором исследования данного сложного юридического феномена, сам по себе факт форму-

лирования дефиниции не может не вызывать позитивной реакции. Однако относительно содержательной составляющей, полагаем, высказанная им точка зрения может быть уточнена по нескольким основаниям.

Первое, что обращает на себя внимание, – это позиционирование оговорки как условия изменения нормы права. В таком контексте она сама должна выступать либо частью данного правового предписания (например, диспозицией), либо полностью являться неким альтернативным правилом поведения. Полагаем, что воспринимать все оговорки в законодательстве исключительно в качестве особенных диспозиций было бы неправильным, поскольку законодательные акты содержат немало оговорок-принципов (например, статья 35 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ), оговорок-наименований статей (например, ст. 15.39 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ), и даже оговорок-наименований нормативных правовых актов (к примеру, «Об укреплении бюджетной дисциплины в части таможенных платежей» – указ Президента РФ от 18 сентября 1996 г. № 1363).

Второй аспект, который обратил на себя наше внимание в высказывании И.Д. Шутак, обусловлен позиционированием оговорок в качестве средства создания нового правового режима. Правовой режим, в нашем понимании (если мы не берем во внимание точку зрения, согласно которой, конструкции «правовой режим» и «правовое состояние» являются тождественными. В частности, подобное мнение, например, высказывается в работе Ю.С. Новиковой [2, с. 134]), тем более новый, должен отличаться от существующего порядка регулирования общественных отношений несколькими фундаментальными условиями. Во-первых, кардинально иным и при этом сочетающимся набором используемых средств, методов и технологий правового регулирования. Так, сочетание юридических средств как признак правового режима обоснован в работе профессоров Н.И. Матузова и А.В. Малько [3, с. 17–18]. Норма-оговорка хотя и содержит в себе изъятие и (или) дополнение, но все же опирается на базовое предписание, реализуется в рамках установленного порядка. Во-вторых, правовой режим должен быть образован совокупностью норм права (они, по верному выражению Г.С. Беляевой, составляют его основу [4, с. 25]), при

этом не только нормами-оговорками, а еще и нормами-принципами, нормами-аксиомами и пр.

Одной из наиболее распространенных точек зрения в отечественной науке является рассмотрение оговорок как элемента юридической техники, без позиционирования в качестве особой нормы права. Так, близким к обозначенной позиции является мнение М.Л. Давыдовой, согласно которому оговорка в праве может рассматриваться в качестве определенной части содержания юридического предписания [5, с. 26]. Профессор А.Г. Репьев пишет о том, что оговорка характеризуется факультативностью и конкретизирующим свойством, имеет нормативно-обязывающий характер, а в качестве ее функций обозначены «дифференциация и индивидуализация правового регулирования, согласование интересов участников правоотношений» [6, с. 25]. Работы, посвященные непосредственно рассмотрению правовых норм, являющихся по своей сути оговорками, крайне редки. Следует в целом признать, что профессора М.Л. Давыдова, А.Г. Репьев, И.Д. Шутак также феномен «оговорка» воспринимали в большей степени как технико-юридический прием. Это объясняет несколько зауженный характер юридической природы оговорки, которая, на наш взгляд:

- во-первых, вполне может быть рассмотрена как самостоятельная разновидность специального правового предписания, т.е. в качестве вида нормы права;

- во-вторых, безусловно имеет больший потенциал, чем только лишь дифференциация и индивидуализация).

Остановимся более подробно на аргументации выдвинутой гипотезы.

Относительно первого момента укажем, что для обеспечения конкретизации, детализации правового регулирования, устоявшейся практикой законодательных органов является использование норм-изъятий, норм-дополнений и пр. К примеру, согласно требованиям Федерального закона от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» «при подписании электронной подписью пакета электронных документов каждый из электронных документов, входящих в этот пакет, считается подписанным электронной подписью того вида, которой подписан пакет электронных документов» (ч. 4 ст. 6). Однако в тексте этой же статьи присутствует норма-оговорка «исключе-

ние составляют случаи, когда в состав пакета электронных документов лицом, подписавшим пакет, включены электронные документы, созданные иными лицами (органами, организациями) и подписанные ими тем видом электронной подписи, который установлен законодательством Российской Федерации для подписания таких документов».

Подобные разновидности специальных правовых установлений, по мнению А.Г. Репьева, И.Н. Сенякина, А.Ф. Черданцева и др., регулируют не родовые общественные отношения, а видовые, т.е. более узкие [7, с. 50–53; 8, с. 43; 9, с. 128]. Вместе с тем, участвуя в правовом регулировании, они устанавливают сферу действия общих норм, детализируют механизмы регламентации через дополнительные элементы, стороны, которые входят в подвид общественных отношений. Эту тенденцию подметил еще в советское время С.С. Алексеев, указав, что «развитие специализации права состоит в том, что общие предписания обрастают конкретизирующими положениями, и, таким образом, постепенно формируются самостоятельные правовые общности» [10, с. 111].

Относительно второй части выдвинутой нами гипотезы убеждены, что потенциал норм-оговорок значительно шире и не ограничивается дифференциацией и индивидуализацией. Нормы-оговорки – полноценный инструмент правового регулирования, посредством которого законодатель реализует и общеохранительное, и общедозволительное правовое воздействие. Подтверждением сказанному служат нормативные правовые акты, в наименовании которых содержатся оговорки. Полагаем, прибегая к такому технико-юридическому варианту формулирования наименования, орган правотворчества показывает, что акт в целом направлен на видовые отношения (вытекающие из родовых), но их регулирование будет проходить в рамках всех имеющихся средств и технологий юридического воздействия. В подобных актах есть место и ограничительному регулированию, и стимулирующему, в нем предусмотрено как правовое поощрение, так и юридическая ответственность. К примеру, постановление Правительства РФ от 22 июня 2006 г. № 390 хотя содержательно и выполнено в рамках детализации, конкретизации родовых общественных отношений (вещевое обеспечение военнослужащих), но по своему функциональному назначению регулирует видовую разновидность данных отно-

шений, а именно – складывающихся в мирное время (О вещевом обеспечении в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, в мирное время: постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 390). При этом, образовавшись как совокупность норм-оговорок (предусматривающих юридические правила исключительно для мирного времени), по своей структуре и наполнению нормативный правовой акт логически непротиворечив, объемён, содержит соответствующий дефинитивный аппарат, механизм реализации правовых предписаний, гарантии их действия и пр.

В свете сказанного *норму-оговорку* можно представить как *разновидность нормативного предписания, являющаяся следствием специализации правил поведения, закрепляющая изъятия и (или) дополнения в правовом регулировании, а также конкретизирующая и детализирующая данный процесс, путем установления связи узкого (адресного) предписания с генеральной нормой поведения.*

Список использованной литературы

1. Шутак И.Д. Оговорки в законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Д. Шутак. – Санкт-Петербург, 1994. – 16 с.
2. Новикова Ю.С. Правовое состояние и правовой режим: вопросы разграничения понятий / Ю.С. Новикова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. – 2006. – № 13 (68-2). – С. 131–135.
3. Матузов Н.И. Правовые режимы: вопросы теории и практики / Н.И. Матузов, А.В. Малько // Известия ВУЗов. Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 16–29.
4. Беляева Г.С. Правовой режим в общетеоретическом измерении : монография / Г.С. Беляева. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 240 с.
5. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку : монография / под ред. д-ра юрид. наук А.В. Аверина, д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Давыдовой. – Владимир : Владимир. филиал РАНХиГС, 2022. – 242 с.
6. Репьев А.Г. Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосоче-

тания «в случае») / А.Г. Репьев // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 10. – С. 20–34.

7. Репьев А.Г. Спецификация правовых норм как тенденция правотворчества (на примере уголовно-исполнительного законодательства) / А.Г. Репьев, А.М. Репьева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 2 (54). – С. 49–55.

8. Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права / И.Н. Сенякин / под ред. проф. М.И. Байтина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 97 с.

9. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права / А.Ф. Черданцев. – Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1972. – 191 с.

10. Алексеев С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 263 с.

Информация об авторе

Юлия Андреевна Герасименко – аспирант кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета. E-mail: Julia.tsikolenko@mail.ru.

Author

Yulia Andreevna Gerasimenko – Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law of Rostov State University of Economics. E-mail: Julia.tsikolenko@mail.ru.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ НОРМА: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА

В статье подвергаются анализу современные закономерности использования экспериментальной правовой нормы в рамках правотворческого процесса и законодательного экспериментирования. Выдвигается гипотеза о тенденциях доминирования экспериментальных правовых предписаний в качестве средства осуществления государственных преобразований. Аргументируется вывод о допустимости выделения в числе специальных норм российского права экспериментальных правовых предписаний, действие которых ограничено как во времени, так и в пространстве, по кругу лиц. Используя достижения юридической доктрины, проанализировав имеющиеся взгляды относительно экспериментального правотворчества, опираясь на примеры законодательства и правоприменительной практики, автор доказывает, что экспериментальная правовая норма выступает ядром, нормативной основой для законодательного экспериментирования.

Ключевые слова: норма права, законодательный эксперимент, экспериментальная норма права, правотворчество.

A.V. Margaryan

LEGISLATIVE EXPERIMENT AND EXPERIMENTAL LEGAL NORM: DOCTRINE AND PRACTICE

The article analyzes the modern patterns of the use of experimental legal norms in the framework of the law-making process and legislative experimentation. A hypothesis is put forward about the trends of the dominance of experimental legal prescriptions as a means of implementing state transformations. The conclusion is argued that it is permissible to single out experimental legal prescriptions among the special norms of Russian law, the effect of which is limited both in time and in space, in a circle of persons. Using the achievements of the legal doctrine, analyzing the available views on experimental law-making, relying on the application of legislation

and law enforcement practice, the author proves that the experimental legal norm acts as the core, the normative basis for legislative experimentation.

Key words: rule of law, legal experiment, experimental rule of law, lawmaking.

Советские ученые-правоведы еще во второй половине XX в., с накоплением нормативного материала, обращали внимание на требования, предъявляемые к правотворческой деятельности. «Законодатель должен рассматривать себя как естествоиспытателя при отборе нужных форм», для чего ему необходимо овладеть «такими методами и средствами, которые могут сделать правовые нормы и рекомендации абсолютно точными» [1, с. 17]. Одним из таких средств, позволяющих, с одной стороны, выверено подойти к правовому опосредованию нестандартных социальных отношений, а с другой – наступательно, но при этом осторожно применить сочетание проверенных и инновационных механизмов правового регулирования, выступает законодательный эксперимент, как думается, основывающийся на конструировании и принятии экспериментальной правовой нормы.

Анализ феномена «законодательный эксперимент» с позиции юридической социологии предпринял французский ученый Ж. Карбонье. Автор в его содержание вложил «наличие сомнений в принципиальной установке, положенной в основу предлагаемой реформы, или сомнений в методах ее реализации», при которых «законодатель принимает закон и вводит его в действие лишь для того, чтобы посмотреть, как он будет применяться» [2, с. 268]. Как видно, стержнем содержательной части данного феномена выступает реформа как политико-правовой институт, в чем мы видим определенную уязвимость предложенного положения. Если взять за основу современные исследования теоретиков права [3; 4], реформа, с государственно-правовой точки зрения, представляет собой совокупность последовательных действий (экономических, организационных и других) институтов политической власти, имеющих значимые и инновационные в своем масштабе цели преобразования социальных отношений, приводящих последние в качественно иное, новое правовое состояние.

Убеждены в этой связи, что экспериментирование хотя и может сопровождать государственно-правовое реформирование (в качестве отдельного компонента, на определенном этапе и пр.), однако только этим явлением не ограничивается. Масса примеров законодательных экспериментов, которые в целом не направлены на существенное (кардинальное) изменение каких-либо социальных сфер и отношений внутри них, а лишь призваны опробовать отдельные методики воздействия на эти сферы. К примеру, в период с 2013 по 2015 г. в Российской Федерации проводился эксперимент по обучению молодых женщин в возрасте до 23 лет, имеющих одного и более детей, на подготовительных отделениях федеральных государственных образовательных организаций высшего образования [5]. Ключевые основы государственной политики в области образования остались неизменными, однако относительно отдельных форм реализации прав на повышение профессионального уровня, укрепления гарантий прав женщин, методы государства были пересмотрены.

Законодательный эксперимент и экспериментальная правовая норма, безусловно связаны между собой, как процесс и средства реализации. К такому выводу мы приходим, опираясь на методологию исследования. Эксперимент с позиций диалектического материализма воспринимается как предметно-орудийная деятельность, активное вмешательство человека в окружающую среду. С этой точки зрения правовой эксперимент предполагает материально-практическое воздействие на предмет посредством других средств. Таким средством выступает экспериментальная правовая норма.

Сущность экспериментальной правовой нормы, на наш взгляд, вполне уместно рассматривать через призму института правового экспериментирования в целом. Так, профессор В.В. Лазарев полагает, что оно является «разновидностью юридической практики» и сводится «к выполнению определенных действий, созданию новых условий в области общественных отношений, регулируемых нормами права» [6, с. 6]. Позиция ученого видится весьма обстоятельной, однако может быть развита.

Во-первых, с точки зрения сферы применения. Отнесение правового экспериментирования лишь к сфере юридической практики может быть осуществлено только в самом широком значении данного термина, т.е. ко всей юридической деятель-

ности. Вместе с тем позволим себе предположить, что экспериментирование в области государства и права невозможно без создания и утверждения экспериментальны правовых норм, что, как известно, реализуется в области правотворчества, а не правоприменения.

Во-вторых, сам по себе характер новизны для вновь создаваемых нормативных установлений еще не обеспечивает их качеством экспериментальности. В таком случае всю деятельность органов законодательной власти можно признать построенной на методе проб и ошибок, т.е. экспериментировании. Это безусловно не так. Между тем, например, В.К. Бабаев призвал стремиться к такому подходу, указывая, что социально-правовой эксперимент «должен стать обязательным предварительным этапом в подготовке всех групп нормативных актов» [7, с. 72].

Весьма широкой трактовки экспериментальной правовой нормы (в понимании опытного шага, пробы) придерживается К. Кульчар, полагая, что «введение в действие любой правовой нормы можно считать опытом, проводимым в естественной среде» [8, с. 183]. Подобное восприятие нормативного установления вполне допустимо, но с оговоркой. Мы полагаем, что каждая норма позволяет накапливать правотворческий и правореализационный опыт (к примеру, В. Кнапп пишет, что эксперимент в праве – это источник опыта) [9, с. 499], но не каждый такой опыт является экспериментальным. В природе экспериментального предписания заложен не только элемент наблюдения, сравнения (что составляет основу опыта), поскольку это возможно осуществить в рамках естественного хода развития событий, но и активное воздействие на общественные отношения, возможность вмешательства в процесс наблюдения. Верно в этой связи о разграничении эксперимента в праве и правотворческого опыта высказался А.Г. Репьев [10, с. 135–136]. Солидаризируясь с автором в этом вопросе, не будем углубляться в дискуссию, сосредоточив внимание на предмете нашего исследования.

Полагаем, что к сущностным признакам экспериментальной нормы российского права вполне оправданно отнести следующие ее качества:

– является по своей природе структурно-функциональной моделью, включающей средства закрепления идеализации

конечного результата нормативного правового регулирования в практической плоскости, которая predeterminedена конкретно-историческим уровнем развития права и государства, правотворческими компетенциями законодательных органов власти, непротиворечивым механизмом реализации;

– *специфическая юридическая конструкция, predeterminedенная особенным (а для некоторых разновидностей нормы – приоритетным) характером гипотезы как обязательного компонента правовой нормы, заключающийся в эксклюзивных (исключительных) условиях применения данного правового предписания (ограниченность действия во времени, пространстве и по кругу лиц);*

– *идеализированность, которая проявляется в объективной материальной связи сознания инициатора и окружающей действительности и наглядность, что находит отражение при создании данной нормы, когда ее автору необходимо соединить теоретическую конструкцию и практическую реальность, для чего в том числе проявить в определенном смысле юридическую фантазию, творческое воображение, служащее ориентиром для последующих прогнозных ожиданий действия пробного предписания. Подобной сферой, сочетающей в себе некие идеальные образы и материализованные предметы, является область высоких технологий. К примеру, целью эксперимента по оказанию гражданам Российской Федерации на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет стала «практическая отработка организационно-технологических возможностей операторов связи» [11].*

Таким образом, можно предположить, что экспериментальная норма права – это обусловленное усложнением общественных отношений и специализацией законодательства нормативное правовое предписание, принимаемое на определенный период времени, в рамках очерченного пространства и применительно к ограниченному кругу участников общественных отношений, в целях установления научно и практически обоснованного варианта наиболее эффективной модели правового регулирования.

Список использованной литературы

1. Казимирчук В.П. Право и методы его исследования / В.П. Казимирчук. – Москва : Юрид. лит., 1965. – 204 с.
2. Карбонье Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье / пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. – Москва : Прогресс, 1986. – 352 с.
3. Андреева И.А. Реформирование как вид социальных изменений / И.А. Андреева // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 3 (59). – С. 8–19.
4. Дорская А.А. Типология правовых реформ / А.А. Дорская // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2015. – № 1 (144). – С. 11–22.
5. Об утверждении Положения о проведении в 2013–2015 годах эксперимента по обучению молодых женщин в возрасте до 23 лет, имеющих одного и более детей, на подготовительных отделениях федеральных государственных образовательных организаций высшего образования : постановление Правительства Рос. Федерации от 31.08.2013 г. № 756 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 36. – Ст. 4584 ; 2014. – № 45. – Ст. 6231.
5. Лазарев В.В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права / В.В. Лазарев // Избранные труды. [В 3 т.]. Т. 2: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федер. палата адвокатов Росс. Федерации, юрид. фирма «ЮСТ». – Москва : Новая юстиция, 2010. – 504 с.
7. Бабаев В.К. Понятие юридической нормы / В.К. Бабаев // Нормы советского права. Проблемы теории / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов и др. ; под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 248 с.
8. Кульчар К. Основы социологии права / К. Кульчар / с предисл. и под общ. ред. В.П. Казимирчука ; пер. с венг. В. Гусев. – Москва : Прогресс, 1981. – 256 с.
9. Knapp V. Experiment im Recht / V. Knapp // Staat und Recht. – 1987. – № 6. – P. 495–502.
10. Репьев А.Г. Современные тенденции содержательного и технико-юридического изложения нормы российского права / А.Г. Репьев // Российская государственность и вызовы

XXI века : сб. ст. Всерос. круглого стола, Москва, 15 дек. 2021 г. – Москва : Акад. упр. МВД России, 2022. – С. 134–138.

11. О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» : приказ М-ва цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Рос. Федерации от 31.03.2020 г. № 148. П. 3.1 // СПС «Консультант Плюс».

Информация об авторе

Арсен Восканович Маргарян – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета. E-mail: ars71231@mail.ru.

Author

Arsen Voskanovich Margaryan – Postgraduate Student of the Department of Public Law Disciplines, Penza State University. E-mail: ars71231@mail.ru.

КАЧЕСТВО ЗАКОНА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Статья посвящена исследованию современных тенденций, характерных как для российского, так и для зарубежного законодательства. Анализ проводится главным образом на основании сравнения опыта России и Франции. К основным тенденциям автор относит смещение центра законодательных инициатив в сферу исполнительной власти; общее увеличение количества законов и их постоянную новеллизацию (законодательную инфляцию); снижение качества законов, проявляющееся, в частности, в увеличении объема законов и повышении их сложности. Отмечается, что увеличивающаяся сложность норм не только затрудняет процесс правоприменения, приводит к снижению правовой определенности, но и угрожает правовому государству. На основании вывода о наличии общих тенденций автор предлагает обратиться к накопленному зарубежному опыту по повышению качества законодательства.

Ключевые слова: законодательство, законодательная инфляция, новеллизация законодательства, правотворческая политика, качество закона.

V.N. Shutova

THE QUALITY OF LAW AND LEGISLATION IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The article is devoted to the study of modern trends characteristic of both Russian and foreign legislation. The analysis is carried out mainly on the basis of comparing the experience of Russia and France. The author considers the main trends to be the shift of the center of legislative initiatives to the sphere of executive power; a general increase in the number of laws and their constant novelization (legislative inflation); a decrease in the quality of laws, manifested, in particular, in an increase in the volume of laws and an increase in their complexity. It is noted that the increasing complexity of the norms not only complicates the process of law enforcement, leads to a decrease in legal certainty, but also threatens the rule of

law state. Based on the conclusion that there are general trends, the author suggests turning to the accumulated foreign experience in improving the quality of legislation.

Key words: legislation, legislative inflation, novelization of legislation, law-making policy, the quality of law.

Процессы глобализации, происходящие во всех сферах жизнедеятельности общества, оказывают влияние в том числе на правотворчество и законодательную деятельность. Как отмечает Е.В. Перепелица [5, с. 124], «в контексте меняющегося технологического уклада право подвергается многочисленным трансформациям». И при всех различиях и особенностях, отражающих уникальность правотворческой политики государств, можно констатировать наличие общих тенденций и закономерностей, присущих многим европейским государствам, относящимся к романо-германской правовой семье.

В качестве первой тенденции можно назвать «смещение центра законодательных инициатив в сферу исполнительной власти» [3, с. 27]. Это общее явление – «кризис парламентаризма» в целом, охвативший не только Россию, но и многие современные государства, который, по мнению ряда ученых, «ведет к снижению регулятивной роли закона и снижению качества закона» [3, с. 27].

Следующая тенденция – общее увеличение массива нормативных правовых актов вообще и законов в частности. Следует подчеркнуть, что в современных условиях увеличение количества нормативных правовых актов имеет объективные причины и обусловлено, в первую очередь, усложнением общественных отношений, появлением новых сфер правового регулирования. Игнорировать новые общественные отношения, предотвращая рост количества законов – означает увеличивать область правовой неопределенности. Таким образом, государства самостоятельно определяют оптимальную и рациональную правотворческую политику. Просчеты же в этой политике ведут к необоснованному и неконтролируемому росту законодательного массива.

К сожалению, такое явление в последние десятилетия отмечается как в России, так и в зарубежных государствах. Так, подобная закономерность прослеживается в количественных параметрах системы законодательства и динамики принятия

правовых актов Республики Беларусь за период с 1999 по 2022 г. [5, с. 126]. Проблемам юридической (правовой) безопасности и качеству закона посвящен Публичный отчет за 2006 год – Правовая определенность и сложность права, подготовленный Государственным Советом Франции [8], в котором отмечаются «нормативная несдержанность» («*intempérance normative*»), «законодательная инфляция» и другие явления, что свидетельствует о наличии обозначенных выше проблем – неконтролируемого роста числа законов и общего снижения их качества. В Германии ученые-юристы тоже не обошли вниманием проблему законодательной инфляции. Немецкий термин *Gesetzesflut* – «наводнение законов» [7, S. 2] метафорически показывает последствия роста количества законов, схожие со стихийным бедствием [6, с. 21].

В Российской Федерации статистика свидетельствует о наличии тех же негативных тенденций. Так, по данным официального сайта Государственной Думы, в 2019 г. было принято 530 законов, в 2020 г. – 553, в 2021 г. – 505. И наконец, за 2022 г. Государственная Дума приняла 653 закона. Председатель Государственной Думы В.В. Володин, подводя итоги осенней сессии, отметил, что это самое большое количество законов за всю историю работы парламента¹.

Между тем российские ученые, исследующие проблемы законодательной инфляции, отмечают, что это явление включает в себя два аспекта: «устойчивое наращивание нормативных массивов и перманентную новеллизацию действующего законодательства» [2, с. 88]. Таким образом, законодательная инфляция характеризуется не только количественными, но и качественными показателями. Стабильно высокий темп принятия законов неизбежно ведет к снижению их качества, что в свою очередь, приводит к «многочисленным правкам действующих норм» [1, с. 55]. Таким образом, новеллизация превратилась в устойчивую тенденцию современного российского и зарубежного законодательства.

Так, в отчете Государственного Совета Франции приводятся данные, которые свидетельствуют о том, что наиболее изменчивыми отраслями французского законодательства явля-

¹ Официальный сайт государственной думы Федерального Собрания РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/56106> (дата обращения 17.03.2023).

ются налоговое и социальное (трудовое). Своеобразными «чемпионами» по внесению поправок названы Налоговый кодекс и Трудовой кодекс. Именно в эти нормативные правовые акты вносятся «постоянные и неоднократные изменения, которые приводят к правовой неопределенности» [8]. Теперь обратимся к российской действительности. Подавляющее большинство законов 2021 г. было направлено на изменение ранее принятых (461 из 505). Так, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) за год было внесено 42 поправки, в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) – 24, в Земельный кодекс Российской Федерации – 22. По подсчетам экспертов компании «Гарант», средний период стабильности кодексов в 2021 г. составил 77 дней. При этом самыми нестабильными признаны КоАП РФ, НК РФ и Уголовный кодекс Российской Федерации¹. Таким образом, можно констатировать не только схожие тенденции в виде нестабильности законодательства, но даже определенные совпадения по «самым нестабильным отраслям законодательства».

Количественный рост законов неизбежно приводит к общему снижению их качества. Одним из частных проявлений этого можно назвать повышение общего объема отдельно взятых законов и сложности их для восприятия. На проблему качества законодательства как следствия законодательной инфляции обращают внимание как в российской юридической науке [4, с. 167], так и за рубежом. В отчете Государственного Совета Франции подчеркивается, что «увеличивающаяся сложность норм угрожает правовому государству» [8]. В качестве иных негативных последствий указывается «растерянность граждан, которые теряют ориентиры и не успевают найти новые» и «серьезные сложности для судов и других правоприменительных органов», вызванные нестабильностью законодательства.

Наличие общих негативных тенденций в законодательстве России и зарубежных стран заставляет не только обратиться к изучению причин подобных явлений, но и искать пути решения выявленных проблем. Думается, что в зарубежных государствах

¹ Число принятых в 2021 году законов оказалось минимальным за последние пять лет. URL: <https://www.garant.ru/company/about/press/news/1527116> (дата обращения: 17.03.2023).

накоплен определенный опыт по повышению качества законодательства, который может представлять интерес как для научного сообщества, так и для российского законодателя.

В частности, заслуживает внимания организация законопроектной работы в зарубежных государствах. Следует отметить, что во многих государствах есть достаточно подробные руководства (инструкции) по разработке законов: Швейцария – Руководство по разработке федерального законодательства, 2019 г.; Франция – Руководство по легистике; Германия – Руководство по созданию законопроектов, 2008 г. [3, с. 48–49]. В России же в настоящее время можно констатировать недостаточную регламентацию юридико-технических правил. Кроме того, полезным представляется увеличение роли экспертиз на стадии подготовки законопроекта. В Российской Федерации реализуется мониторинг правоприменения в целях совершенствования правовой системы РФ. Между тем он ориентирован только на действующее законодательство. В ряде зарубежных стран в практику вошла оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ) законопроекта, которая, в отличие от мониторинга правоприменения, предполагает анализ ожидаемых последствий предлагаемого законопроекта. Представляется, что распространение ОРВ на все законопроекты (а не только на законопроекты по вопросам предпринимательской и инвестиционной деятельности) и сочетание предварительной и последующей оценки могли бы положительно сказаться на качестве законодательства.

Список использованной литературы

1. Винокуров В.А. Чрезмерное законотворчество: проблемы и возможные пути решения / В.А. Винокуров // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 10. – С. 53–57.
2. Демин А.В. Законодательная инфляция и судебный активизм как способ ее преодоления (на примере налоговых споров) / А.В. Демин // Право и образование. – 2016. – № 2. – С. 88–99.
3. Закон: от проекта до реализации (зарубежный опыт) : монография / А.Н. Пилипенко, Н.Ю. Трещетенкова, Ф.А. Лещенков ; отв. ред. А.Н. Пилипенко. – Москва : Инфотропик Медиа, 2022. – 272 с.

4. Кожокарь И.П. Законодательная инфляция: теоретико-правовое исследование / И.П. Кожокарь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – Вып. 56. – С. 158–186.

5. Перепелица Е.В. Стабильность и динамизм системы законодательства в информационной реальности / Е.В. Перепелица // Байкальские компаративистские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 22–23 апр. 2022 г. / отв. ред. И.А. Минникес. – Иркутск, 2022. – С. 123–128.

6. Сехин И.В. Законодательная инфляция как актуальная проблема правового регулирования / И.В. Сехин // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98). – С. 21–26.

7. Flidner O. Gesetzesflut und Paragraphendickicht – notwendige oder unnötige Erscheinung im demokratischen Rechts- und Sozialstaat? / O. Flidner. – Siegen, 1988.

8. Rapport public 2006 – Sécurité juridique et complexité du droit. – URL: <https://www.vie-publique.fr/rapport/28120-rapport-public-2006-securite-juridique-et-complexite-du-droit>.

Информация об авторе

Валентина Николаевна Шутова – заведующая кафедрой конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tinav@bk.ru.

Author

Valentina Nikolaevna Shutova – Head of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: tinav@bk.ru.

**КРАУДСОРСИНГ
КАК ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ
ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

Краудсорсинг – современная правотворческая технология, направленная на повышение эффективности правового регулирования. Правотворческий краудсорсинг, выступая в качестве разновидности краудсорсинга, характеризуется целым рядом особенностей. На сегодняшний день накоплен достаточный опыт использования этой технологии как в нашей стране, так и за рубежом. Дальнейшее использование правотворческого краудсорсинга требует тщательного изучения внедрения этой технологии различными государствами с целью совершенствования правотворческой деятельности и повышения эффективности правового регулирования.

Ключевые слова: краудсорсинг, правотворческая технология, правотворческий краудсорсинг, правотворчество, правообразование.

E.S. Zaitseva

**CROWDSOURCING AS A LAW-MAKING TECHNOLOGY:
COMPARATIVE LEGAL EXPERIENCE OF USE**

Crowdsourcing, a modern law-making technology aimed at increasing the effectiveness of legal regulation. Law-making crowdsourcing, acting as a variety of crowdsourcing, is characterized by a number of features. To date, sufficient experience has been accumulated in the use of this technology both in our country and abroad. Further use of law-making crowdsourcing requires a thorough study of the implementation of this technology by various states in order to improve law-making activities and increase the effectiveness of legal regulation.

Key words: crowdsourcing, law-making technology, law-making crowdsourcing, law-making.

Цифровизация современных процессов социальной жизни открывает новые возможности в осуществлении процессов правообразования, способствует росту интереса к возможностям коллективной сетевой деятельности, расширению экспертного сообщества, включению в него новых заинтересованных участников, обладающих своим взглядом на проблемы, требующие решения [4, с. 67]. В результате появляются новые технологии, позволяющие не просто создавать правовые нормы, но и параллельно оценивать возможность признания создаваемых норм будущими субъектами права, в качестве таковой следует рассматривать технологию краудсорсинга. Использование краудсорсинга в правотворческой деятельности позволяет не только соотносить позиции общества и государства относительно возможности и необходимости регулирования тех или иных общественных отношений, но и выявлять сферы общественной жизни, требующие правового регулирования и находящиеся на периферии внимания законодателя. В этом случае отпадает проблема последующего определения и вычисления степени легитимности правовых норм [2, с. 13], поскольку процесс создания правовой нормы двигается не «сверху», а «снизу», опираясь на потребности текущей практики [3, с. 85].

Краудсорсинг определяется как вид онлайн-активности, в которой человек, государственный орган, некоммерческая организация или компания предлагает группе людей с различным возможным уровнем подготовки, разнородности и численности добровольно решить определенную задачу в форме свободного конкурса [9]. Английское «crowdsourcing» состоит из двух слов, «crowd» – «толпа» и «sourcing» – «подбор ресурсов» и переводится «толпа как ресурс». Краудсорсинг активно используется в различных сферах жизни общества, в том числе и правовой, что позволяет говорить о существовании правотворческого и юридического краудсорсинга [5, с. 233]. Указанные виды краудсорсинга выделены в зависимости от целей, для реализации которых используется эта технология. В качестве ключевых целей правотворческого краудсорсинга обозначены: поиск государством новых идей, способствующих развитию общества и решению стоящих перед ним проблем, и обсуждение предлагаемых органами государственной власти и местного самоуправления проектов нормативных правовых актов. Це-

лью юридического краудсорсинга является оказание юридической помощи гражданам [5, с. 233].

Правотворческий краудсорсинг можно определить как совместную, коллективную онлайн-деятельность (взаимодействие) граждан и государства, направленную на создание, изменение или отмену норм права, а также диагностику проблем, требующих правового регулирования. В литературе выделяются особенности краудсорсинга, при этом, как правило, характеризуется технология в целом без учета ее специфики в различных сферах жизнедеятельности. Выделим особенности краудсорсинга, которые непосредственно связаны с правотворческой деятельностью:

1. Правотворческий краудсорсинг предполагает совместную, коллективную онлайн-деятельность (взаимодействие) граждан при участии и под контролем государства.

2. Содержание деятельности определяется процессами правообразования и направлено на создание, изменение или отмену норм права, а также диагностику проблем, требующих правового регулирования.

3. Государство выступает в качестве основного заказчика, создавая (или делегируя полномочия на создание) краудсорсинговую платформу с использованием информационных и коммуникационных технологий и обеспечивая возможность участие граждан, организуя и стимулируя их деятельность.

4. В основе технологии краудсорсинга лежат принципы добровольности и свободы творчества. Гражданин сам определяет, сколько времени и сил он может тратить на участие в том или ином проекте [7, с. 108]. Его деятельность основана на свободе творчества в рамках поставленной задачи.

5. Отбор лучших предложений происходит при участии граждан как субъектов краудсорсинга.

Изначально краудсорсинг в целом и правотворческий краудсорсинг в частности как самостоятельная технология появились за рубежом, об этом свидетельствует и сам термин, который был впервые использован Джеффом Хауи на страницах журнала *Wired* в 2006 г. Он же отмечает, что в последние годы во всем мире наблюдается беспрецедентное социальное поведение: люди объединяются для выполнения задач, которые прежде считались уделом лишь компетентных сотрудников [8, с. 15]. Зарубежная практика использования краудсорсинга в

правотворческой деятельности не так велика, как в иных сферах деятельности, например, в бизнесе, но тем не менее достаточно обширна. Самый известный опыт использования правотворческого краудсорсинга связан с принятием Конституции Исландии. Когда в 2011 г. был составлен проект Конституции с помощью социальных медиа, позволяющих напрямую принять участие в процессе подготовки конституции, которая позднее была одобрена на референдуме в 2012 г.¹

Во многих государствах процедура общественного обсуждения является обязательной стадией правотворчества органов государственной власти. Этот подход реализуется посредством единых порталов, на которых размещаются проекты нормативных правовых актов [5, с. 234]. В целом во многих западных государствах активно развиваются концепции электронной демократии, дигитального управления и нового публичного менеджмента и их интеграция в систему управления этих государств [4, с. 140]. В России тоже есть «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов» (www.regulation.gov.ru), используемый для размещения правотворческих инициатив федеральных органов исполнительной власти, подлежащих общественному обсуждению, независимой антикоррупционной экспертизе и оценке регулирующего воздействия. Кроме того, в Российской Федерации существует хоть и немногочисленный, но достаточно разнообразный опыт использования технологии краудсорсинга. В качестве примера можно привести обсуждение текста проекта Закона об образовании [1, с. 12–19], когда открытое сетевое сообщество на специально созданной онлайн-платформе привлекалось в качестве экспертов для оценки главы «Общее образование», комментируя отдельные положения проекта, предлагая собственные идеи, формулируя отдельные пункты для его улучшения. Еще одним примером внедрения краудсорсинга является интернет-площадка «Российская общественная инициатива», посредством которой граждане Российской Федерации, авторизованные через поддерживаемую государством систему идентификации граждан ЕСИА (Единую систему идентификации и аутентификации), могут выдвигать различные гражданские инициативы либо го-

¹ Исландия. Демократия 2.0. «Краудсорсинг» новой Конституции. URL: <https://zakonvremeni.ru/analytics/8-4-/6822-islandiya-demokratiya-20-lkraudsorsingr-novoj-konstituczii.html?ysclid=ldsqskskozy431226240> (дата обращения 06.02.2023).

лосовать за них. При этом инициативы, набравшие 100 тыс. голосов, рассматриваются экспертными группами, наделенными правом рекомендовать их для рассмотрения Государственной Думой Российской Федерации [6, с. 139]. Успешным примером краудсорсинга, хотя и не в чистом виде правотворческого, является опыт Сбербанка России, который первый среди отечественных компаний на постоянной основе привлек сообщество заинтересованных лиц к обсуждению и доработке отчета о корпоративной социальной ответственности [4, с. 67].

Таким образом, краудсорсинг – это современная правотворческая технология, позволяющая не только соотносить позиции общества и государства относительно возможности и необходимости регулирования тех или иных общественных отношений, но и выявлять сферы общественной жизни, требующие правового регулирования и находящиеся на периферии внимания законодателя. На сегодняшний день накоплен достаточный опыт использования этой технологии как в нашей стране, так и за рубежом. Тем не менее дальнейшее развитие этой технологии требует более тщательного изучения ее внедрения различными государствами с целью дальнейшего использования в правотворческой деятельности и повышения эффективности правового регулирования.

Список использованной литературы

1. Буров В.В. Использование технологий краудсорсинга в законотворческой деятельности / В.В. Буров, Е.Д. Патаракин, Б.Б. Ярмахов // Бизнес-информатика. – 2011. – № 2. – С. 12–19.
2. Вопленко Н.Н. Законность и легитимность / Н.Н. Вопленко // Новая правовая мысль. – 2003. – № 1. – С. 11–14.
3. Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) / В.В. Денисенко. – Москва : Проспект, 2022. – 240 с.
4. Долженко Р.А. Краудсорсинг как инструмент доработки нормативных документов в организации возможности и ограничения (на материалах ОАО «Сбербанк России») / Р.А. Долженко // Известия ВУЗов. Сер.: Экономика, финансы и управление производством. – 2015. – № 1 (23). – С. 67–75.
5. Залоило М.В. Инструментальная ценность технологии краудсорсинга в принятии правотворческих решений / М.В. За-

лоило, А.Ю. Базыкин // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сб. науч. тр. – Москва : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Инфра-М, 2020. – 430 с.

6. Лобова С.В. Направления использования краудсорсинга для решения государственных и общественных задач в регионе / С.В. Лобова, Р.А. Долженко // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 2 (425). – С. 135–148.

7. Пономарев С.В. Краудсорсинг – технология создания виртуальных сообществ / С.В. Пономарев // Вестник Пермского университета. Политология. – 2011. – № 3 (15). – С. 107–121.

8. Хау Д. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса / Д. Хау. – Москва : Альпина Паблишер, 2014.

9. Estellés E. Towards an integrated crowdsourcing definition / E. Estellés, F. González-Ladrón-De-Guevara // Journal of Information Science. – 2012. – 38 (2). – URL: <https://doi.org/10.1177/0165551512437638>. Цит по: Залоило М.В., Базыкин А.Ю. Инструментальная ценность технологии краудсорсинга в принятии правотворческих решений // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов. – Москва : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Инфра-М, 2020. – 430 с.

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Зайцева – докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: zay_tseva@mail.ru.

Author

Ekaterina Sergeevna Zaitseva – Doctoral Student of the Research Department of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in History, Associate Professor. E-mail: zay_tseva@mail.ru.

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Проводится анализ трансформации правовой системы государства в контексте преобразования его политического режима. Установлен факт наличия прямой связи между данными явлениями для отдельных типов трансформации политических режимов. Выявлены факторы, при которых между данными преобразованиями имеется прямая связь. Установлено, что ключевым аспектом к такому преобразованию является степень идеологической выраженности правовой системы (существующей или формируемой) и сопряжение этого фактора с свойствами создаваемого политического режима. В противном случае правовые изменения (в силу фактора стабильности правовой системы) не приведут к коренному изменению в правовой системе, ограничившись изменением отдельных правовых институтов и возникновением явлений, сопровождающих трансформацию политических режимов. Установлено, что указанные факторы в наибольшей степени влияют на религиозно-традиционные правовые системы и социалистические правовые системы как обладающие крайней степенью идеологизации.

Ключевые слова: правовая система, политический режим, транзитивный переход, реформы.

M.G. Tirskikh

PROCESSES OF TRANSFORMATION OF THE LEGAL SYSTEM AND TRANSFORMATION OF THE POLITICAL REGIME

An analysis is made of the transformation of the legal system of the state in the context of the transformation of its political regime. The fact that there is a direct connection between these phenomena for certain types of transformation of political regimes has been established. The factors under which there is a direct relationship between these transformations are revealed. It has been established that the key aspect to such a transformation is the degree of ideolog-

ical expression of the legal system (existing or being formed) and the conjugation of this factor with the properties of the created political regime. Otherwise, legal changes (due to the factor of stability of the legal system) will not lead to a fundamental change in the legal system, limiting themselves to changes in individual legal institutions and the emergence of phenomena that accompany the transformation of political regimes. It has been established that these factors have the greatest influence on religious-traditional legal systems and socialist legal systems, as having an extreme degree of ideologization.

Key words: legal system, political regime, transitive transition, reforms.

Преобразование политических режимов является процессом, в рамках которого неизбежно проходит и преобразование отдельных правовых оснований организации государственной власти и процесса управления. Обычно такие преобразования носят функционально выраженный характер и не затрагивают иные институты, кроме институтов организации и реализации публичной власти (государственного управления, местного самоуправления). Это вполне объяснимо, поскольку сам процесс преобразования политического режима связан с изменением методов, средств, приемов и способов политического управления обществом, то есть явлений, связанных главным образом с правовым регулированием публичной власти. Но в некоторых случаях процесс преобразования политических режимов приобретает характер, приводящий к трансформации правовой системы, вплоть до ее замены на системы, принадлежащую к иной правовой семье.

Очевидно, что такие процессы трансформации политических режимов, при которых возникает потребность в преобразовании правовой системы, происходят только в исключительных случаях, когда сохранение правовой системы в его первоначальной форме. Процесс преобразования правовой системы государства, затрагивающий все плоскости и приводящий к формированию правовой системы, относимой к другой правовой семье, является крайне длительным и сложным процессом, для реализации которого необходимы существенные основания и причины.

Причиной к такому преобразованию является понимание, что без коренного изменения правовой системы государства невозможно обеспечить реализацию публичной власти на основании принципов вновь формируемого политического режима. Такое соотношение может быть реализовано исключительно в условиях, когда существующая правовая система не соответствует базовым принципам формируемого политического режима.

Очевидным является то, что при любых преобразованиях политического режима неизбежны изменения существующих правовых норм, как минимум в части организации и деятельности государственного аппарата, который и должен осуществлять реализацию методов, средств, приемов и способов осуществления политической власти в государстве. В таких условиях изменению подвергаются нормы, определяющие строение государственного аппарата (появление или ликвидация отдельных институтов, регулирующих деятельность тех или иных органов государственной власти), объем их компетенции (в том числе в соотношении с общественными, партийными или государственно-общественными институтами управления), принципы их функционирования, процессы в рамках которых осуществляется публичная власть, механизмы взаимодействия между обществом и государством. Все это требует определенного изменения правовой системы государства, формирования новых институтов, внесения существенных изменений в уже существующие институты, но не приводит к необходимости изменения вида правовых систем (в данном случае под видом понимается отнесение правовой системы к той или иной правовой семье [1]).

В отдельных случаях трансформация политического режима вызывает необходимость изменения в праве государства отдельных институтов, связанных не только с осуществлением государственной власти, но и с преобразованием социальных процессов и норм, влияющих на осуществление социальных институтов. Например, изменения политических режимов в рамках процессов, связанных с буржуазными революциями в Европе, привели к формированию новых институтов в сфере частного права, стали основанием для принятия новых кодифицированных актов (например, кодекса Наполеона 1804 г., как результат Великой французской буржуазной революции и

последующих изменений политического режима Франции). Такие изменения, как правило, связаны с более глубинными преобразованиями в ходе трансформации политических режимов, нежели чем изменения в механизме государственного управления. Но и они лишь деформируют правовую систему, иногда приводя к ликвидации или формированию новых отраслей права, но не изменяют вид паровой системы.

При этом в рамках процесса преобразования права наблюдается проявление естественных сопутствующих трансформации политических режимов правовых явлений, в том числе возникновения отдельных дефектов права (включая протрузионные дефекты), появление коллизий и пробелов в правовом регулировании, необходимости использования правовой герменевтики для целей сопряжения правовых предписаний и политико-правовой реальности, возникновения массива негласных правовых норм и ряда иных явлений. Появление указанных явлений следует считать естественным свойством преобразования правовой системы. Достаточно быстрое преобразование политического режима (происходящего, как правило, одновременно со сменой правящего субъекта или группы), активная политическая борьба, происходящая в рамках трансформации политического режима, приводят к невозможности когерентности соотносимых преобразований между политической реальностью и правовой. В результате возникновения дефектов, требующих устранения, становится не исключением, а правилом в рамках транзитивного процесса.

Между тем, хотя в большинстве случаев трансформация политического не приводит к изменению вида правовой системы имеются исключения, при которых такое преобразование является неизбежным. Полагаем, что преобразование правовой системы неизбежно в двух случаях:

– если речь идет о правовых системах с высокой степенью идеологизации в случае, если формируемый политический режим имеет идеологическую составляющую (всегда присутствующую в политических режимах и являющуюся одним из свойств режимов) не соотносимую с существующей правовой системой;

– если речь идет о правовых системах, основанных на правовой и социальной традиции (как правило не делимых

между собой) и формируемом политическом режиме, не соотносимом с такими традициями.

В первом случае речь идет о двух видах правовых систем, подверженных трансформации в случае преобразования политического режима. Во-первых, это социалистические правовые системы (для которых характерно высокое значение политической идеологии марксизма и производных к ней идеологий – ленинизм, маоизм и т.д.). В таком случае формирование какого-либо из политических режимов, формируемых после социалистических революций (режим диктатуры пролетариата [2, с. 46], авторитарный партократический режим [3, с. 264], тоталитарный режим [4, с. 8], авторитарный бюрократический режим [5, с. 273]) приводит к неизбежному преобразованию правовой системы государства с формированием социалистической правовой системы для которой характерна высокая степень политической идеологизации правовых институтов. При этом можно констатировать неизбежность преобразования как в условиях формирования социалистической правовой системы (например, в Советской России в 1917–1922 гг.), так и перехода от социалистической правовой системы к правовой системе иного вида (например, в странах Восточной Европы в 90-е гг. XX в.).

Аналогичным образом осуществляется трансформация правовой системы в случае формирования политических режимов, основанных на доминировании религиозной идеологии (например, фундаменталистско-религиозного режима [6, с. 88]), или отказа от такого режима в пользу иных режимов. В любом случае в рамках таких трансформации политических режимов происходит преобразование правовой системы, проявляющаяся в случае формирования политического режима, основанного на особой роли религии и религиозных кругов в осуществлении власти, в отказе от правовой системы, основанной на светских правовых нормах в пользу религиозно-традиционной правовой семьи, а в случае отказа от религиозно-выраженного политического режима в отходе от религиозно-традиционной правовой семьи.

Второй пример связан с историческими процессами, в рамках которых в практике политического управления предпринимается попытка отхода от устойчивых традиционных моделей управления в пользу более современных (и зачастую инокультурных) управленческих моделей. В таком случае су-

ществленная трансформация политического режима обуславливает и изменения в правовой системе. В частности, на данном принципе основан процесс так называемой «вестернизации права» [7, с. 66] применительно к Японии в период революции Мэйдзи [8, с. 23] и мусульманским странам [9, с. 189]. В данном случае право являлось частью сложившейся культурной модели на преодоление которой была нацелена активность субъектов политического процесса. Смена методологии политического управления (в том числе переход от монархической формы правления к республиканской в странах исламского мира) обуславливала необходимость замены не только традиционных форм политического управления, но и права, являвшегося одной из опор данной традиции.

Таким образом, очевидно, что трансформация правовой системы в контексте преобразования политического режима связано с идеологическим или традиционалистским базисом трансформируемого и (или) создаваемого политического режима, что в конечном итоге можно признать закономерностью.

Список использованной литературы

1. Бошно С.В. Современные правовые системы / С.В. Бошно // Право и современные государства. – 2018. – № 2–3. – С. 58–71.
2. Ревина С.Н. К вопросу о формировании политического режима государства диктатуры пролетариата / С.Н. Ревина // Вопросы экономики и права. – 2021. – № 4. – С. 46–48.
3. Симоненко О.А. Современные партократические режимы и их перспективы в незападных политических системах АТР / О.А. Симоненко // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2013. – № 4 (31). – С. 263–272.
4. Величко Ю.В. Тоталитаризм / Ю.В. Величко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 94 с.
5. Коргунюк Ю.Г. Бюрократия и авторитаризм: диалектика отношений / Ю.Г. Коргунюк // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 271–278.
6. Филоненко Ю.О. Исламско-фундаменталистский режим как одна из разновидностей современного тоталитаризма / Ю.О. Филоненко, Ю.В. Недилько // Перспективы науки – 2016 : материалы IV междунар. заоч. конкурса науч.-исслед. работ,

Казань, 10 окт. 2016 г. / Науч.-образоват. центр «Знание». – Казань : Рóкета Союз, 2016. – Т. 1. – С. 88–94.

7. Алексеенко О.В. Вестернизация как одна из тенденций развития современного мирового пространства / О.В. Алексеенко // Вестник РУДН. Сер.: Политология. – 2009. – №4. – С. 65–70.

8. Базин О.А. Роль революции Мэйдзи в вестернизации японской цивилизации / О.А. Базин // Романовские чтения – 12 : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 23–24 нояб. 2016 г. / под общ. ред. А.С. Мельниковой. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2017. – С. 23–24.

9. Рассказов Л.П. Возникновение и развитие мусульманского права и его основных источников. Влияние вестернизации на правовые системы мусульманских стран и исламизации на страны романо-германской и англосаксонской правовых семей / Л.П. Рассказов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 111. – С. 173–191.

Информация об авторе

Максим Геннадьевич Тирских – старший научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tirskm@mail.ru.

Author

Maksim Gennadievich Tirskikh – Senior Research Fellow, Institute of Legal Studies, Baikal State University, Professor, Department of International Law and Comparative Law, Law Institute, Irkutsk State University, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: tirskm@mail.ru.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ НОРМЫ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ТИПОВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ*

В докладе обсуждается изменение концептуального значения понятия правовой нормы под влиянием на его развитие и содержание основных обобщающих характеристик типов рациональности – классического, неклассического и постнеклассического.

Ключевые слова: типы рациональности, норма права как правило поведения, как схема истолкования физической реальности, как система представлений о должно-дозволенном.

D.V. Zykov

EVOLUTION OF THE UNDERSTANDING OF THE RULE OF LAW IN THE CONTEXT OF CHANGING TYPES OF RATIONALITY**

The report discusses the change in the conceptual meaning of the concept of a legal norm under the influence of its development and the content of the main generalizing characteristics of the types of rationality – classical, non-classical and post-non-classical.

Key words: types of rationality, the rule of law as a rule of behavior, as a scheme of interpretation of physical reality, as a system of ideas about what should be allowed.

Подобно тому, как эволюционировали сами способы рационального видения окружающего мира и система взглядов на структуру субъект-объектных отношений (классика – неклассика – постнеклассика), также изменялись по своему значению и приспособлялись к новым условиям познания фундаментальные понятия в науке. Исходя из исторически сложившихся трех типов рациональности, норму права как ключевое понятие

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00484>.

** The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 21-18-00484. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00484>.

юриспруденции можно представить в трех различных вариантах понимания ее сущности.

Классическое мышление разделяло в своем познании объект и субъект, идеалом познания было соответствие субъективного образа объекта самому объекту «как он есть». Господствующим представлением была идея существования «внеличного естественного порядка, бесконечной причинной цепи, пронизывающей все бытие, трансцендирующей помещенного в него человека и обладающей при этом рационально постижимой структурой» [1, с. 134]. Юристы классической духовной формации под нормой права понимают признаваемое государством и обеспечиваемое его силой общеобязательное *правило поведения* (российско-советская школа права). Системой норм права исчерпывается предмет познания, «объективная» сущность права «объясняется» свойством его нормативности. Система норм (догма) является единственным источником права, выступая в качестве причины, порождающей все многообразие социальных явлений, в качестве объективно действительной формы общественных отношений и признается таковой до тех пор, пока не будет отменена. Без преувеличения можно сказать, что весь механизм правового регулирования, основанный на стадильной схеме, где началом правового воздействия является создание правовой нормы, на основе ее гипотезы-диспозиции возникновение, изменение, прекращение правоотношений в связи с юридическим фактом, активировавшим конкретную систему норм, реализация прав и обязанностей (диспозиции, санкции нормы), является прообразом «трансцендентального субъекта» и действует по аналогии с законом природы, подводя (подчиняя) поведение под определенную норму, с той лишь разницей, что закон природы нарушить нельзя, а человеческий закон можно.

Неклассический менталитет открывает зависимость любого результата познания от тех средств, приемов, методов, приборов, которые использовал субъект. Человека больше нельзя вывести за скобки познавательного процесса. Мир таков, каковы его наблюдатели. Каково сознание, такова объективная реальность. Сознание влияет на само течение какого-либо явления, процесса, привнося в его результат частицу собственных содержаний, исходит из способности приписывать им смысл, конструировать смысл, вкладывать в них «свое» значение ис-

ходя из контекста. Юристы неклассического образа мышления под нормой права разумеют уже не абсолютное правило поведения, существующее как нечто внешнее по отношению к индивиду, но *внутренний смысл того или иного социального акта* [2, с. 99 и сл.]. Конкретные действия получают свой специфически юридический смысл, приобретают правовое значение благодаря существованию системы норм права, которой им этот смысл приписывается. Норма функционирует как схема истолкования действительности, объективируя и формализуя смысл отношения как правоотношения. Ключевым объектом познания и источником права здесь оказываются система норм в связи с общественными отношениями, в контексте которых наполняются смыслом те или иные действия. Отсюда, например, обмен письмами будет только тогда заключением договора (офертой и акцептом), некий письменный документ – завещанием, а собрание людей – парламентом, когда в нормах закона определены фактические условия и обстоятельства этих действий, позволяющие квалифицировать их объективный смысл именно так, а не иначе. Один и тот же акт может быть и преступлением (убийство), и подвигом (убийство врага на войне), и наказанием (смертная казнь), опять же если закон достаточно четко различает смыслы этих действий и устанавливает условия их совершения.

Постнеклассика учитывает уже не только особенности средств и операций деятельности, но и соотнесенность знания с системой ценностей, целей, мотивов исследования и их влияние на протекание самого этого исследования и его конечные результаты. Сами ценностно-целевые установки становятся особым предметом рефлексии современного сознания. Главным объектом познания и первоначальным источником права здесь становится сознание. Всякий внешний авторитет имеет силу лишь в том случае, если люди в глубине своего сознания признают необходимость ему подчиняться. Норма права интерпретируется как психическое переживание своей правоты или неправоты, как *убеждение* (Л.И. Петражицкий, А.В. Поляков и др.). Нельзя признаки преступных деяний искать вне психики индивида или социальной общности. «Преступным» будет и может быть то или иное внешнее действие *не само по себе*, а лишь когда в психическом переживании кого-нибудь

оно воспринимается как *противоречащее его представлениям о должно-дозволенном поведении*.

Список использованной литературы

1. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М.К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.

2. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. пер. / пер. С.В. Лезевой, Ю.С. Пивоваровой ; ИНИОН АН СССР. – Вып. 1. – Москва, 1987. – 195 с.

Информация об авторе

Дмитрий Валерьевич Зыков – доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета. E-mail: zyk9@yandex.ru.

Author

Dmitry Valerievich Zykov – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Volgograd State University. E-mail: zyk9@yandex.ru.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

К середине XIX в. функционирование отечественных судов основывалось, по сути, на законодательных актах Петра I и Екатерины II, включенных М.М. Сперанским в Свод законов Российской империи; существовала крайне запутанная система органов, отправляющих правосудие; отсутствовала независимость судей и т.д. Идеи, призванные служить основой реорганизации судебной системы Российской империи, обсуждались в среде как политиков, так и профессиональных юристов задолго до судебной реформы 1864 г. Реформа 1864 г., существенно приблизив судебную систему Российской империи к европейским стандартам правосудия, стимулировала развитие научного дискурса, направленного на поиск оптимальных путей ее совершенствования на основе принципов, свойственных идеалу правового государства.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., Судебные уставы 1864 г., разделение властей, принципы правосудия, либерализм.

T.E. Gryaznova

TO THE QUESTION OF THE STATE OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

By the middle of the 19th century, the functioning of domestic courts was based, in fact, on the legislative acts of Peter I and Catherine II, included by M.M. Speransky in the Code of Laws of the Russian Empire; there was an extremely intricate system of bodies administering justice; there was no independence of judges, etc. Ideas designed to serve as the basis for the reorganization of the judicial system of the Russian Empire were discussed among both politicians and professional lawyers long before the judicial reform of 1864. The reform of 1864, significantly bringing the judicial system of the Russian Empire closer to European standards of justice, stimulated the development of scientific discourse aimed at to find

the best ways to improve it on the basis of the principles inherent in the ideal of the rule of law.

Key words: judicial reform of 1864, judicial charters of 1864, separation of powers, principles of justice, liberalism.

В период правления Александра II под влиянием либеральных взглядов отечественных ученых-юристов в российском законодательстве, регулирующем отправление правосудия, широкое распространение получили идеи гласности и устности судопроизводства, состязательности сторон судебного процесса и др. Однако для эффективной реализации этих идей немаловажным было создать самостоятельную и независимую систему органов, уполномоченных осуществлять судебную функцию государственной власти, поскольку, как справедливо указывает А.С. Смыкалин, «к середине XIX века различные рычаги государственной машины самодержавия стали явственно обнаруживать свою негодность, но ни один из органов государственного аппарата не находился в столь скверном состоянии, как судебная система» [8, с. 77].

Данная ситуация являлась закономерным следствием целого ряда причин, важнейшей из которых можно назвать отсутствие единого нормативно-правового регулирования судебной деятельности. К середине XIX в. функционирование судов основывалось, по сути, на законодательных актах Петра I и Екатерины II, включенных М.М. Сперанским в Свод законов Российской империи. Не случайно А.Ф. Кони по этому поводу писал, что в результате систематизации русского права, проведенной М.М. Сперанским, было создано «бессвязное собрание самых разновременных постановлений, механически слившихся воедино» [4, с. 320].

Следует обратить внимание и на то, что в Российской империи существовала крайне запутанная система органов, отправляющих правосудие. Накануне реформ она строилась по сословному принципу. Например, в соответствии с Учреждением для управления губерниями, дела землевладельцев могли рассматриваться в Верхнем земском суде в губернии и Нижнем земском суде в уезде, горожанина – в Губернском и Городовом магистратах, государственного крестьянина – в Верхней и Нижней расправах [9]. Помимо этого, в дореформенной России существовали разного рода специальные суды – военные, ду-

ховные, коммерческие, совестные, межевые и иные. Очевидно, что это отнюдь не способствовало формированию доверия к ним со стороны населения.

Отметим, что до судебной реформы 1864 г. либеральные проекты конституционного реформирования властных и управленческих структур не находили отклика у главы государства, отсутствие же столь необходимого разграничения судебных и административных функций серьезно сказывалось на осуществлении правосудия. Так, согласно С.В. Познышеву, предварительное следствие и суд по ряду категорий дел лежали на административных органах, подконтрольных губернаторам и губернским правлениям, усугубляя свойственный государственному механизму Российской империи бюрократизм и лишая суд необходимой степени самостоятельности [7, с. 88].

Решение проблемы А.Ф. Кони видел в необходимости перехода «от разнообразных носителей и органов судебной власти к единству» [5, с. 43], т.е. передачу права осуществления правосудия единой системе судебных органов, обеспечив ее надлежащей организационной и процессуальной независимостью. Очевидно, что последнее было возможно лишь при реализации принципа разделения властей, отстаиваемом подавляющим большинством представителей российского юридического сообщества. Однако в условиях имперских реалий данный принцип по необходимости претерпел определенную трансформацию. Наиболее приемлемыми для отечественной правовой доктрины оказались понятия: «разграничение функций государственной власти», «разграничение деятельности власти», «обособление властей» [3, с. 184–188; 7, с. 88; 1, с. 437; 2, с. 13].

Судебная реформа, несмотря на кардинальные позитивные изменения в сфере осуществления правосудия, не смогла полностью снять обозначенную проблему. Осуществление судебной власти от имени Императора, сохранение за ним ряда судебных полномочий, по мнению В.К. Случевского, ставит под угрозу безопасность населения и отнюдь не способствует росту доверия с его стороны. Установленное разграничение судебной и исполнительной функций власти носило незавершенный характер.

Что касается вопроса независимости судей, то отечественные исследователи фокусировали внимание на четырех факто-

рах: подзаконности судебной деятельности; запрет на ее совмещение с иной государственной службой и любыми занятиями, способными повлиять на беспристрастность вынесения приговоров; несменяемости судей, трактуемой как право пожизненного пребывания в должности, а также достойное государственное содержание последних. Реализация этих условий позволит создать надежную преграду «для безраздельного господства в государственной жизни формальной воли монарха и фактического полновластия бюрократии», – писал С.А. Котляревский [6, с. 312].

Судебная реформа 1864 г., существенно приблизив судебную систему Российской империи к европейским стандартам правосудия, стимулировала развитие научного дискурса, направленного на поиск оптимальных путей ее совершенствования на основе принципов правосудия, свойственных идеалу правового государства.

Список использованной литературы

1. Ворошилов Н.Н. Критический обзор учения о разделении властей / Н.Н. Ворошилов. – Ярославль, 1872. – 462 с.
3. Гессен В.М. Теория правового государства / В.М. Гессен. – Санкт-Петербург, 1912. – 67 с.
3. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф.Ф. Кокошкин ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – Москва, 2004. – 312 с.
4. Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Собрание сочинений / А.Ф. Кони. – Москва, 1967. – Т. 4. – 528 с.
5. Кони А.Ф. Краткий конспект курса уголовного судопроизводства / А.Ф. Кони. – Санкт-Петербург, 1907. – 206 с.
6. Котляревский С.А. Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора // Избранные труды / С.А. Котляревский. – Москва, 2010. – 704 с.
7. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С.В. Познышев. – Москва, 1913. – 328 с.
8. Смыкалин А.С. История судебной системы России : учеб. пособие для студентов вузов / А.С. Смыкалин. – Москва, 2010. – 231 с.

9. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. – URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350> (дата обращения: 30.03.2023).

Информация об авторе

Татьяна Евгеньевна Грязнова – начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. E-mail: griaznova-te@yandex.ru.

Author

Tatyana Evgenievna Gryaznova – Head of Theory and History Law & State Department, Omsk Academy of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation. E-mail: griaznova-te@yandex.ru.

**ПРИМЕНЕНИЕ
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО МЕТОДА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ
XVIII ВЕКА**

Изучается практика применения сравнительно-правового метода в исследованиях российских ученых XVIII в. Сделан акцент на влиянии западной науки на формирование инструментария отечественной юриспруденции. Дается анализ работ известных ученых-правоведов, усвоивших и впервые апробировавших метод сравнения для познания русского права. Сделан вывод, что первый опыт его применения принес свои плоды, позволив понять специфику российского законодательства и сформировать общие научные представления о закономерностях функционирования институтов русского права.

Ключевые слова: русское право, сравнительно-правовой метод, историко-сравнительный метод, правоведение, научное познание.

E.V. Vasilyeva

**APPLICATION
OF THE COMPARATIVE LEGAL METHOD
IN THE RESEARCH OF RUSSIAN SCIENTISTS
OF THE XVIII CENTURY**

The practice of applying the comparative legal method in the studies of Russian scientists of the XVIII century is studied. Emphasis is placed on the influence of Western science on the formation of tools for national jurisprudence. An analysis is given of the works of well-known legal scholars who have mastered and for the first time tested the comparison method for the knowledge of Russian law. It is concluded that the first experience of its application has borne fruit, allowing us to understand the specifics of Russian legislation and form general scientific ideas about the patterns of functioning of the institutions of Russian law.

Key words: Russian law, comparative legal method, historical-comparative method, jurisprudence, scientific knowledge.

Известным отечественным правоведом Г.С. Фельдштейном еще в XIX в. была проделана огромная работа, связанная с анализом практики научной обработки отечественного уголовного права. В своем известном труде «Главные течения в истории науки уголовного права в России» (Ярославль, 1909 г.) он уделил большое внимание вопросам методологии на разных этапах развития отечественного юридического знания. Однако автор в силу предмета своего исследования подробно остановился на уголовно-правовых вопросах, уйдя от некорректных обобщений. Тем не менее Г.С. Фельдштейн стал одним из первых ученых, кто систематизировал огромный массив литературы по научным направлениям, определив как историческую обусловленность появления каждого из них, так и совокупность применяемых их представителями подходов и методов. Одним из таких методов стал сравнительно-правовой, первый опыт применения которого относится к XVIII в.

Закладка фундамента отечественной науки была осуществлена стараниями и волею Петра Великого при активном участии ученых как русского, так и иностранного происхождения. К моменту основания в нашей стране первого крупного научного центра – Академии наук – европейское образование и просвещение прошли длительный путь своего развития, что давала возможность воспользоваться результатами организации научной деятельности, плодами западной науки. Трансляторами научных знаний, идей и взглядов являлись иностранцы, приглашенные российским правительством на службу в Академию наук, а также представители русской знати, получившие образование в заграничных университетах.

Г.Ф. Шершеневич подчеркивал «замечательную чуткость и восприимчивость» [4, с. 4] русской науки ко всё новым веяниям. Становление догматического направления в европейском правоведении совпало с активным сближением России и Европы в первой половине XVIII в. Последнее обстоятельство способствовало возникновению научного интереса западных юристов к русскому праву, которое они пытались познать путем сравнения с римским и германским. Примечательным событием было появление в 1711 г. диссертации Ф.Л.М. Имгоффа «Опыт составления права Московии и общего», что стало возможным благодаря переводу Соборного Уложения 1649 г. на европейские языки. Данная работа заслуживает внимание не

только потому, что ее автор впервые применил метод сравнения, наглядно продемонстрировав сходства и различия действовавшего в то время русского и западного законодательства. Ф.Л.М. Имгофф, упорядочив правовой материал, собранный в Уложении, по институтам, сумел подробно проанализировать его в тех категориях, которые понятны были на Западе. Таким образом, сопоставление русского права с европейским позволило ученому подвести первое под определенную, понятную юридическую конструкцию, облегчающую его усвоение.

Среди российских ученых XVIII в., активно занимавшихся разработкой догмы права, был профессор Императорской Академии наук Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон, который «признается пионером в исследовании вопросов истории российского права, его систематизации, а также первым автором, положившим начало российской юридической литературы» [2, с. 821]. Большой научный интерес представляет его «Слово о начале и переменах российских законов», произнесенное на торжественном собрании 6 сентября 1756 г. В данной работе автор впервые в российской научной практике применил сравнительно-правовой метод исследования, позволивший ученому понять специфику русского права и сущность изменений, коснувшихся как отдельных правовых институтов, так и законодательства в целом на протяжении XI–XVII вв. Стоит отметить, что Штрубе использовал как диахронное сравнение, так и асинхронное.

С помощью сопоставления Русской правды с германскими законами периода раннего Средневековья автор пришел к выводу о схожести многих правовых институтов, описанных в данных источниках, отметив, в частности, превалирование уголовно-правовых норм, порядок исчисления штрафов за хищение чужого имущества, перечень видов наказаний и т.д. При этом факты, приведенные Штрубе де Пирмонам, по словам Н.М. Коркунова, были использованы А.Л. Щлёцером в качестве подтверждения своей теории происхождения Древнерусского государства [1, с. 289].

Перейдя к анализу российского законодательства XVI–XVII в., автор стал применять также асинхронное сравнение, ориентирующее на сопоставление правовых категорий, конструкций, юридической техники, иначе – правовых явлений в различные периоды времени, что позволило Штрубе просле-

дуть эволюцию русского права на протяжении XI–XVII вв. и прийти к выводу об его уникальности. Изучив Соборное Уложение 1649 г., ученый резюмировал: «Они поступили разумно, что не соединили римских законов со своими, от которых они в важнейших пунктах весьма много разнствуют. Можно сказать, что в сем случае здравое рассуждение более принесло пользы сему государству, нежели неразумное употребление наук протчих, где мешая чужих земель законы со своими, для их распространения и приведения в совершенство, наполнили затруднениями и темнотою» [5, с. 30].

В стенах Академии наук обработка русского юридического материала велась также с помощью сравнительно-исторического метода. Он позволил выйти за границы анализа правовых норм и институтов, поставить «содержание законодательства в связь с историческими условиями, вызывающими его особенности» [3, с. 149]. Список ученых XVIII в., предпринявших попытку научно обосновать потенциал данного метода, обширен. В то же время далеко не всем удалось применить его на практике для познания русского права. Так, по всей видимости, не была реализована задумка одного из талантливых студентов Академического университета А.Я. Поленова по «разработке русского законодательства», о которой говорилось в донесении в канцелярию Академии наук (1765). В тексте, фрагмент которого приведен Г.С. Фельдштейном, содержится намерение «взять... наставления императора Юстиниана для их непосредственного порядка и к каждому титулу присоединить российские, французские и немецкие права с показанием их разности и согласия, не упуская причин исторических и политических, подавших повод к изданию нашего закона» [3, с. 167].

Воспитанник Московского университета А.А. Артемьев, подготовивший работу «Краткое начертание римских и российских законов» (1777), также не смог дать качественного сравнения положительного права двух народов, сославшись на «свойство сего (своего. – Е. В.) сочинения» [3, с. 175]. Тем не менее автор смог обосновать происхождение разного рода правовых явлений, например, самодержавия или законодательных сборников в той или иной форме, сложившимися в конкретный исторический период общественными отношениями.

Особого внимания заслуживают два других ученых XVIII в. Профессор Московского университета К.Г. Лангер, оставивший после себя четыре речи («Слова»), публично произнесенные им по случаю знаменательных событий, и работу под названием «Полный географический лексикон, содержащий в себе по азбучному порядку подробное описание всех частей света...», являлся, пожалуй, первым исследователем в России, который применил историко-сравнительный метод, в частности при изучении положительных законов египтян, евреев, римлян и германцев. Общее между ними ученых объяснил не заимствованием, а «одинаковыми условиями быта, соображениями целесообразности и некоторыми другими условиями» [3, с. 171]. Однако историко-сравнительный метод К.Г. Лангер, к сожалению, не смог использовать для познания российского права ввиду незнания русского языка.

Данный пробел удалось восполнить его ученику, также профессору Московского университета С.Е. Десницкому, который в своих лекциях знакомил студентов с пандектами римского права в сравнении их с правом российским. Более того, рассуждая о наилучших научных методах, он рекомендовал обращаться именно к сравнительно-историческому, поскольку исследование истории правовых явлений у разных народов дает возможность выявить не только особенности, но законы их эволюции.

Итак, научный инструментарий отечественной юриспруденции складывался в XVIII в. в условиях западного влияния, при активном участии иностранных специалистов, приглашенных на службу в Россию. Заимствование сравнительно-правового и историко-сравнительного методов совпало с ростом интереса европейских и отечественных ученых к русскому праву и осмыслением необходимости его научной обработки. Несмотря на то что в XVIII в. только наметилось основное направления в сравнительном правоведении, первый опыт применения указанных методов имел положительный эффект, поскольку позволил понять специфику российского законодательства и сформировать научные представления о закономерностях функционирования институтов русского права.

Список использованной литературы

1. Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Наука, 2019. – 505 с.
2. Сырых В.М. Штрубе де-Пирмон / В.М. Сырых // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий / отв. ред. В.М. Сырых. – Москва : РАП : Изд. группа «Юрист», 2009. – С. 821–822.
3. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн. – Ярославль : Тип. Губерн. правления, 1909. – 668 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. – Казань : Тип. Императ. ун-та, 1893. – 243 с.
5. Штрубе де Пирмон. Слово о начале и переменах российских законов в торжественное празднество тезоимператорства Ея Императорского Величества Всемилолюбивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийской в публичном собрании Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, говоренное Федором Штрубом сентября 6 дня 1756 году и переведенное на российский язык Семеном Нарышкиным. – Санкт-Петербург, 1756. – 40 с.

Информация об авторе

Евгения Владимировна Васильева – доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, кандидат исторических наук. E-mail: lyuevvla@yandex.ru.

Author

Evgeniya Vladimirovna Vasilyeva – Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in History. E-mail: lyuevvla@yandex.ru.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Экология в современном мире является едва ли не самым обсуждаемым вопросом, значение охраны окружающей среды переоценить трудно, ведь окружающая среда необходима для обеспечения жизни и развития человечества. В статье рассматриваются некоторые аспекты международного сотрудничества в области охраны окружающей среды. Освещены формы и тенденции международного экологического сотрудничества. Рассмотрены структура и функции международных организаций, координирующих такое сотрудничество. Определены наиболее актуальные проблемы международного сотрудничества, например такие, как международная экологическая ответственность. Обозначена ведущая роль в обеспечении охраны окружающей среды Ассамблеи ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Дана характеристика «мягкого права» как одного из наиболее приемлемых регуляторов международных отношений в области охраны окружающей среды. Сделаны выводы о том, что наиболее эффективное международное экологическое сотрудничество необходимо строить не только на политическом, но и на научном взаимодействии государств.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, международное сотрудничество, Ассамблея ООН, «мягкое право», экология, ЮНЕП, экологическая ответственность.

V.V. Belozertseva
S.M. Belozertsev

INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL COOPERATION

Ecology in the modern world is perhaps the most discussed issue, it is difficult to overestimate the importance of environmental protection, because the environment is necessary to ensure the life and development of mankind. The article deals with some aspects of international cooperation in the field of environmental protection. The forms and tendencies of international ecological cooperation

are highlighted. The structure and functions of international organizations coordinating such cooperation are considered. The most urgent problems of international cooperation are identified, for example, such as international environmental responsibility. The leading role in ensuring environmental protection of the United Nations Environment Assembly (UNEP) is designated. The characteristic of «soft law» as one of the most acceptable regulators of international relations in the field of environmental protection is given. Conclusions are drawn that the most effective international environmental cooperation must be based not only on political, but also on scientific interaction between states.

Key words: environmental protection, international cooperation, UN Assembly, «soft law», ecology, UNEP, environmental responsibility.

Параллельно развитию технологий в современном мире происходит рост проблем в области экологии, что требует своевременного решения и совместного подхода международного сообщества. Следует отметить, что некоторое улучшение экологической обстановки все же происходит. Однако такие улучшения затронули лишь часть проблемных аспектов, которые длительное время освещались, в результате чего на их решение был выделен определенный капитал. При этом отмечается общая тенденция ухудшения состояния окружающей среды, что непременно включает в себе угрозу для будущего человечества [6, с. 70–74].

Аналитики состояния экологии указывают на увеличение выброса парниковых газов, как и других вредных загрязнителей в виде тяжелых металлов, ухудшение водной экосистемы, примером тому является увеличение экологических проблем Байкала. Происходит снижение уровня пресной воды во всем мире, лесные зоны в тропиках значительно уменьшаются и т.д. и т.п. Такой всеобъемлющий спектр экологических проблем требует совместного подхода на уровне международного сотрудничества в области охраны окружающей среды.

Осуществляемое международное сотрудничество может происходить в различных формах, а также иметь разный характер интенсивности. При этом организуемое сотрудничество между странами имеет определенные стадии развития. Исследование проблем окружающей среды, а также поиск средств и

способов для их решения чаще всего происходит при тесном сотрудничестве стран. Возможен и другой подход, когда решения по обеспечению безопасности окружающей среды принимаются совместно, а последующая деятельность по устранению проблемы лишь координируется время от времени. Отметим, что международное сотрудничество в области охраны окружающей среды наиболее эффективно при совместном решении экологической проблемы с учетом интересов всех стран, а также разделением имеющихся полномочий и компетенций.

Строиться международное сотрудничество может как на добровольной основе, так и происходить ввиду неотложных обстоятельств. При этом решение большого спектра экологических проблем возможно лишь при системном и заинтересованном подходе каждой из стран, что приводит к формированию и наработке опыта международного сотрудничества. Ярким примером механизма, способствующего формированию международных отношений, являются совещания технических экспертов, учрежденные Рамочной конвенцией Организации Объединенных наций об изменении климата (РКИК ООН). Такое взаимодействие стран позволяет обмениваться мнениями и находить общий подход в решении экологической проблемы.

Необходимо отметить, что большое значение в области международного сотрудничества для охраны окружающей среды играет так называемое «мягкое право», которое представляет собой некую совокупность норм рекомендательного характера. «Мягкое право» способствует росту мотивации к международному сотрудничеству и является достаточно эффективным. Не исключено, что в дальнейшем рекомендательные нормы, отраженные в «мягком праве» в дальнейшем преобразуются в обычные нормы международного права [1, с. 60–63]. Ярким примером «мягкого права» в области обеспечения охраны экологической безопасности являются рекомендации, принятые в 1992 г. на Конференции в Рио. Сюда же следует отнести Декларацию по окружающей среде и развитию, Принципы для глобального консенсуса в отношении рационального использования, сохранения и устойчивого развития всех видов лесов, именуемые лесными принципами [4, с. 30–33].

Обязательное международное право является наиболее устойчивой формой сотрудничества, заключая в себе международное договорное право совместно с международными обычаями

ями и общими принципами международного права, тем не менее, складывается тенденция все большего использования «мягкого права» по сравнению с обязательными нормами международного права. Преимущество мягкого права заключается в том, что его нормы в меньшей степени нарушают национальный суверенитет и шире использует форму сотрудничества [7, с. 74–82].

Обеспечение охраны окружающей среды на международном уровне происходит в соответствии с Программой ООН по окружающей среде, именуемая как ЮНЕП. Деятельность данной организации направлена на формирование глобальной экологической повестки, а также содействует устойчивому развитию экологии мира в соответствии с выработанной программой ООН. ЮНЕП является основным защитником окружающей среды в мире. Учреждена данная организация была еще в 1972 г. Генеральной Ассамблеей ООН в период проведения конференции в Стокгольме с целью развития международного сотрудничества в области охраны экологии [3, с. 86–88]. Общее руководство деятельностью ЮНЕП осуществляется Управляющим советом. К компетенциям Управляющего совета ЮНЕП относится организация международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, формирование общей политики по обеспечению надлежащего уровня благоприятной окружающей среды, а также контроль за осуществлением этой политики. Управляющий совет ЮНЕП также может поддерживать национальную и международную политику по охране окружающей среды, в том числе внося свой вклад в научные организации в данном аспекте. В управляющий совет ЮНЕП входят представители из 58 государств.

Вышеизложенные компетенции Управляющего совета ЮНЕП можно разделить на такие направления, как:

1. Научное, непосредственно занимающееся анализом состояния окружающей среды и обозначением существующих проблем в данной области мирового характера.

2. Политическое, содействующее развитию международного сотрудничества в области охраны экологии, а также координированию деятельности ООН по охране природы.

3. Каталитическое. Данное направление способствует стимулированию к защите окружающей среды и сотрудничеству по данному вопросу.

Вышеуказанные направления деятельности Управляющего совета ЮНЕП в общем виде обеспечивают контроль за состоянием окружающей среды, рассматривая вопросы о необходимости осуществления дополнительных мер по противодействию ее ухудшению.

Функции ЮНЕП по продвижению международного сотрудничества в области охраны окружающей среды периодически меняются. Например, в 2013 г. произошло преобразование Совета управляющих ЮНЕП в Ассамблею ООН по окружающей среде Программы ООН по окружающей среде. На Ассамблею ООН, помимо продвижения политики ЮНЕП, была возложена задача по организации платформы, заключающей в себе эффективную организацию охраны окружающей среды мирового характера. Наибольшее количество принятых решений в области обеспечения экологической безопасности принадлежит Ассамблее ООН, в состав которой входят представители от 193 государств. Заседания Ассамблеи ООН происходят с периодичностью раз в два года, на которых обсуждаются вопросы о приоритетных направлениях политики в области окружающей среды. Экологическое право также является неотъемлемым аспектом международной политики. Деятельность Ассамблеи ООН имеет четкий план развития экологической среды вплоть до 2030 г. [5, с. 84–85]. Руководство Программой ООН по окружающей среде также относится к компетенциям Ассамблеи ООН [2, с. 38–39].

Обратим внимание на еще один аспект в области защиты окружающей среды, который относится, пожалуй, к самым проблемным и актуальным проблемам экологии – на международно-правовую ответственность в области защиты окружающей среды. Экологические правонарушения могут являться следствием неисполнения государством своих обязательств, или непосредственным загрязнением окружающей среды. Однозначного нормативно-правового регулирования международно-правовая экологическая ответственность не имеет, также отсутствует правоприменительная международная практика в этой области, в связи с чем, некоторые авторы предлагают ввести обсуждение международно-правовой ответственности по защите окружающей среды в повестку заседаний Ассамблеи ООН [8, с. 123–128].

Деятельность Ассамблеи ООН день оказывает значительную роль по обеспечению охраны окружающей среды. Посредством осуществления Ассамблеей ООН тех функций, что на нее возложены по вопросам экологии, в первую очередь, формируется международное сотрудничество, благодаря которому происходит улучшение экологической обстановки всего мира, а также закрепляются взаимоотношения между странами.

Следует отметить, что в основе грамотного развития международной политики в области охраны экологии мира лежит анализ состояния окружающей среды всех государств. Разрешение глобальных экологических проблем требует совместного подхода всех государств. «Мягкое право» является наиболее лояльным способом реализации совместной политики в области охраны окружающей среды. В ряде случаев государствам приходится прибегать к реализации неотложных мер по решению экологических проблем, что подразумевает привлечение возможностей других стран не только на добровольной основе.

Эффективное сотрудничество государств по вопросу обеспечения надлежащего состояния экологической среды предполагает осуществление взаимодействия не только путем выстраивания политических отношений в данном вопросе, но и содействие в организации научной деятельности и научных исследований в сфере экологии. При этом в основу построения международной политики и возлагаются аналитические данные, получаемые ввиду проводимых научных исследований. Учитывая состояние экологии в мире, все больше и больше государств должно быть заинтересовано в международном взаимодействии по вопросам экологии.

Список использованной литературы

1. Ипатова Р.Н. Роль концепции «мягкого права» в регулировании международных отношений и создании «параорганизаций» / Р.Н. Ипатова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2011. – С. 60–63.

2. Исакова Ю.И. Институты гражданского контроля как институциональное основание системы защиты прав и свобод человека и гражданина / Ю.И. Исакова, С.И. Кузина и др. // Юрист спешит на помощь. – 2018. – № 4 – С. 38–39.

3. Исакова Ю.И. Экологическое право : учеб. пособие / Ю.И. Исакова. – Ростов-на-Дону : Изд. центр ДГТУ, 2015. – 152 с.

4. Копылов М.Н. К вопросу об эффективности норм «мягкого» международного экологического права / М.Н. Копылов // Экологическое право. – 2006. – № 6. – С. 30–33.

5. Мельников Д.Д. Роль организации Объединенных Наций в решении глобальных экологических проблем современности / Д.Д. Мельников, С.Д. Забурдин, Е.Г. Раковская // The Newman in Foreign policy. – 2020. – №52 (96). – С. 89–94.

6. Пчельников М.В. Современная экологическая политика в сфере охраны природы и обеспечения благоприятной окружающей среды / М.В. Пчельников // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – № 2. – С. 70–74.

7. Сахарова А.Ю. Феномен «мягкого права» на примере правового регулирования отношений в сфере защиты окружающей среды и спортивного права / А.Ю. Сахарова // Скиф. – 2019. – №4 (32). – С. 74–82.

8. Угнич М.С. Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды / М.С. Угнич // Скиф. – 2020. – №9 (49). – С. 123–128.

Информация об авторах

Виктория Владимировна Белозерцева – начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: sarrav@mail.ru.

Сергей Михайлович Белозерцев – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, кандидат исторических наук. E-mail: zuyn03@mail.ru.

Authors

Victoria Vladimirovna Belozertseva – Head of the Department Civil Law Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: sarrav@mail.ru.

Sergey Mikhailovich Belozertsev – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in History. E-mail: zuyn03@mail.ru.

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ПРАВ: МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Цифровые права как особая разновидность информационных прав, предполагающих использование цифровых сервисов, цифровых технологий аналитики данных, искусственного интеллекта, в международном и национальном праве трактуются неоднозначно. Имеются примеры в национальных правовых системах, когда праву на доступ к информационно-коммуникационным системам и сопутствующим ему правам придается качество конституционных прав. Однако чаще эти права выступают как новые элементы нормативного содержания классических основных прав. Так происходит и в России. В условиях цифровизации особым содержанием наполняются все конституционные права. Это касается и права на обращение в органы публичной власти, на доступ к публичным услугам, на иные формы коммуникации с публичной администрацией. Для того чтобы цифровые элементы не превратились из гарантий в ограничения основных прав, необходимо решить целый ряд проблем, в том числе: гармонизировать действующее законодательство об административных процедурах с использованием цифровых технологий; урегулировать права и обязанности всех участников электронного и цифрового взаимодействия, включая операторов информационных систем; не допускать подмены законодательного регулирования прав внутренними правилами информационной системы, установленными алгоритмами, ограничивающими право; оставлять за гражданами право выбора способа коммуникации с публичной администрацией.

Ключевые слова: цифровые права, основные права, информационные системы, цифровизация, цифровая коммуникация с публичной администрацией, цифровые гарантии прав, цифровые ограничения прав.

**DIGITAL RIGHTS AS GUARANTEES
OF FUNDAMENTAL RIGHTS:
INTERNATIONAL AND NATIONAL DIMENSION**

Digital rights as a special kind of information rights, involving the use of digital services, digital data analysis technologies, and artificial intelligence, are interpreted ambiguously in international and national law. There are examples in national legal systems when the right to access to information systems and related rights acquire the quality of constitutional rights. However, these rights often act as new elements of the normative content of classical fundamental rights. This is what happens in Russia. In the context of digitalization, all constitutional rights are filled with special content. This also applies to the right to appeal to public authorities, to access to public services, and to other forms of communication with public administration. In order to prevent of turning from digital guarantees into digital restrictions on fundamental rights, a number of problems need to be solved. There are in particular the following problems: a harmonization of existing legislation on administrative procedures with the use of digital technologies; regulating the rights and obligations of all participants in electronic and digital interaction, including information system operators; preventing of the substitution of legislative regulation of rights by the internal rules of the information system, established by algorithms that restrict the right; preservation the citizens right to choose the method of communication with the public administration.

Key words: digital rights, fundamental rights, information systems, digitalization, digital communication with public administration, digital guarantees of rights, digital restrictions of rights.

Прочно вошедшее в последнее время в правовой оборот понятие цифровых прав в их субъективном смысле продолжает оставаться предметом жарких дискуссий – от объявления их новым поколением прав человека [1, с. 122–146] до отрицания их значения как основных конституционных прав с признанием их в качестве новых цифровых элементов (правомочий, гарантий), изменяющих и дополняющих нормативное содержание классических основных прав [2, с. 20–21].

При этом общим для характеристики цифровых прав является их связь с цифровизацией как современным этапом информатизации, основанном на использовании цифровых технологий аналитики данных, искусственного интеллекта [3, с. 18–21]. Таким образом, цифровые права в любом случае характеризуются как особая категория информационных прав, предполагающая использование информационных систем и цифровых технологий для их реализации.

Цифровые права в аспекте права каждого на пользование преимуществами глобального информационного общества, права на доступ к информационным и коммуникационным сетям, на доступ в Интернет получили отражение во многих международных документах «мягкого права»: Хартии глобального информационного общества (Окинава, G8, 22 июля 2000 г.) [4, п. 3, 6, 9]; Всемирной декларации принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» от 12 декабря 2003 г. [5, п. 4, 19]; Резолюции Совета ООН по правам человека «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» 2016 г. [6, п. 1]. Эти права преимущественно в аспекте гарантий реализации основных прав уже не раз становились предметом деклараций и рекомендаций региональных международных организаций, в частности Совета Европы [7; 8; 9].

Национальное конституционное право ряда государств также все чаще возводит цифровые права в ранг конституционных прав. Так, в измененной в 2008 г. Конституции Греции зафиксировано право каждого на участие в информационном обществе и установлена корреспондирующая этому праву обязанность государства по обеспечению доступа к информации, передаваемой в электронном виде, равно как и ее производства, обмена и распространения [10, ст. 5А ч. 2]. А Федеральный конституционный суд Германии, развивая выведенное ранее из общего права на свободу личности (абзац 1 ст. 2 во взаимосвязи с абзацем 1 ст. 1 Основного закона ФРГ) право на информационное самоопределение, в Постановлении по делу об онлайн-обысках 2008 г. сформулировал основное право на обеспечение целостности и конфиденциальности информационно-технологических систем (нем.: *Grundrecht auf Gewährleistung der Vertraulichkeit und Integrität informationstechnischer Systeme*) [11].

В российской правовой системе пока нет оснований говорить о цифровых правах как новой и самостоятельной категории основных конституционных прав. В то же время, с одной стороны, «цифровые права» как названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам, обозначены в Гражданском кодексе РФ в качестве объектов гражданских прав [12, ст. 141.1].

А с другой стороны, универсальные признаки таких прав, предполагающие их реализацию с использованием информационных систем и по правилам этих систем, переносятся на цифровые способы осуществления основных конституционных прав, которые допускаются и получают распространение в законодательстве и на практике. При этом под информационной системой понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств [13, ст. 2]. Так, например, в нормативном содержании права на обращение в органы и к должностным лицам государственной власти и местного самоуправления появляются новые права, в том числе право на обращение в административный орган не просто в электронной форме, но и с использованием цифровых сервисов, на получение публичных услуг в электронном формате через государственные порталы, на создание своего цифрового профиля в государственных и муниципальных информационных системах, на защиту персональных данных в таких системах, на конфиденциальность персональных данных, их обезличивание и удаление.

Все эти цифровые права должны реализовываться по правилам, установленным в федеральных законах и принятых в соответствии с ними подзаконных актах. Однако не менее важную роль в регулировании цифровой коммуникации публичной администрации с гражданами играют правила использования цифрового сервиса, установленные самой информационной системой.

Так, право на электронную и цифровую коммуникацию фигурирует в первую очередь в специальных законах, регулирующих административные процедуры – Федеральном законе об организации предоставления государственных и муници-

пальных услуг [14, с. 130], Федеральном законе о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле [15, п. 2 ч. 1 ст. 59 и др.]. Эти законы предполагают создание и использование инфраструктуры сервисного государства – Единой системы идентификации и аутентификации порталов государственных и муниципальных услуг и других информационных систем – для обеспечения электронного взаимодействия граждан и публичной администрации. В то же время универсальный Федеральный закон о порядке рассмотрения обращений граждан ориентирован преимущественно на коммуникацию административных органов с гражданами и организациями в аналоговом режиме. Электронное обращение рассматривается как разновидность письменного обращения без учета особенностей, связанных с использованием цифровых сервисов и информационных систем [16, п. 1 ст. 4 и др.]. Таким образом, можно констатировать рассогласованность в правовом регулировании цифровой коммуникации публичной администрации с гражданами в действующем законодательстве

Положение усугубляется еще и тем, что правила коммуникации, устанавливаемые операторами информационных систем, зачастую оказываются более жесткими, чем те, которые установлены в законодательстве, и по объему, и по формату обращения, и по требованиям к приложениям, а гарантии принятия обращения к рассмотрению и получения ответа по существу запроса не обеспечиваются [2, с. 30–32]. Противоречия между нормативными рамками общения граждан с административными органами, установленными в законодательстве и предлагаемыми правилами самой информационной системы, свидетельствуют о нарушении принципов верховенства закона и правовой определенности.

Очевидно, назрела необходимость синхронизации законодательного регулирования цифровой коммуникации граждан и организаций с публичной администрацией; правовой регламентации обязанностей всех участников цифрового взаимодействия, включая операторов информационных систем, иных посредников и привлекаемых субъектов, обеспечивающих обслуживание систем; содержательной дифференциации ошибок и нарушений, допускаемых в ходе электронной и цифровой подачи обращения. Кроме того, всегда должна сохраняться альтернатива перехода в аналоговый режим общения граждан с

административными органами с учетом сохраняющегося цифрового неравенства и необходимости преодоления цифровой монополии.

Цифровые права не должны превращаться в ограничения основных прав, а призваны выступать дополнительной гарантией их реализации, обеспечивая доступность публичных благ и услуг, а также оперативность административных действий.

Список использованной литературы

1. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э.В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 122–146.

2. Гриценко Е.В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации / Е.В. Гриценко // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – №4 (149). – С. 15–36.

3. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Клочкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев. – Москва : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

4. Хартия глобального информационного общества, Окинава, G8, 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 51–56.

5. Всемирная декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» от 12 декабря 2003 г. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R. – URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf.

6. Резолюция Совета ООН по правам человека «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете», 18 июля 2016 г., A/HRC/RES/32/13. – URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/57e9166b4.html>.

7. Declaration CM (2005)56 of the Committee of Ministers on human rights and the rule of law in the Information Society. 13 May 2005. – URL: https://www.coe.int/t/dgap/goodgovernance/Activities/Public_participation_internet_governance/Declaration-Information-Society/011_DeclarationFinal%20text_en.asp.

8. Recommendation CM/Rec(2007)16 of the Committee of Ministers to member states on measures to promote the public service value of the Internet, adopted on 7 November 2007. – URL:

https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d4a39.

9. Recommendation CM/Rec(2008)6 of the Committee of Ministers to member states on measures to promote the respect for freedom of expression and information with regard to Internet filters, adopted on 26 March 2008. – URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d3bc4.

10. Greece's Constitution of 1975 with Amendments through 2008. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Greece_2008.pdf?lang=en.

11. BVerfG: Urteil “Online-Durchsuchungen” v. 27.02.2008 (BVefGE 120, 274 ff.)

12. ГК РФ в редакции Федерального закона от 18 марта 2019 г. №34-ФЗ.

13. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

14. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : Федер. закон от 27 июля 2010 г. №210-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

15. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

16. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федер. закон от 2 мая 2006 г. №59-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Елена Владимировна Гриценко – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: e.gritsenko@spbu.ru.

Author

Elena Vladimirovna Gritsenko – Professor, Department of Constitutional Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: e.gritsenko@spbu.ru.

РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ В XXI ВЕКЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ИДЕИ ДЛЯ РОССИИ

В статье рассмотрены некоторые примеры принятых в последние годы в иностранных государствах конституционных и законодательных решений в сфере определения компетенции конституционных судов и иных органов с аналогичными функциями. Выявлено, в частности, что к числу наиболее динамично развивающихся направлений конституционного контроля за рубежом относится конкретный конституционный нормоконтроль (Алжир, Венгрия, Казахстан), а также взаимодействие конституционных судов с муниципальным уровнем публичной власти (Армения, Косово). По итогам проведенного обзора сделан принципиальный вывод о возможности учета российским законодателем зарубежного опыта в рассматриваемой сфере, особенно с учетом того, что некоторые из рассмотренных новаций имеют место в исторически и географически близком к Российской Федерации постсоветском правовом пространстве.

Ключевые слова: судебный конституционный контроль, конституционный нормоконтроль; местное самоуправление.

A.A. Petrov

DEVELOPMENT OF COMPETENCE OF CONSTITUTIONAL COURTS IN THE XXI CENTURY: FOREIGN EXPERIENCE AND IDEAS FOR RUSSIA

The article considers some examples of constitutional and legislative decisions adopted in recent years in foreign countries in the field of determining the competence of constitutional courts and other bodies with similar functions. It was revealed, in particular, that among the most dynamically developing areas of constitutional control abroad is specific constitutional normative control (Algeria, Hungary, Kazakhstan), as well as the interaction of constitutional courts with the municipal level of public authority (Armenia, Kosovo). Based on the results of the review, a fundamental conclusion was made about the possibility for the Russian legislator to take into account

foreign experience in this area, especially given the fact that some of the innovations considered take place in the post-Soviet legal space historically and geographically close to the Russian Federation.

Key words: judicial constitutional control, constitutional normative control, local self-government.

Недавние конституционные преобразования в той или иной мере затронули практически все основные конструкции публичной власти в Российской Федерации. Не стал исключением и институт судебного конституционного контроля. Уже в послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 15 января 2020 г. было заявлено, что усиление роли Конституционного Суда станет одним из направлений предложенных конституционных изменений. С этой целью в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» и принятым в развитие конституционных поправок Федеральным конституционным законом от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» к полномочиям Конституционного Суда были отнесены предварительный нормоконтроль в отношении проектов федеральных законодательных актов, разрешение вопросов о возможности исполнения решений различных межгосударственных органов, в том числе судов, и т.д. Масштаб и значение состоявшихся изменений дают основания говорить о новом этапе в истории российского конституционного правосудия.

В этой связи представляется важным и полезным обратиться к зарубежному опыту развития компетенции судебных органов конституционного контроля. За последние годы эти вопросы были предметом внимания во многих государствах, в том числе исторически и географически близких к России.

АЛЖИР

Конституционный Суд Алжира был учрежден в результате пересмотра Конституции этой страны по результатам референдума 2020 г. Он заменил собой ранее действовавший Конституционный Совет. Основы правового положения Конституционного Суда Алжира достаточно обстоятельно сформулирова-

ны в главе 1 раздела IV Конституции (ст. 193–207) [1]. Компетенция Суда в целом соответствует сложившимся представлениям о европейской модели судебного конституционного контроля. Вместе с тем заслуживает отдельного внимания подход к определению полномочий Конституционного Суда Алжира в сфере конкретного конституционного контроля: согласно ст. 202 Конституции Конституционный Суд выносит решения по вопросам «исключительной неконституционности» на основании запроса Верховного Суда или Государственного Совета, когда одна из сторон в деле заявляет о том, что законодательное или регуляторное предписание, на основании которого должно быть принято решение по делу, неблагоприятно сказывается на его конституционных правах и свободах.

АРМЕНИЯ

Правовую основу статуса Конституционного Суда Армении образуют Конституция Армении в редакции, принятой на референдуме 2015 г. [3]. Особенностью компетенции Конституционного Суда Армении является то, что она предусматривает возможность активного взаимодействия с муниципальным уровнем публичной власти. Так, на основании ч. 1 ст. 100 Конституции Армении к объектам конституционного контроля отнесены акты органов местного самоуправления. Кроме того, Конституционный Суд вправе давать заключения об основаниях отрешения от должности руководителей муниципалитетов (ч. 8 ст. 100 Конституции). Одновременно органам местного самоуправления предоставлено право обращаться в Конституционный Суд по вопросам соответствия Конституции нормативных актов государственных органов, нарушающих их конституционные права (п. 5 ч. 1 ст. 101 Конституции Армении).

Также заслуживает внимания положение п. 8 ч. 1 ст. 101 Конституции, на основании которого Защитник прав человека вправе обращаться в Конституционный Суд по вопросам соответствия положениям гл. 2 Конституции «Основные права и свободы человека и гражданина» законов, постановлений Национального Собрания, указов Президента Республики, постановлений Правительства, Премьер-министра, органов местного самоуправления.

ВЕНГРИЯ

Действующая Конституция (Основной Закон) Венгрии [2] была принята в 2011 г. Компетенция Конституционного Суда

Венгрии определена ее ст. 24 раздела «Государство». Среди полномочий этого суда, заслуживающих особого внимания, следует выделить проверку конституционности судебных решений по конституционной жалобе, по результатам рассмотрения которой Конституционный Суд вправе аннулировать обжалуемое решение; предметом проверки может быть любое судебное решение (п. «d» ч. 2 и п. «b» ч. 3). Кроме того, Конституционный Суд Венгрии наделен полномочием проверять законы на предмет их соответствия международным договорам (п. «f» ч. 2 и п. «c» ч. 3 ст. 24 Конституции Венгрии).

КАЗАХСТАН

Конституционный Суд Казахстана был учрежден в рамках масштабной конституционной реформы 2022 г. вместо Конституционного Совета – внесудебного государственного органа, действовавшего в этой стране с конца 1995 г. [4]. На постсоветском пространстве Конституционный Суд Казахстана – самый молодой специализированный судебный орган конституционного контроля. Компетенция Конституционного Суда Казахстана определена в целом в традиционных для таких органов рамках. Вместе с тем отличается своеобразием подход к определению его полномочий в сфере конкретного конституционного контроля: ч. 2 ст. 72 во взаимосвязи со ст. 78 Конституции устанавливает, что Конституционный Суд Казахстана рассматривает представления судов о признании неконституционными законов и иных нормативных правовых актов, ущемляющих закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина. С одной стороны, такая формулировка означает, что в указанном порядке может быть проверена конституционность любого принятого в Казахстане нормативного правового акта (включая, например, нормативные акты органов местного самоуправления). В то же время предмет проверки нормативных правовых актов в рамках рассматриваемой процедуры существенно ограничен – он может включать только вопросы защиты конституционных прав и свобод, но не оценку соответствия оспариваемых актов иным положениям Конституции.

КОСОВО

Конституционный Суд этого частично признанного государства учрежден на основании Конституции 2008 г. [5]. Пункт 4 ее ст. 113 закрепляет специальное право обращения в Конституционный Суд для муниципалитетов – они вправе оспаривать

конституционность законов и актов Правительства, нарушающих компетенцию или влекущих уменьшение доходов муниципалитетов. При этом ст. 41 Закона Косово о Конституционном Суде уточняет, что такое обращение должно быть подано в течение одного года после вступления в силу оспариваемого закона или акта Правительства.

ПОЛЬША

Конституционный Трибунал Польши действует на основании Конституции в редакции поправок 2009 г. [6]. Наряду с традиционными – для европейской модели конституционного контроля – полномочиями он наделен правом проверять правоположения, изданные центральными органами государства, на предмет соответствия не только Конституции, но и законам Польши (п. 3 ст. 188 Конституции). Кроме того, к компетенции Конституционного Трибунала Польши отнесена проверка соответствия Конституции целей и деятельности политических партий (п. 4 той же статьи).

Объем настоящей статьи не позволяет провести исчерпывающий сравнительный анализ всех изменений в компетенции зарубежных конституционных судов и иных специализированных органов конституционного контроля. Тем не менее даже выборочное исследование показывает, что многие из принятых в данной сфере правовых решений представляются новаторскими, а практика их реализации может послужить источником идей для дальнейшего совершенствования организации и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Конституция Алжирской Народной Демократической Республики. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Algeria_2020.pdf?lang=en (дата обращения: 15.03.2023).

2. Конституция Венгрии. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Hungary_2016.pdf?lang=en (дата обращения: 15.03.2023).

3. Конституция Республики Армения. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Armenia_2015.pdf?lang=en (дата обращения: 15.03.2023).

4. Конституция Республики Казахстан. – URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 15.03.2023).

5. Конституция Республики Косово. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Kosovo_2016.pdf?lang=en (дата обращения: 15.03.2023).

6. Конституция Республики Польша. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Poland_2009.pdf?lang=en (дата обращения: 15.03.2023).

Информация об авторе

Алексей Александрович Петров – главный научный сотрудник Института правовых исследований, профессор кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета, доктор юридических наук. E-mail: petrov-a-irk@mail.ru.

Author

Aleksey Aleksandrovich Petrov – Chief Researcher of the Institute of Legal Research, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Baikal State University, Doctor of Law. E-mail: petrov-a-irk@mail.ru.

СТАДИЙНОСТЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Идея деления избирательного процесса на стадии (этапы) является основной в российской правовой науке при обсуждении его структуры, а также ведущим принципом при определении последовательности изложения правовых предписаний в актах российского избирательного законодательства. Вместе с тем определенные несовершенства обнаруживаются в регулировании перехода от одних стадий избирательного процесса к другим.

Российский подход к законотворчеству в этой сфере сравнивается с подходом более чем 40 других государств Европы, Америки и Азии. Делается вывод, что во многих иностранных государствах данная идея не является ведущей для структуры актов избирательного законодательства. В российском законодательстве стадийность избирательного процесса реализована наиболее последовательно и продвинуто, что, в свою очередь, имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Ключевые слова: выборы, избирательный процесс, стадия, законодательство.

V.E. Podshivalov

STAGES OF ELECTORAL PROCESS IN RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

The idea of division of electoral process into stages is primary in the Russian legal science when discussing structure of the process and also is a leading principle in consistent laying down the prescriptions of Russian electoral legislation. Yet some imperfections are still revealed in regulation of the transition from an electoral process stage to another one.

Russian law-making approach in the field is compared to one of more than 40 European, American and Asian states. The conclusion is made that in many foreign states the idea is not seen as a leading principle determining the internal structure of the legisla-

tive acts. The stages of the electoral process are represented in Russian electoral legislation in most advanced and consistent manner, which in turn has some benefits and disadvantages.

Key words: elections, electoral process, stage, legislation.

Избирательный процесс представляет собой юридическую процедурную форму реализации правовых норм, выражающих условно «статическую составляющую» правового регулирования – а именно принципов избирательного права, норм об избирательных правах граждан (включая основания ограничения этих прав), норм о системе избирательных комиссий и других.

Избирательный процесс, как известно, удобно и целесообразно для изучения разделить на стадии и этапы. При этом каждая стадия преследует собственную цель, подчиненную общей цели выборов; имеет определенные хронологические рамки, отчасти установленные избирательным законодательством, отчасти вытекающие из действий (бездействия) участников избирательного процесса. Сама эта идея для российского исследователя является привычной, даже тривиальной, однако при более пристальном рассмотрении в ней обнаруживаются некоторые важные нюансы.

Во-первых, перечень стадий и составляющих их этапов, предлагаемых разными учеными, неодинаков. Так, например, по мнению С.Д. Князева, стадии подразделяются на основные (назначение выборов; формирование организационно-технологической основы выборов; выдвижение и регистрация кандидатов, списков кандидатов; предвыборная агитация; голосование, установление его итогов, определение результатов выборов) и дополнительные (приостановление (перенос) выборов; дополнительное выдвижение кандидатов; повторное голосование) [1, с. 358–359]. Во-вторых, хронологические рамки не являются однозначным критерием отграничения стадий избирательного процесса друг от друга, поскольку вышеназванные стадии пересекаются между собой по времени, а также могут отличаться во времени для разных кандидатов (избирательных объединений) даже в ходе одних и тех же выборов.

Тем не менее общая концепция стадий (этапов) избирательного процесса состоит в том, что эти стадии развиваются в определенной последовательности, соответствующей логике избирательного процесса и установленной избирательным за-

конодательством, а результаты одной стадии определяют ход и особенности следующей за ней стадии [1, с. 356–358].

По отдельности стадии избирательного процесса изучены в российской науке конституционного права достаточно хорошо. Существенно менее изученными, но при этом не менее важными, представляются правовые нормы, регулирующие условия и порядок перехода избирательного процесса из одной стадии к другой. Примером такого правового регулирования является комплекс норм, устанавливающих, что если ко дню голосования в избирательном округе осталось менее двух зарегистрированных кандидатов, то голосование откладывается для дополнительного выдвижения кандидатов. Иными словами, осуществляется возврат к ранее пройденной стадии выдвижения и регистрации кандидатов¹. Другим примером является отказ в регистрации или отмена регистрации кандидата (списка кандидатов): в случае, если сроки для выдвижения кандидатов или списка кандидатов не истекли, возможно новое выдвижение кандидата или списка кандидатов, что в соответствующих обстоятельствах для кандидата (избирательного объединения) является возвратом к стадии выдвижения и регистрации кандидатов.

Правовые нормы, регулирующие условия и порядок перехода избирательного процесса из одной стадии к другой, эволюционировали в ходе смены «поколений» российского федерального избирательного законодательства (Федеральный закон от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» [2]; Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3]; Федеральный закон от 12 июня 2022 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избира-

¹ Как выше отмечалось, С.Д. Князев считает, что процедура дополнительного выдвижения и регистрации кандидатов образует дополнительную стадию избирательного процесса. Это вызывает возражения, поскольку такая точка зрения способствует ошибочному восприятию развития избирательного процесса как линейного от его начальных стадий к конечным. Между тем, если в период, отведенный для дополнительного выдвижения и регистрации кандидатов, кандидаты могут быть не выдвинуты либо могут быть выдвинуты, но вновь выбыть ко дню голосования, что приведет к повторному назначению времени для дополнительного выдвижения и регистрации кандидатов. Следовательно, в некоторых случаях стадии избирательного процесса сменяют друг друга не последовательно, а с возвратом к уже пройденным ранее.

тельных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4], – а также соответствующие им федеральные законы, регулирующие выборы Президента Российской Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации).

В результате изучения указанных законодательных актов следует сделать следующие наиболее важные выводы: 1) имеется тенденция не просто к конкретизации правовых предписаний, а именно ко все более полному урегулированию процедурной стороны избирательного процесса; 2) стадии избирательного процесса в современном избирательном законодательстве максимально подчеркнуты не только юридико-техническими средствами (структура закона, последовательность изложения нормативного материала), но и содержательно. Тем не менее правовое регулирование в этой части остается слабым местом российского законодательства, потому что множество вопросов законодательно не разрешено (например, случай восстановления регистрации кандидата (списка кандидатов) после ее отмены судом первой инстанции и вступления решения суда в законную силу: особенности процедуры распределения бесплатного и платного эфирного времени на радио и телевидении для целей предвыборной агитации не позволяют учесть интересы «дополнительного» кандидата (списка кандидатов); 3) законодательство теряет свойство «модульности», становится инструкцией, т.е. снижается значение системных взаимосвязей между правовыми нормами в пользу явных отсылок к конкретным правовым нормам.

Представляет интерес то, как эти тенденции выглядят на фоне законотворческой практики других государств в области избирательного права. В правильную ли сторону движется российский законодатель? Насколько модель стадийности избирательного процесса ценна, не является ли эта концепция избыточной? Ответ на эти вопросы представляется неоднозначным, но дающим определенную перспективу.

Для разрешения поставленных вопросов изучены акты избирательного законодательства о выборах более чем 40 государств Европы (как Западной, так и Восточной), Северной и Латинской Америки (США, Канада, Перу и др.), Ближнего Востока (Турция), Средней Азии (Казахстан, Туркменистан, Узбе-

кистан и др.), Центральной Азии (Монголия) [5]. В результате были сделаны следующие выводы:

1) в государствах, в которых избирательное законодательство представлено кодифицированными актами (Армения, Беларусь, Испания, Польша, Украина, Франция), для структуры законодательных актов характерно выделение общих положений и особенных (характерных для определенных видов выборов). В таких условиях выделение стадий находится в лучшем случае в подчиненном положении (Беларусь, Украина, Монголия);

2) в государствах, в которых отсутствуют кодифицированные акты о выборах, но имеются крупные законодательные акты, регулирующие избирательный процесс (Казахстан, Литва, Туркменистан, Турция, Узбекистан), в целом изложение правовых норм следует общепринятым стадиям избирательного процесса. При этом условиям и механизму возврата к предыдущим стадиям уделяется крайне мало внимания, если такие правовые нормы вообще можно обнаружить;

3) в остальных государствах, среди которых в качестве характерных и ярких примеров можно назвать США и Канаду, нормативный материал подан разрозненно: последовательность глав, разделов не подчиняется ни хронологической, ни стадийно-содержательной логике. Очевидно, какой-либо ценности в постадийном изложении правовых норм законодатель не видит. Соответственно, вне поля зрения законодателя находятся и вопросы перехода от одной стадии избирательного процесса к другой.

Давая оценку вышеизложенным результатам, естественно обратиться к поиску обуславливающих их возможных причинных комплексов. Между тем ни критерий относительной новизны законодательных актов (год их принятия), ни преобладающий в соответствующем государстве тип правопонимания, ни критерий условной «укорененности демократических традиций» в их западноевропейском истолковании не объясняют наблюдаемой картины. Таким образом, имеется необходимость более глубокого подхода к рассматриваемому анализу и целесообразно дальнейшее изучение предмета.

Можно с уверенностью утверждать, что на фоне избирательного законодательства большинства изученных государств в российском избирательном законодательстве поставлены и

удовлетворительно решены вопросы, которые не поставлены законодателями иных государств, ценой заметного усложнения структуры, повышения конкретизации и увеличения объема правового регулирования. В этом проявляется особенность российского подхода, влекущая как положительные, так и отрицательные последствия. Поскольку потенциал содержательного и юридико-технического развития российского избирательного законодательства еще далеко не исчерпан, имеется возможность его корректировки, усиливающей положительные стороны правового регулирования в рассмотренном аспекте с одновременным преодолением или, как минимум, неувеличением юридико-технических трудностей.

Список использованной литературы

1. Князев С.Д. Избирательное право в правовой системе Российской Федерации (Проблемы теории и практики) : Специальность 12.00.02 – конституционное право; государственное управление; административное право; муниципальное право : дис. ... д-ра юрид. наук / Князев Сергей Дмитриевич. – Владивосток, 1999. – 507 с.

2. Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации : Федер. закон от 6 дек. 1994 г. № 56-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 33. – Ст. 3406.

3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федер. закон от 19 сент. 1997 г. № 124-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 38. – Ст. 4339.

4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федер. закон от 12 июня 2022 г. № 67-ФЗ : (ред. от 28 дек. 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 24. – Ст. 2253.

5. OSCE/ODIHR database of legal reviews and legislation. – URL: <https://legislationline.org> (дата обращения: 15.03.2023).

Информация об авторе

Владимир Евгеньевич Подшивалов – директор Института правовых исследований Байкальского государственного уни-

верситета, кандидат юридических наук, член Избирательной комиссии Иркутской области с правом решающего голоса. E-mail: helgon@yandex.ru.

Author

Vladimir Evgenievich Podshivalov – Head of the Legal Research Institute of Baikal State University, Ph.D. in Law, Member of the Electoral Commission of Irkutsk region with a decisive vote. E-mail: helgon@yandex.ru.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫБОРОВ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

В статье проведен сравнительный анализ статей о выборах в конституциях стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Выделены два направления сравнительного анализа. Первое направление – это сравнение юридической техники изложения электоральных норм в текстах конституций. Второе направление – это сравнение количественных показателей по авторской методике расчета коэффициента заинтересованности законодателя (КЗЗ). Под коэффициентом заинтересованности законодателя понимается доля норм, регулирующих выборы, в общем количестве предписаний, содержащихся в тексте конституции. Расчет КЗЗ показал, что самую значительную долю – 17,1 % объема – образуют статьи о выборах в конституции Монголии. Обосновано, что сравнительный анализ конституционного регулирования электоральных отношений может быть произведен не только по содержанию, но и по форме, включая особенности юридической техники и количественные характеристики (КЗЗ).

Ключевые слова: выборы, избирательное право, конституция, конституционная регламентация выборов, коэффициент заинтересованности законодателя (КЗЗ).

I.V. Minnikes

CONSTITUTIONAL REGULATION OF ELECTIONS IN THE ASIAN-PACIFIC REGION COUNTRIES

The article provides a comparative analysis of electoral articles in the constitutions of the countries of East and Southeast Asia. Two directions of comparative analysis are highlighted. The first direction is a comparison of the legal technique of presenting electoral norms in the texts of constitutions. The second direction is a comparison of quantitative indicators according to the author's methodology for calculating the coefficient of legislator's interest (CLI). The coefficient of legislator's interest is understood as the share of norms regulating elections in the total number of prescriptions con-

tained in the text of the constitution. The calculation of the CLI showed that the most significant share – 17.1 % of the volume is occupied by articles on elections in the constitution of Mongolia. It is proved that a comparative analysis of the constitutional regulation of electoral relations can be carried out not only in terms of content, but also in form, including the features of legal technique and quantitative characteristics.

Key words: elections, electoral law, constitution, constitutional regulation of elections, coefficient of legislator's interest (CLI).

Конституция любого современного государства – это документ, в котором отражены важнейшие социально-экономические, политические и правовые достижения общества [1–5 и др.]. Особое место в конституции отводится правовому оформлению принципа народовластия в стране, регламентации форм народовластия, условий и гарантий его реализации.

В данном контексте характер и масштабность воплощения в конституционных статьях института выборов является важным показателем не только степени участия населения в формировании механизма государства, но и состояния гражданского общества в целом.

Конституция любой страны так или иначе регламентирует различные аспекты, относящиеся к избирательному праву. Сопоставление содержания конституционных норм о выборах представляет собой весьма перспективное направление работы, которое не только позволяет глубже изучить институт выборов конкретного государства, но и выявить особенности и общие черты конституционного регулирования выборов.

Однако не менее полезные данные можно извлечь с помощью компаративистского анализа не только содержания, но и внешней формы, а также количественных показателей конституционного регулирования выборов.

В силу ограниченности объема, в данной работе предметом исследования стали несколько конституций ряда стран Восточной и Юго-Восточной Азии, в основном, расположенные на материке. Все они в геополитическом контексте входят в Азиатско-Тихоокеанский регион, хотя географически некоторые страны не имеют морских границ. Территориальные границы исследования включают Вьетнам, Камбоджу, Китай, Республи-

ку Корея, Корейскую Народно-Демократическую Республику, Лаос, Монголию, Таиланд и Японию.

Страны, выбранные для исследования, существенно различаются и по уровню развития, и по форме правления, и по политико-правовому режиму. Поэтому в конституции каждого государства можно найти как сходство правового регулирования института выборов, так и ряд особенностей, отличающих ее юридико-технический подход.

В частности, в большинстве конституций нормы о выборах рассредоточены по всему тексту основного закона.

Как правило, статьи, посвященные выборам, можно обнаружить при изложении порядка формирования органов власти, как центральных так и местных. При этом степень детализации конституционных предписаний о выборах различна. Например, ст. 89 Конституции КНДР разъясняет, что Верховное народное собрание состоит из депутатов, избранных на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании; ст. 66 Конституции Лаоса предписывает избрание Президента Национальным Советом большинством свыше двух третей голосов всех членов Совета, присутствующих на заседании; и, в противоположность двум первым, совсем краткая справка ст. 47 Конституции Японии, говорящая, что вопросы об избирательных округах, способах голосования и иных, относящихся к выборам обеих палат парламента (проблемах, регламентируются законом).

Кроме того, в конституциях всегда отмечается избирательное право гражданина данного государства как часть его правового статуса (например, ст. 34 Конституции КНР, провозгласившая, что все граждане Китайской Народной Республики, достигшие 18 лет, независимо от национальной и расовой принадлежности, пола, рода занятий, социального происхождения, вероисповедания, образования, имущественного положения и оседлости, имеют право избирать и быть избранными; п. 9 ст. 16 Конституции Монголии, установившей право граждан избирать и быть избранными в государственные органы; при этом правом избирать можно пользоваться по достижении 18 лет, тогда как возрастной ценз для пассивного избирательного права избрания в государственные органы устанавливается законом в соответствии с требованиями, предъявляемыми к соответствующим органам или должностям; в то же время Консти-

туция республики Корея в ст. 24 коротко констатирует, что все граждане должны иметь право голоса на условиях, предусмотренных законом).

Существует и ряд иных направлений конституционно-правового регулирования, которые так или иначе связаны со сферой электоральных отношений, в частности, назначение выборов как прерогатива определенного государственного органа (например, согласно ст. 25 Конституции Монголии, назначение и объявление даты выборов Президента и Парламента входит в компетенцию Национального Собрания); выборы как элемент соответствующего режима (примером может служить ст. 10 Конституции Камбоджи о выборной монархии в стране); обязанности избранных по отношению к электорату и т.п.

В большинстве конституций статьи, регламентирующие различные аспекты института выборов, не систематизированы в один раздел. Правда, в Конституции Республики Корея наличествует специальная глава VII, названная «Управление выборами». Но основное содержание главы составляют статьи об избирательных комиссиях. Аналогичное содержание имеют глава XII Конституции Лаоса и ч. 2 главы XII Конституции Таиланда. В Конституции Вьетнама в специальной главе также выделен Национальный избирательный совет, правда, он не единственный предмет внимания данной главы, а соседствует с аудиторской службой.

В Конституции Таиланда, помимо этого, можно выделить некоторые технико-юридические особенности регулирования электоральных отношений.

Речь идет о том, что данная конституция регламентирует выборы посредством статей, сформированных в компактные группы. Так, если рассматривать предмет регулирования ст. 83-ст. 105, практически все они, за исключением ст. 101, относятся к сфере электоральных отношений. Следующий, хотя и не столь объемный массив электоральных статей, начинается со ст. 222 и до ст. 227. Лишь несколько конституционных статей, относящихся к выборам, не включены в группы, например, ст. 50, 130, 252. Такая юридическая техника свойственна только Конституции данного государства.

Еще один аспект сравнительного анализа конституций стран исследуемого региона – это выявление степени интереса законодателя к вопросам выборов.

Имеется в виду вычисление критерия, названного «Коэффициентом заинтересованности законодателя» (далее по тексту – КЗЗ). Авторская методика сравнительного анализа посредством математических расчетов заключается в вычислении доли статей, посвященных выборам, в общем количестве статей конституции того или иного государства.

В математическом формате это выглядит следующим образом: количество статей о выборах нужно разделить на общее количество статей в конкретной конституции и полученный результат выразить в процентах.

Методику вычисления КЗЗ можно иллюстрировать конкретным примером.

Конституция Монголии насчитывает 70 статей. Из них полностью или частично посвящено выборам 12 статей – ст. 3,16, 21, 22, 24, 25 и др. Чтобы вычислить, какую долю в тексте акта составляют статьи, связанные с выборами, можно произвести расчет: $12 : 70 \cdot 100 \% = 17,14 \%$.

Таким образом, КЗЗ по статьям о выборах в Конституции Монголии составляет чуть больше 17 %, т.е. именно такая доля статей о выборах наличествует в данном документе.

Руководствуясь данной методикой, можно продолжить расчеты по конституциям других стран, включенных в сферу данного исследования, оговорив лишь особо тот момент, что к числу статей о выборах в данной работе будут отнесены нормы касательно не только прямых, но и непрямых выборов.

Следующий расчет определяет КЗЗ на основании статей Конституции Вьетнама: из 120 статей к выборам полностью или частично имеют отношение 14. Вычисляем КЗЗ: $14 : 120 \cdot 100 \% = 11,67 \%$. Как явствует из расчета, в этой Конституции выборам уделено меньше внимания.

Произведенные выше и дальнейшие расчеты для удобства сравнения можно представить в виде таблицы.

№	Страна	Общее количество статей в Конституции	Количество статей о выборах	КЗЗ, %
1	Вьетнам	120	14	11,7
2	Камбоджа	165	16	9,7
3	КНР	143	17	11,9
4	КНДР	172	15	8,7

№	Страна	Общее количество статей в Конституции	Количество статей о выборах	КЗЗ, %
5	Республика Корея	136	13	9,6
6	Лаос	119	10	8,4
7	Монголия	70	12	17,1
8	Таиланд	279	37	13,3
9	Япония	103	9	8,7

Результаты, представленные в таблице, с очевидностью свидетельствуют о том, что простое сравнение количества статей о выборах в конституциях разных стран не может служить основанием для выводов. Так, самое большое количество статей о выборах отмечено в Конституции Таиланда. Однако и по объему эта Конституция значительно превышает другие, поэтому делать однозначный вывод, что именно в ней проявляется максимальная степень интереса законодателя к конституционному регулированию выборов, некорректно. Количество статей о выборах в монгольской Конституции не самое большое, но именно в этом акте выявлена самая значительная доля текста, так или иначе связанная с электоральной сферой отношений, что говорит о высокой степени заинтересованности законодателя в вопросах, связанных с выборами.

Таким образом, можно заключить, что сравнительный анализ конституционного регулирования электоральных отношений в контексте использованной юридической техники и количественных характеристик (КЗЗ) может быть столь же информативным, как и сопоставление содержания статей конституций.

Список использованной литературы

1. Авакьян С.А. Конституционно-правовые реформы: объективные и субъективные факторы / С.А. Авакьян // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 1 (56). – С. 142–148.

2. Батулин Ю.М. Конституция как ресурс стабильности государства: сохраняется ли потенциал Конституции России 1993 г. / Ю.М. Батулин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 2 (123). – С. 104–115.

3. Лафитский В.И. Памятники конституционного творчества: от первых Конституций до Конституции Российской Федерации 1993 г. / В.И. Лафитский // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – № 3 (40). – С. 372–392.

4. Чиркин В.Е. Ценность российской Конституции (к 20-летию Конституции Российской Федерации) / В.Е. Чиркин // Вопросы правоведения. – 2013. – № 3 (19). – С. 12–31.

5. Юрковский А.В. Конституционно-правовое измерение механизма государственной власти в научных доктринах России и стран Северо-Восточной Азии / А.В. Юрковский. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2021. – 367 с.

Информация об авторе

Ирина Викторовна Минникес – главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: ivminnikes@mail.ru.

Author

Irina Viktorovna Minnikes – Chief Researcher, Institute of Legal Research of Baikal State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: ivminnikes@mail.ru.

**ИЗМЕРЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
В СТРАНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ МЕТОДАМИ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЭСТОЛОГИИ**

В предложенном научном исследовании рассматриваются закономерности формирования, развития и модернизации механизмов правового регулирования и государственной власти в государствах Северо-Восточной Азии, способы их измерения и описания. Выстраиваются гипотезы проявления интересов политических акторов в действующем конституционном праве государств Северо-Восточной Азии, осмысливаются эстологические параметры и критерии формирования национальных механизмов правового регулирования и механизмов государственной власти. В предлагаемых эмпирических материалах фигурируют данные, способные аргументировать наличие закономерностей формирования и функционирования соответствующих исследуемых механизмов, формы их взаимодействия. Предлагаемые аргументы выстраиваются в результате применения новейшей авторской методики и технологии исследования (эстологический анализ механизма конституционно-правового регулирования и механизма государственной власти). При проведении аргументации в подтверждение высказываемых гипотез приводятся аутентичные документы (источники права, акты толкования права, акты реализации и применения права КНР, КНДР, Японии, Монголии, Республики Корея). Применяется выборочный подход к поиску и подтверждению связей системного либо структурного характера, которые подтверждают связь субъективных политических интересов участников общественных отношений, интегрированных в материю позитивного конституционного права КНР, КНДР, Японии, Монголии, Республики Корея. Интересы в конституционном праве КНР, КНДР, Японии, Монголии, Республики Корея выделяются по таким ключевым параметрам, как субъекты их обладания и объекты их направленности. Одновременно познанию подвергаются закономерности существования интересов конституционного права как социального феномена и

интересов конституционно-правового регулирования в КНР, КНДР, Японии, Монголии, Республики Корея, которые имманентно связаны с формированием и функционированием механизмов правового регулирования и государственной власти в соответствующих странах. Эстологическое исследование затрагивает формы и содержания конституционного права КНР, КНДР, Японии, Монголии, Республики Корея, его юридико-технических особенностей. В результате проведенного исследования обнаруживается присутствие феноменологии интересов конституционно-правового и общеправового регулирования. Подтверждается гипотеза о том, что интересы правового регулирования отличаются от политических интересов субъектов конституционного права. Признаки интересов в механизмах правового регулирования и государственной власти в КНР, КНДР, Японии, Монголии, Республики Корея соответствуют основным признакам позитивного права и признакам механизма государственной власти КНР, КНДР, Японии, Монголии, Республики Корея. Взаимосвязи конституционных ценностей и антиценностей, фиксируемые в материи конституционного права КНР, КНДР, Японии, Монголии, Республики Корея, друг с другом позволяют рассматривать определять интересы позитивного конституционного права, правовые особенности развития политических систем КНР, КНДР, Японии, Монголии, Республики Корея, механизма государственной власти и объективные характерные признаки механизма и процесса правового регулирования в рассматриваемом государстве. При проведении эстологического анализа обнаруживается присутствие феноменологии интересов конституционно-правового и правового регулирования, соответствующих признакам позитивного права и механизма государственной власти.

Ключевые слова: эстология, эстологическое исследование, методология исследования, механизм государственной власти, механизм правового регулирования, правовое регулирование, политическая система, ценность, интерес, субъект конституционно-правовых отношений, объекты интересов конституционно-правового регулирования, КНР, КНДР, Япония, Монголия, Республика Корея.

**MEASURING THE MECHANISMS OF LEGAL
REGULATION AND STATE AUTHORITY
IN THE COUNTRIES OF NORTH-EAST ASIA
BY THE METHODS OF CONSTITUTIONAL
AND LEGAL ESTOLOGY**

The proposed scientific study examines the patterns of formation, development and modernization of the mechanisms of legal regulation and state power in the states of Northeast Asia, ways to measure and describe them. Hypotheses are built for the manifestation of the interests of political actors in the current constitutional law of the states of Northeast Asia, estological parameters and criteria for the formation of national mechanisms of legal regulation and mechanisms of state power are comprehended. The proposed empirical materials include data that can argue for the existence of regularities in the formation and functioning of the relevant mechanisms under study, the forms of their interaction. The proposed arguments are built as a result of applying the latest author's methodology and research technology (estological analysis of the mechanism of constitutional and legal regulation and the mechanism of state power). When conducting arguments in support of the stated hypotheses, authentic documents are cited (sources of law, acts of interpretation of law, acts of implementation and application of the law of the PRC, the DPRK, Japan, Mongolia, the Republic of Korea). A selective approach is used to search for and confirm links of a systemic or structural nature that confirm the connection of the subjective political interests of participants in public relations integrated into the matter of the positive constitutional law of the PRC, the DPRK, Japan, Mongolia, the Republic of Korea. Interests in the constitutional law of the PRC, the DPRK, Japan, Mongolia, the Republic of Korea are distinguished by such key parameters as the subjects of their possession and the objects of their orientation. At the same time, the regularities of the existence of the interests of constitutional law as a social phenomenon and the interests of constitutional and legal regulation in the PRC, the DPRK, Japan, Mongolia, the Republic of Korea, which are immanently connected with the formation and functioning of the mechanisms of legal regulation and state power in the respective countries, are subjected to

knowledge. The estological study touches upon the forms and content of the constitutional law of the People's Republic of China, the Democratic People's Republic of Korea, Japan, Mongolia, the Republic of Korea, its legal and technical features. As a result of the study, the presence of the phenomenology of the interests of constitutional and legal and general legal regulation is revealed. The hypothesis is confirmed. that the interests of legal regulation differ from the political interests of subjects of constitutional law. Signs of interests in the mechanisms of legal regulation and state power in China, North Korea, Japan, Mongolia, the Republic of Korea correspond to the main signs of positive law and the signs of the mechanism of state power in China, North Korea, Japan, Mongolia, and the Republic of Korea. The relationship of constitutional values and anti-values, fixed in the matter of the constitutional law of the PRC, the DPRK, Japan, Mongolia, the Republic of Korea with each other, allows us to consider determining the interests of positive constitutional law, the legal features of the development of the political systems of the PRC, the DPRK, Japan, Mongolia, the Republic of Korea, the mechanism of state authorities and objective characteristic features of the mechanism and process of legal regulation in the state in question. When conducting an estological analysis, the presence of a phenomenology of the interests of constitutional legal and legal regulation, corresponding to the signs of positive law and the mechanism of state power, is revealed.

Key words: estology, estological research, research methodology, mechanism of state power, mechanism of legal regulation, legal regulation, political system, value, interest, subject of constitutional and legal relations, objects of interests of constitutional and legal regulation, China, North Korea, Japan, Mongolia, Republic of Korea.

Механизм позитивно-правового регулирования и механизм государственной власти являясь сложными фактами объективной реальности, в своей основе представляют собой совокупность волевых актов, так или иначе связанных с формированием, интерпретацией, реализацией и применением правовых предписаний.

По нашему мнению, драйверами для формирования как механизма правового регулирования, так и для механизма государственной власти являются два вида особых обстоятельств, – это интересы доминирующих в социальной системе от-

дельных групп участников общественных отношений и интересы самих механизмом правового регулирования и государственной власти.

Интересы участников общественных отношений детерминируют потребности установления определенного порядка, тогда как интересы механизмов правового регулирования и государственной власти направлены на его стабилизацию, обеспечение и поддержание.

Полагаем, что механизм правового регулирования в любом государстве является нормативной частью, а механизм государственной власти организационно-управленческой частью его социальной системы.

Для верификации высказанной гипотезы был создан и многократно апробирован научный инструмент, который интегрирован в методологию научного познания и рассматривается нами как составная часть аксиологического инструментария – конституционно-правовая эстология [1–3].

Сформированный научный метод использовался для выявления субъективных политических интересов, регламентируемых в материи источников позитивного конституционного права государств Северо-Восточной Азии (КНР, КНДР, Японии, Монголии, Республики Корея), последующего их проявления в актах официального и доктринального толкования источников права, в актах реализации и применения права (которые, по нашему мнению, являются основой правового государственного управления).

Полагаем возможным представить, выявленные в процессе проведенного эстологического исследования данные, полученные из эмпирических материалов (источников права, социологических баз данных, научных публикаций применительно к измерению механизмов правового регулирования и государственной власти КНР, КНДР, Японии, Монголии, Республики Корея).

1. Основой, первичным элементом механизмов правового регулирования и государственной власти является человек, обладающий интересами, его воля сознание, система его ценностей и жизненных ориентиров.

Полагаем необходимым сопоставить количественные характеристики населения рассматриваемых стран с количественными характеристиками их управленческих структур,

опираясь на данные интернет портала Countrymeters, отслеживающего динамику изменения численности населения и иных демографических и социальных процессов в любой из стран мира и использующего статистические данные Отдела народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН.

На данный момент количество народонаселения в КНР составляет 1 460 694 772. Китай занимает первое место в мире по количеству народонаселения, что составляет 18,10 % от общего количества населения планеты (25.03.2023). Официальная статистика численности государственного аппарата КНР, согласно Статистического бюллетеня развития трудовых ресурсов и социального обеспечения Китайской Народной Республики, составляет 7,167 млн [5], один государственный служащий обслуживает более 200 граждан страны. Численность вооруженных сил Китая, напрямую не интегрированных в структуру государственного аппарата, составляет [6, с. 255]. В военное время теоретически (без учета ограничений по материальному обеспечению) может быть мобилизовано до 750 млн человек [7].

Народонаселение КНДР составляет 26 165 096 (по данным на 25.03.2023), это 0,32 % от общего количества населения планеты [4]. Официальная статистика численности государственного аппарата КНДР отсутствует. Численность вооруженных сил Китая, напрямую не интегрированных в структуру государственного аппарата, составляет 1 280 000. В военное время может быть мобилизовано 7 769 000 [6, с. 255].

Народонаселение Республики Корея составляет 52 054 733 (по данным на 25.03.2023), это 0,64 % от общего количества населения планеты [4]. Официальная статистика численности государственного аппарата Республики Корея – 829,8 тыс. человек [8, с. 76]. Численность вооруженных сил Республики Корея, напрямую интегрированных в структуру государственного аппарата, составляет 555 000. В военное время может быть мобилизовано 6 668 500 [6, с. 283].

Народонаселение Японии составляет 126 184 160 (по данным на 25.03.2023), это 1,56 % от общего количества населения планеты [4]. Всего в Японии насчитывается около 584 тыс. госслужащих [9]. Численность сил самообороны Японии, напрямую интегрированных в структуру государственного аппарата,

составляет 247 150. В военное время может быть мобилизовано 317 400 [6, с. 276].

Народонаселение Монголии составляет 3 438 496 (по данным на 25.03.2023), это 0,04 % от общего количества населения планеты [4]. Официальная статистика численности государственного аппарата составляет 41 685 [10]. Численность вооруженных сил Монголии, напрямую интегрированных в структуру государственного аппарата, составляет 9 700. В военное время может быть мобилизовано [6, с. 291].

2. Интересы участников общественных отношений изначально интегрируются в политическую сферу и образуют политический элемент социальной системы который выражается в зависимости установления и реализации мер конституционно-правового и последующего правового регулирования, а также в особенностях формирования и функционирования механизма государственной власти, который, по нашему мнению, прямо пропорционален от политической конъюнктуры и сформировавшихся в государстве политических традиций и обычаев.

3. Во всех странах Северо-Восточной Азии сформировались, существуют как объективное социальное явление и развиваются национальные системы права. В каждом государстве сформировались и модернизируются индивидуальные содержательные особенности политических и правовых систем. Несмотря на то, что представляется возможным говорить об одинаковых для всех государств общесоциальных ценностях права в политической, экономической, духовной, культурной и других сферах человеческой жизнедеятельности, с ранних стадий возникновения права в таких государствах как КНР, Япония, Республика Корея, КНДР и Монголия объективировалась роль права как нормативно-классового регулятора, как инструмента регулирования общественных отношений экономически господствующего класса или всего общества.

Выводы

Взаимодействие механизмов правового регулирования и государственной власти является сложнейшей социальной феноменологией, которая, в свою очередь, представляет собой совокупность сложносоставных факторов, объединившихся в единое целое, создающих динамику социальных процессов, их тенденции и формирующих в результате упорядоченной социальной динамики особое социальное, упорядоченное целое ко-

торое начинает зависеть от применения механизированных процессов управления.

Механизированные процессы регулирования и управления начинают обретать собственные, обусловленной спецификой взаимодействия элементов и этапов функционирования соответствующих механизмов, интересы, которые в свою очередь, влияют на интересы включенных в рассматриваемые механизмы отдельных индивидов, их социальные общности, объединенные разнообразными связями и взаимоотношениями.

Список использованной литературы

1. Юрковский А.В. Конституционно-правовое измерение механизма государственной власти в научных доктринах России и стран Северо-Восточной Азии : монография / А.В. Юрковский. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации, 2021. – 367 с.

2. Юрковский А.В. Конституционно-правовая эстология: исследование интересов в конституционном праве и интересов конституционно-правового регулирования методами конституционно-правовой аксиологии / А.В. Юрковский // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 1 (80). – С. 43–51.

3. Юрковский А.В. Конституционно-правовая карта Северо-Восточной Азии: эстолого-аксиологический анализ: монография / А.В. Юрковский. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации, 2018. – 171 с.

4. Демография Азии, 2020. – URL: <https://countrysimeters.info/en/Asia> (дата обращения: 25.03.2023).

5. Общее количество госслужащих в Китае сокращается последние два года. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0602/c31521-9067129.html>.

6. The Military Balance 1990–1991 (англ.) / International Institute for Strategic Studies. – L. : Elsevier Science & Technology Books, 1990.

7. Вся китайская рать. Из чего состоит армия Поднебесной и кому стоит ее опасаться // Коммерсантъ. – 2019. – 23 июля.

8. Булычев Г.Б. Политические системы государств Корейского полуострова / Г.Б. Булычев. – Москва, 2002.

9. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5596594>.

10. Албан тушаалтнуудын хом-ийг хоёрдугаар улиралд багтаан нийтэд мэдээлнэ. – URL: https://atime-mn.translate.google.com/view/article/?page=show&id=3083&c=2&_x_tr_sl=mn&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc.

Информация об авторе

Алексей Владимирович Юрковский – Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: avyurkovsky@mail.ru. ORCID: 0000-0002-0926-8965.

Author

Alexey Vladimirovich Yurkovskiy – Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. E-mail: avyurkovsky@mail.ru. ORCID: 0000-0002-0926-8965.

МЕХАНИЗМ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: ПОИСК КОНЦЕПЦИИ

Автор рассматривает различные концепции, с позиции которых возможно исследовать механизм конституционного правоприменения. Отмечается, что на сегодняшний день механизм конституционного правоприменения остается малоизученным в силу его сложности, противоречивости и неоднозначности. Анализируются различные подходы к конструированию рассматриваемого механизма как с теоретических позиций, так и с позиции теории конституционного права. Определяются недостатки каждой концепции, которые не позволяют говорить об объективности представленного подхода. Приводится общетеоретическое понятие конституционного правоприменения, в соответствии с которым данная деятельность рассматривается как опосредованная форма реализации конституционно-правовых норм. Делается вывод о том, что конституционное правоприменение имеет сложную структуру и не всегда может рассматриваться как теоретико-правовой механизм правоприменения в целом. Определяются дальнейшие пути исследования конституционного правоприменения.

Ключевые слова: реализация конституционных норм, конституционные обычаи, конституционные договоры, механизм правоприменения, конституционное правоприменение.

A.G. Samusevich

THE MECHANISM OF CONSTITUTIONAL LAW ENFORCEMENT: THE SEARCH FOR A CONCEPT

The author examines various concepts from which it is possible to investigate the mechanism of constitutional law enforcement. It is noted that today the mechanism of constitutional law enforcement remains poorly understood due to its complexity, inconsistency and ambiguity. Various approaches to the construction of the mechanism under consideration are analyzed, both from theoretical

positions and from the position of the theory of constitutional law. The disadvantages of each concept are determined, which do not allow us to speak about the objectivity of the presented approach. The general theoretical concept of constitutional law enforcement is given, according to which this activity is considered as an indirect form of implementation of constitutional and legal norms. It is concluded that constitutional law enforcement has a complex structure and cannot always be considered as a theoretical and legal mechanism of law enforcement in general. Further ways of studying constitutional law enforcement are determined.

Key words: implementation of constitutional norms, constitutional customs, constitutional treaties, mechanism of law enforcement, constitutional law enforcement.

В современной науке теории права сложилось устойчивое понимание того, что правоприменение выступает одной из форм государственного руководства обществом и способно оказать влияние на развитие конкретных общественных отношений в соответствии с закономерностями его развития [3, с. 407]. С уверенностью можно сказать, что и конституционное правоприменение также является важнейшей деятельностью в механизме развития конституционно-правовых отношений, а также становления государственности и конституционализма в России.

Как видится, правоприменение способствует и укреплению законности в государстве. В этой связи можно обратить внимание и на мнение зарубежных ученых, отмечающих, что режим конституционной законности – это «реально функционирующая система конституционализма, сложное явление, которое заключается в строгом соблюдении Конституции и ее положений в ходе ее непосредственного действия и правоприменения всеми органами государственной власти, общественными организациями, должностными лицами всех уровней и гражданами, судами и является неотъемлемой чертой конституционный строй как неотъемлемый компонент законности, благодаря которому полностью реализуется принцип законности в демократическом государстве, управляемом верховенством закона, и повышается стабильность законодательства (чего, к сожалению, не хватает странам с переходной экономикой)» [8, с. 978].

Тем не менее, исходя из заявленной темы, стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день механизм конституционного правоприменения остается малоизученным в силу его сложности, противоречивости и неоднозначности. Так, можно отметить, что до сих пор не определено само понятие данного механизма, а также его конструктивные элементы, которые характеризуют конституционное правоприменение в динамике.

Проблема состоит в том, что в науке конституционного права данный вид деятельности рассматривается немного в ином аспекте, нежели в теории права. Например, среди ученых закрепилось устойчивое мнение о том, что применение Конституции Российской Федерации означает, что органы государственной власти в своей деятельности руководствуются ее положениями. Соответственно конституционные положения являются первичными, т.е. определяют содержание иных правовых предписаний при их реализации независимо от уровня конкретизации, а также правоприменительную деятельность органов судебной, исполнительной и законодательной власти (см., напр.: [7, с. 40]).

В целом, как и было сказано ранее, само понятие «конституционное правоприменение» редко встречается на страницах как отечественной, так и зарубежной литературы. Справедливости ради стоит сказать, что и зарубежные авторы практически не прибегают к данному термину при характеристике процесса применения конституционных норм.

Исходя из сказанного, вполне возможно вести речь о самостоятельной форме реализации конституционных норм в виде конституционного правоприменения. Однако стоит оговориться, что первоначально необходимо определиться с концепцией, которая отвечала бы современному пониманию рассматриваемой правовой категории. В связи с этим представляется возможным кратко определить некоторые концепции понимания механизма конституционного правоприменения.

Итак, первая концепция заключается в отождествлении механизма конституционного правоприменения с общетеоретической конструкцией механизма правоприменения. Сам механизм правоприменения в этой связи можно представить как систему взаимодействующих структурных элементов, посредством которых обеспечивается динамика процесса воплощения в жизнь предписаний конституционно-правовых норм в форме

конституционного правоприменения. В свою очередь, недостатком данной концепции является тот факт, что не все структурные элементы применимы к механизму конституционного правоприменения. Например, существует особая проблема персонификации субъектов конституционного правоприменения. Так, на первый взгляд, логичным выглядит та концепция, в соответствии с которой основным субъектом конституционного правоприменения является только Конституционный Суд Российской Федерации. Анализ юридической литературы показывает, что из некоторых суждений ученых вытекает определенный вывод о том, что субъектом конституционного правоприменения является именно Конституционный Суд Российской Федерации [4, с. 5].

Однако не все авторы разделяют такое направление и не безосновательно говорят о том, что деятельность Конституционного Суда РФ в «чистом» виде не является правоприменительной. Отсюда Конституционный Суд Российской Федерации – властный, компетентный орган, рассматривающий и разрешающий юридические дела и выносящий решения на основе и во исполнение законодательства, во главе которого стоит Конституция Российской Федерации. В какой-то мере Конституционный Суд Российской Федерации применяет нормы Конституции Российской Федерации для разрешения споров... [2, с. 27].

Другие же ученые говорят о судах общей юрисдикции, как об основных субъектах этого процесса [1, с. 44], но при этом не исключают и участие иных компетентных органов. Действительно, в качестве субъектов выступают многие органы государственной власти, а также при некоторых обстоятельствах и народ России [5, с. 12–14].

Далее можно выделить вторую концепцию, которая заключается в том, что конституционное правоприменение рассматривается как опосредованная форма реализации конституционно-правовых норм. Ранее мы уже говорили о том, что в какой-то мере конституционное правоприменение может быть представлено как особая организационная деятельность компетентных органов государства, обладающих властными полномочиями, в сфере реализации конституционно-правовых норм с целью претворения их в жизнь по конкретному жизнен-

ному случаю, установленных Конституцией Российской Федерации [6, с. 96].

Как видится, в представленной концепции также имеются некоторые недостатки в понимании и практической реализации. Проблема в том, что в настоящее время Конституция РФ содержит как формальные, так и фактические нормы, что затрудняет представление об их реализации в теоретическом понимании. Не все нормы реализуются в форме применения или вообще не реализуются на практике. Например, можно говорить о том, что отказ от применения той или иной нормы тоже является специфической деятельностью применения конституционных норм.

Наконец, третья концепция заключается в том, что в процессе конституционного правоприменения применяются не только статьи Конституции Российской Федерации, а все источники конституционного права, среди которых, и конституционные обычаи и конституционные договоры и другие нормативные акты, обеспечивающие развитие конституционно-правовых отношений.

Кроме того, в определении сущности и структуры механизма конституционного правоприменения необходимо определиться и с такими понятиями, как «прямое действие конституции», «толкование конституционных норм», «интерпретация конституционных норм» и др. Это позволит определить не только их роль и место в представленном механизме, а также решит вопросы взаимодействия и соотношения с конституционным правоприменением в целом. Так, можно предположить, что интерпретация конституционных норм в какой-то мере может являться формой конституционного правоприменения. Вышесказанное также может быть представлено в виде отдельной концепции понимания конституционного правоприменения.

Представленные концепции имеют, как положительные аспекты в определении механизма конституционного правоприменения, так и некоторые недостатки, которые необходимо исследовать и устранять путем междисциплинарного подхода.

Как представляется, пытаться сопоставлять только теоретическую концепцию правоприменения с конституционным правоприменением преждевременно. Конституционное правоприменение является еще более сложной правовой категорией, чем правоприменительная деятельность в целом в виду специ-

фичности применяемых норм, а также особенностью субъектов такого правоприменения и выносимых решений.

Полагаем, что все вышесказанное требует нового современного подхода к пониманию механизма конституционного правоприменения с учетом накопленных ранее знаний и концепций. Отсюда вытекает и исследовательский интерес автора в поиске оптимальной концепции понимания конституционного правоприменения.

Список использованной литературы

1. Авакьян С.А. Конституционное правоприменение: некоторые проблемы теории и практики / С.А. Авакьян // Юридический вестник ДГУ. – 2018. – Т. 28, № 4. – С. 43–48.

2. Ильиных А.В. Применение норм Конституции Российской Федерации в спорах о статусе политических партий / А.В. Ильиных, В.Е. Морозов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2018. – № 4. – С. 26–37.

3. Комаров С.А. Общая теория государства и права : учебник / С.А. Комаров. – Санкт-Петербург : Изд-во Юрид. ин-та, 2012. – 608 с.

4. Мурашко Л.О. Конституционное правоприменение и его ценностная составляющая / Л.О. Мурашко // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 3 (28). – С. 4–8.

5. Никитин Р.С. Понятие и признаки конституционного правоприменения / Р.С. Никитин // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 12–14.

6. Самусевич А.Г. К вопросу о понимании и сущности конституционного правоприменения / А.Г. Самусевич, В.Н. Шутова // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 84–98.

7. Умнова (Конюхова) И.А. Об условиях и основаниях применения норм конституции российской федерации конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации / И.А. Умнова (Конюхова), И.А. Алешкова // Российское правосудие. – 2015. – № 11 (115). – С. 39–49.

8. Constitutional legality as a legal regime for the exercise of state power in countries in transition democracies (post-soviet states) / B.V. Kalynovskyi, K.Y. Sokh, O.V. Kulchytska, P.O. Kolomiitsev // Astra Salvensis. – 2022. – № 1. – P. 97–114.

Информация об авторе

Алексей Геннадьевич Самусевич – доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: samusevich79@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-0845-1343.

Author

Alexey Gennadievich Samusevich – Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: samusevich79@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-0845-1343.

**ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА:
ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ***

В статье анализируется применимость идей поведенческой экономики к исследованию традиционной проблематики отечественной теории права. Одна из явных «точек пересечения» связана с понятием правомерного поведения и существующей в отечественной теории права традицией анализа его мотивов. Деление правомерного поведения на социально активное, привычное, конформистское и маргинальное в контексте поведенческих исследований приобретает новое звучание, так как в фокусе оказываются не только правовые нормы, но и весь комплекс психологических факторов, побуждающих человека соблюдать нормы социальные и экономические. Предложенное поведенческими науками деление норм на социальные и рыночные (Д. Ариэли) позволяет объяснить сложности в решении ряда проблем правового регулирования (например, противодействие коррупции) и спрогнозировать эффективность разрабатываемых правовых норм с учетом понимания психологических механизмов человеческого поведения.

Ключевые слова: поведенческие идеи, правомерное поведение, социальные нормы, этические нормы, коррупция.

M.L. Davydova

**BEHAVIORAL ECONOMICS
AND RUSSIAN THEORY OF LAW:
INTERSECTION POINTS****

The article analyzes the applicability of the ideas of behavioral economics to the study of traditional problems of Russian legal theory. One of the obvious «points of intersection» is connected with the concept of lawful behavior and the tradition of analyzing its mo-

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00484>.

** The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 21-18-00484. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00484>.

tives existing in the domestic theory of law. The division of lawful behavior into socially active, habitual, conformist and marginal in the context of behavioral research acquires a new meaning. The focus is not only on legal norms, but also on the whole complex of psychological factors that encourage a person to comply with social and economic norms. The division of norms into social and market norms proposed by the behavioral sciences makes it possible to explain the difficulties in solving a number of problems of legal regulation (for example, combating corruption) and to predict the effectiveness of the developed legal norms, taking into account the understanding of the psychological mechanisms of human behavior.

Key words: behavioral insights, lawful behavior, social norms, ethical norms, corruption.

Разработка проблем поведенческой экономики началась 80-х гг. XX в. [4; 6], когда исследователи обратили внимание на вопросы рационального экономического выбора и факторы, ему препятствующие (мотивацию и когнитивные способности индивида, устойчивые поведенческие реакции, влияние социальной группы, ограниченность информации, типичные для человеческого мышления ошибки и т.п.). Для анализа этих факторов используются выводы поведенческих и социальных наук, включая теорию принятия решений, психологию, когнитивные науки, неврологию, теорию организационного и группового поведения [5]. Поведенческие идеи позволяют выстроить архитектуру выбора таким образом, чтобы повысить вероятность принятия наиболее рациональных и выгодных для самого индивида решений. Концепция либертарианского патернализма (Р. Талер, К. Санстейн [3]) исходит из того, что обязанность обеспечить условия для такого выбора должна лежать на государстве. Роль последнего заключается в том, чтобы, не ограничивая свободу людей, не навязывая им те или иные варианты поведения, подтолкнуть их к правильному (наиболее полезному для них самих) выбору.

Несмотря на то, что множество конкретных политических решений в разных странах принимается под влиянием поведенческих идей [5], остается нерешенным вопрос о правомерности включения их в поле зрения юридической науки. Не размывается ли предмет юриспруденции в случае, когда внимание переключается с анализа мотивов соблюде-

ния/нарушения правовых норм (как это принято в отечественной теории правомерного поведения [2]) на более широкий контекст норм социальных и экономических?

Одна из явных «точек пересечения» рассматриваемых подходов связана с понятием правомерного поведения и существующей в отечественной теории права традицией анализа его мотивов. Деление правомерного поведения на социально активное, привычное, конформистское и маргинальное [2] в контексте поведенческих исследований приобретает новое звучание, так как в фокусе оказываются не только правовые нормы, но и весь комплекс психологических факторов, побуждающих человека соблюдать нормы социальные и экономические.

Известно, что большинство людей принадлежат привычному и конформистскому типам (точнее, в большинстве случаев люди ведут себя в соответствии с этими типами поведения, так как в разных жизненных ситуациях один и тот же человек может руководствоваться различными мотивами), что полностью согласуется с идеей поведенческих наук об автоматической и рефлексивной системах мышления [3]. Под воздействием автоматической системы мышления мы часто выбираем либо ранее апробированный (привычный) вариант поведения, либо ориентируемся на окружающих, поступая так же, как они. В более редких случаях «включается» рефлексивная система, которая приводит к осознанному выбору правомерного варианта поведения, потому что «так правильно» (социально активное поведение), либо потому, что он более выгоден, чем альтернативные варианты («маргинальное» поведение).

Интересно в этой связи деление норм на социальные и рыночные, которое проводит Д. Ариели [1], показывая, что люди совершенно по-разному воспринимают эти два типа правил. В первом случае они готовы совершать добрые поступки, помогать другим, выполнять для них работу, не требуя оплаты. Во втором – холодно оценивают выгоду и издержки от любых поступков, требуют компенсации даже за незначительные усилия. Автор экспериментальным путем доказывает, что люди не могут руководствоваться одновременно социальными и рыночными нормами: «Когда мы начинаем принимать в расчет рыночные нормы, социальные нормы уходят из наших рассуждений» [1, с. 89].

Термин «социальные» в данном контексте используется в гораздо более узком значении, чем это принято в отечественной теоретико-правовой традиции. Речь идет не о любых правилах, регулирующих отношения между людьми в обществе, а лишь о тех, которые предполагают осознание себя частью общества, восприятие социальных связей как значимых. Немного упрощая проблему, возможно, правильнее было бы назвать такие нормы этическими, по крайней мере, этический компонент (оценка собственного поведения с позиции чувства долга, совести, мнения окружающих) в них, безусловно, присутствует, в отличие от норм рыночных, где мотивом поведения выступает экономическая выгода.

В первую очередь приведенные положения ставят вопрос о месте права в предложенной системе координат. С чем правильнее соотносить правовые нормы в данном контексте: с нормами социальными или рыночными?

Вряд ли на этот вопрос может быть дан однозначный ответ. С одной стороны, значительная этическая составляющая правовых норм не вызывает сомнения. Вероятно, именно осознание их полезности и социальной значимости, уважение к правовым ценностям выступают мотивами социально активного поведения, что ставит право в один ряд с нормами этическими (в терминологии Д. Ариели – «социальными»). Далеко не все при этом воспринимают соблюдаемые запреты именно как правовые, на первый план выводя их нравственную составляющую (бросают мусор в урну не потому, что боятся штрафа, а потому что бережно относятся к окружающей среде; избегают нецензурной лексики в общественных местах, потому что опасаются, что их услышат дети, а не сотрудники полиции).

С другой стороны, очень часто правовые требования воспринимаются людьми через призму выгод и издержек (с учетом строгости санкций и неизбежности их применения), что сближает их с нормами рыночными. По крайней мере, таким образом ситуация выглядит в отношениях, где соблюдение правовых требований и запретов непосредственно коррелирует с экономической выгодой (борьба с коррупцией, стимулирование выполнения должностных/трудовых обязанностей и пр.). Соотнесение выгод и издержек – «рыночный» подход к правомерному поведению – ближе всего к тому его типу, который принято называть маргинальным.

Приведенное рассуждение напоминает о различиях между императивными и императивно-атрибутивными эмоциями, через которое Л. Петражицкий обосновывает отличия права от морали. Однако в предложенной выше конструкции право не фигурирует в качестве регулятора с устойчивой заранее заданной программой действия. Это позволяет увидеть, что в зависимости от ситуации право может балансировать между ценностно-этической и рыночной парадигмами.

Возвращаясь к вопросу о различиях между социальными и рыночными нормами, выделенных Д. Ариели, можно увидеть связь возможных вариантов правового регулирования с особенностями человеческого восприятия. Известно, что «магия» социальных норм легко рассеивается и очень сложно восстанавливается. Использование или даже упоминание денег переключает сознание людей на рыночные нормы. При этом возвращение в контекст норм социальных после этого оказывается крайне затруднительным (если за какую-то услугу вы заплатили человеку деньги, то сложно в следующий раз убедить его сделать то же самое «по дружбе»). Еще сложнее с обманом. Один раз отвергнув социальные нормы (например, профессиональную этику), люди, как правило, к ним не возвращаются. Начав обманывать понемногу, мы чаще всего привыкаем к такому поведению. Столкнувшись с обманом, – теряем доверие, не только к конкретному обманщику, но и к другим людям. Возвращение к отношениям, для которых значимы социальные нормы, требует долгой и планомерной работы: только «открытость и готовность идти на жертвы позволяют восстановить доверие общества» [1, с. 260].

Во многом это объясняет «нерешаемость» таких проблем, как противодействие коррупции, когда сложившаяся традиция экономически выгодного противоправного поведения просто отключает в сознании людей этическую оценку собственных действий. Воспитательные и просветительские меры в этих условиях бессильны, так как апеллируют к «выключенным этическим рецепторам». Угроза санкциями воспринимается в контексте выбора между сиюминутной гарантированной выгодой и издержками, которые могут наступить или не наступить в будущем. В такой ситуации, согласно поведенческим исследованиям, человек всегда делает выбор в пользу выгоды. «Переключение» восприятия этой ситуации с рыночного на социаль-

ное требует сложнейшей работы по восстановлению доверия людей к системе. Без понимания психологических механизмов человеческого поведения эта цель вряд ли достижима.

Список использованной литературы

1. Ариезли Д. Предсказуемая иррациональность: скрытые силы, определяющие наши решения : перераб. и доп. изд. : пер. с англ. / Д. Ариезли. – Москва : Альпина Паблишер, 2019. (2008 Ariely D. Predictably Irrational: The Unexpected Benefits of Defying Logic at Work and at Home. Originally published by HarperCollins).

2. Оксамытний В.В. Правомерное поведение личности / В.В. Оксамытний ; отв. ред. Н.И. Козюбра. – Киев : Наукова думка, 1985.

3. Талер Р. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Р. Талер, К. Санстейн ; пер. с англ. Е. Петровой ; [науч. ред. С. Щербаков]. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2017. (2008 Richard H. Thaler and Cass R. Sunstein. Originally published by Yale University Press).

4. Khaneman D. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk / D. Khaneman, A. Tversky // *Econometrica*. – 1979. – Vol. 47, № 2. – P. 91–263.

5. OECD (2017) Behavioural insights and public policy. Lessons from around the World. OECD Publishing, Paris. – URL: <https://doi.org/10.1787/9789264270480-en>.

6. Thaler R. Toward a Positive Theory of Consumer Choice / R. Thaler // *Journal of Economic Behavior & Organization*, Elsevier. – 1980. – March. – Vol. 1, № 1. – P. 39–60.

Информация об авторе

Марина Леонидовна Давыдова – заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: davidovavlg@gmail.com. ORCID 0000-0001-8392-9592.

Author

Marina Leonidovna Davydova – Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Volgograd State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: davidovavlg@gmail.com. ORCID 0000-0001-8392-9592.

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ: ВЫГОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

Автор сопоставляет приобретения, которыми мы обязаны высоким технологиям, с потерями как следствием приобщения к прогрессу. Приводятся примеры законодательного регулирования защиты персональных данных в качестве необходимых мер, направленных на охрану приватности и конфиденциальности. Констатируются нерешенные проблемы, обусловленные незащищенностью человеческой личности перед лицом ускоренной технологизации. Любая самая совершенная технология становится инструментом двойного назначения. Серьезные издержки связаны с применением интеллектуальных устройств, технологии «больших данных». К сожалению, развитие технологий опережает разработку взвешенных подходов к регулированию возникающих общественных отношений. Автор предлагает задуматься над тем, что сверхмощные технологии современности неуклонно приближают ситуацию, когда достижения прогресса превращаются в серьезную угрозу для человека как свободного существа, наделенного автономной волей.

Ключевые слова: идентификация, технологический переворот, безопасность, технология искусственного интеллекта, контроль, правовые механизмы, «цифровой след», «большие данные».

E.V. Perepelitsa

HIGH-TECH SOCIAL CONTROL: BENEFITS AND COSTS

The author compares the acquisitions that we owe to high technology with losses as a consequence of familiarization with progress. Examples of legislative regulation of personal data protection are given as necessary measures aimed at protecting privacy and confidentiality. The unsolved problems caused by the insecurity of the human personality in the face of accelerated technologization are stated. Any most advanced technology becomes a dual-use tool. Serious costs are associated with the use of intellectual devices, «big

data» technology. Unfortunately, the development of technologies is ahead of the development of balanced approaches to the regulation of emerging public relations. The author suggests thinking about the fact that the super-powerful technologies of modernity are steadily bringing the situation closer when the achievements of progress turn into a serious threat to man as a free being endowed with autonomous power.

Key words: identification, technological revolution, security, artificial intelligence technology, control, legal mechanisms, «digital footprint», «big data».

Картина современной действительности определяется успешными стать рутинной системами хранения и передачи данных, программирования, Интернетом. В ряду того, что формирует палитру эпохи, – сверхмощные технологии идентификации в цифровом мире. Они открывают перед человечеством колоссальные возможности. Свершаемый технологический переворот сопряжен с переструктурированием мира. С большим энтузиазмом ныне воспринимаются интеллектуальные поисковые системы, «невидимый Интернет», Интернет вещей, «бумажные офисы», потому как они помогают решать социально-экономические, управленческие и множество иных задач. Высокотехнологичные средства позволяют строить профили, транслировать ценности, декларировать взгляды и интересы.

При неоспоримой пользе всепоглощающая технологизация вызывает к жизни многочисленные проблемы, риски и угрозы. За блага прогресса мы расплачиваемся общественной энтропией, утратой собственной конфиденциальности, цифровой слежкой.

Высокотехнологичные средства действуют не сами по себе, а в тех направлениях, которые им заданы разработчиками и операторами. Технологии нейтральны, «у них нет никаких внутренне присущих им качеств, которые заставляли бы их становиться симулякром, заменять людей. (...) Все зависит от стратегий, в которые эти технологии включаются» [1, с. 280–281]. При помощи технологических изобретений преследуются благородные цели, в частности, касающиеся обеспечения безопасности. Пример – технология слежения, которая, однако, не обязательно считается с нашей потребностью в личном пространстве.

Пока в повседневности мы имеем дело с простейшими магнитными пропусками, камерами наблюдения, позволяющими держать под контролем наше передвижение. Набирающие популярность когнитивные технологии обещают контролировать не только вербальные действия, но и переживаемые ментальные состояния. Нельзя предугадать, в каких пределах будут употребляться совершенные по своим контролирующим возможностям средства высокотехнологичного социального контроля. Вряд ли стоит надеяться, что те, в чьих руках оказываются такие возможности, пренебрегут искушением понять, о чем мы думаем, что составляет предмет наших желаний, намерений и стремлений.

С приходом роботов и роботизированных систем технологии слежения как бы получают вторую жизнь. Объектом идентификации становится голос, радужная оболочка глаза и т.д. М. Кревельд напоминает о внутренней корреляции, существующей между совершенством технологий, с одной стороны, и степенью их эксплуатационной нагрузки – с другой: «Хотя использование искусственного интеллекта и объединение в сеть мощных компьютеров и помогают в осуществлении слежки, персонал, работающий с подобной системой обеспечения безопасности, скорее всего, останется слабым звеном. Наблюдение самый скучный вид работы и не самый высокооплачиваемый. Со временем даже у персонала, имеющего наивысшую степень мотивации, вероятно, притупится внимание. Его можно будет перехитрить, подкупить или переманить на свою сторону» [4, с. 291–292].

Интеллектуальные технологии на несколько порядков облегчают государству контроль над частной жизнью, при этом формально не преступая конституционный запрет на подобного рода вмешательство в приватную сферу [10, с. 34]. Тем самым подтверждается истина о том, что инновации XXI в. «пагубны в той своей части, в какой разрушают природу вокруг человека и внутри его» [5, с. 47]. Утопия превращения человека, с естественно присущей ему потребностью в свободе и автономии, в полностью контролируемое существо стремительно становится реальностью. В фокусе нынешней «социальной физики» человек рассматривается не иначе как в роли источника данных и объекта алгоритмического управленческого воздействия [6, с. 380].

Как и многие другие IT-страны, Республика Беларусь предпринимает необходимые шаги для того, чтобы преимущества высокотехнологичного мира не обращались против прав, свобод и законных интересов индивидуальных и коллективных субъектов. В 2022 г. в обновленной редакции белорусской Конституции наряду с правом на защиту частной жизни впервые получило закрепление право на защиту персональных данных. В ст. 28 заявлено, что государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании [3]. Почти два года назад в Беларуси был принят специальный нормативный правовой акт – Закон «О защите персональных данных» [7]. Самостоятельные статьи, устанавливающие ответственность за нарушение законодательства о персональных данных, интегрированы в отраслевые нормативные правовые акты, включая Кодекс об административных правонарушениях (КоАП), в ст. 23.7 которого речь идет об ответственности физических и юридических лиц за незаконное распространение персональных данных [2]. Незаконные действия в отношении персональных данных, как и несоблюдение мер обеспечения их защиты преследуются в порядке, установленном уголовным законом [9].

Тем не менее разработка новых правовых механизмов, выступающих средством защиты человека, его прав и свобод, сопровождается обстоятельствами, свидетельствующими о недостаточности совершаемых шагов. Наметилась тенденция, когда при посредстве технологических новаций в отношении человека собирается преимущественно негативная информация, и он не ставится в известность об этом. Прежнему обществу были незнакомы технологии «Умный дом», «Умный мегаполис» и пр., люди не зависели от подобных благ. Сейчас, в том числе благодаря прорывным технологиям, в ситуации, казалось бы, безобидных погрешностей «цифровые следы», вольно или невольно оставляемые человеком, превращаются по сути в следы его прегрешений и совершенных проступков. Это касается безбилетного проезда, незначительного превышения порога допустимой скорости во время управления автомобилем, случайного нахождения человека в том месте и в то время, когда такое нахождение истолковывается так, как если бы у человека были деструктивные намерения, планы по совершению противоправных деяний. При всем при этом «цифровые следы» сохра-

няются, вероятность их обезличивания и уничтожения не гарантирована. Автоматические камеры, призванные к тому, чтобы наблюдать за безопасностью дорожного движения, выполняют несвойственные им функции социального контроля. «Самообучающиеся системы уже сейчас – привычный инструмент для распознавания речи, перевода, моделирования поведения, роботизированного управления» [8, с. 34]. Предвидя в будущем разработку высокотехнологичных устройств, позволяющих алгоритмически распознавать мотивы, стремления, чувства, иные высокие материи, не стоит исключать возможность применения подобных устройств для превентивного определения нашей благонадежности и законопослушности со всеми вытекающими отсюда, в том числе юридически значимыми, последствиями.

Если информация собирается на людей для того, чтобы ими управлять, отслеживать, а не для того, чтобы людям было лучше и легче жить, вероятно, стоит задуматься о цифровой тирании. Серьезнейшая теоретическая и практическая проблема в данной связи заключена в том, что стремление к исчерпывающему урегулированию тех общественных отношений, которые в недавнем прошлом не предполагали нормативной регламентации, но вследствие ускоренной цифровизации вошли в правовое поле, привело к значительной коррекции границ правомерного и противоправного поведения. В свете очередного технологического тренда – развития и совершенствования Big Data – персональные данные, права, свободы, как таковая конфиденциальность подвергаются еще более непредсказуемым рискам и угрозам.

Органичная составляющая «больших данных» – информация о всех наших действиях, начиная с покупки книг на сайтах и заканчивая записью на прием к участковому врачу. Облачные сервисы, смарт-часы, смартфоны и подобные им предметы, предполагающие выход в глобальную сеть, ежедневно, ежесекундно передают информацию о том, где мы находимся, чем занимаемся, какова мера нашей физической и прочей активности, что входит в наши привычки, что нас волнует в текущий момент. Вдобавок автоматически аккумулируется информация о совершаемых нами покупках и в целом просчитывается уровень материального состояния. Технологии способны фиксировать и оценивать контакты, разговоры. Причем циф-

ровые носители превращают информацию о нас в достояние неизвестных нам людей в режиме реального времени, делая уязвимыми, легко проницаемыми и условными уже фактически любые барьеры приватности.

Таким образом, вместе с многочисленными выгодами высокотехнологический социальный контроль сопряжен с возможностями неконтролируемого вмешательства в частную жизнь, перманентного надзора над нею. Достижения эры передовых технологий – технически безупречные электронные, а в скором времени уже и когнитивные, интеллектуальные системы – формируют предпосылки для превращения человека в полностью управляемый объект, лишенный свободы воли и какой-либо индивидуальной автономии.

Список использованной литературы

1. Деланда М. Война в эпоху машин / М. Деланда ; пер. с англ. Д. Кралечкин. – Екатеринбург ; Москва : Кабинет. ученый : Ин-т общественно-гуманит. исслед., 2014. – 338 с.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – 2023. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091&q_id=7423691 (дата обращения: 31.03.2023).

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : (с изм. и доп., принятыми на республик. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – 2023. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875&q_id=7423622 (дата обращения: 31.03.2023).

4. Кревельд М. ван. Войны будущего // Трансформация войны / Мартин ван Кревельд ; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова. – 2-е изд. – Москва : ИРИСЭН : Социум, 2015. – С. 266–308.

5. Лоргус А. Человек / А. Лоргус // Богословская антропология : рус.-правосл. / рим.-католич. слов. : на рус. и нем. яз. / Фонд Pro Oriente (Вена), Фонд Рус. Православие (Москва) ; под науч. ред. прот. А. Логруса и Б. Штубенрауха. – Москва, 2013. – С. 46–53.

6. Мамычев А.Ю. «Цифровой Левиафан»: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке / А.Ю. Мамычев // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 367–392.

7. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – 2023. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h12100099&q_id=7423674 (дата обращения: 31.03.2023).

8. Омохундро С. Поворотный момент для искусственного интеллекта / С. Омохундро // Что мы думаем о машинах, которые думают о нас: ведущие ученые об искусственном интеллекте : пер. с англ. / Джон Брокман. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2017. – С. 34–36.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – 2023. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900275&q_id=7423715 (дата обращения: 31.03.2023).

10. Черемисинова М.Е. Правовые границы виртуального пространства / М.Е. Черемисинова // Правовое пространство: границы и динамика : монография / Ю.А. Тихомиров, А.А. Головина, И.В. Плюгина [и др.] ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – Москва : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Инфра-М, 2021. – С. 31–78.

Информация об авторе

Елена Васильевна Перепелица – докторант Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: perepelinka@gmail.com.

Author

Elena Vasilevna Perepelitsa – Doctoral Student of the Belarusian State University, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: perepelinka@gmail.com.

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ОРГАНОВ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу структуры военной организации и системы военного управления России и Китая. На основе проведенного исследования сделаны выводы об исторической общности предпосылок военного строительства.

Ключевые слова: военное управление, военное строительство, военная организация, функция обороны, вооруженные силы, министерство обороны.

**A.K. Baldin
N.I. Biyushkina**

**ORGANIZATIONAL STRUCTURE AND ACTIVITIES
OF THE MILITARY ADMINISTRATION BODIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S
REPUBLIC OF CHINA: CURRENT STATE**

The article is devoted to the comparative legal analysis of the structure of the military organization and the military management system of Russia and China. Based on the conducted research, conclusions are drawn about the historical commonality of the prerequisites for military construction.

Key words: military administration, military construction, military organization, defense function, armed forces, Ministry of Defense.

В настоящее время сложившаяся геополитическая обстановка подталкивает Россию и Китай к все более динамичному взаимодействию. Учитывая наличие у государств общих потенциальных оппонентов, тождественных военно-политических

интересов, отметим, что бурно развивается военное сотрудничество, проявляющееся в совместной военной деятельности.

Эффективность военного управления в целом и реализации функции обороны страны напрямую зависят от сложившейся институциональной структуры органов и учреждений, решающих задачи обороны и безопасности, совокупность которых входит в военную организацию государства. Военная организация объединяет все военные органы, учреждения и институты, занимающиеся военной деятельностью, а также вооруженные силы. Ее назначение зависит от различных факторов – формы государств, их политических целей, экономических возможностей, а конкретная структура определяется содержанием программных документов военного управления, культурными, историческими особенностями и иными обстоятельствами.

Принимая во внимание структуру военной организации, которую составляют такие элементы, как вооруженная организация, система ее жизнеобеспечения, органы и учреждения, занимающиеся вопросами обороны и безопасности страны [1, с. 258], можно констатировать, что органы военного управления рассматриваются в качестве содержательного элемента такой организации государства.

В Китайской Народной Республике (КНР) система принципов организации и деятельности государственных органов, в том числе органов военного управления, формировалась под влиянием советской модели военного строительства, соответственно, имеет определенные общие черты с современной российской военной организацией, также унаследовавшей многие черты советской военной системы. При этом в Китае специфика конституционного механизма проявляется в партийном руководстве государством и обществом со стороны Коммунистической партии Китая (КПК), что не может не отражаться на военной организации страны. Общее руководство народной армией осуществляется партией, а ее руководящие идеи об укреплении армии определяют направление оборонного строительства. В России же по Конституции признается идеологическое и политическое многообразие, многопартийность, соответственно функционирование военной организации осуществляется вне партийной деятельности.

Высшую ступень в иерархии органов военного управления в России занимает Президент, который, обладая конституционным статусом Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами, обеспечивает оборону страны, а также осуществляет общее политическое руководство отдельными силовыми министерствами и ведомствами.

Центральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, а также управления Вооруженными Силами является Министерство обороны России [3]. Возглавляет его Министр обороны, который назначается на должность Президентом и ему же непосредственно подчиняется. Все центральные органы военного управления входят в структуру военного ведомства. Таким образом, в России вся система органов военного управления основывается на строгом соблюдении принципов централизации и единоначалия. Несмотря на то, что основные решения военного характера принимаются должностными лицами, возглавляющими систему органов военного управления, единолично, все же в составе военного ведомства образуются координационные и совещательные органы. Так, для рассмотрения наиболее важных вопросов деятельности Министерства обороны в его структуре образована Коллегия, по результатам заседаний которой принимаются в коллегиальном порядке решения. По ним в рамках рассматриваемых вопросов впоследствии издаются постановления.

Особенностью системы и организационной структуры военного управления КНР, как уже было отмечено, является то, что военная организация Китая тесно связана с партийно-государственным управлением, а в состав органов военного управления входят представители партийного аппарата Коммунистической партии Китая. Согласно Конституции КНР, руководство всеми вооруженными силами государства осуществляет Центральный военный совет (ЦВС КНР), состоящий из председателя, заместителей председателя, а также членов Совета [2]. Руководство Совета формируется на выборных началах: председатель избирается Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП), кандидатуры других членов совета утверждаются ВСНП по представлению председателя Совета.

Примечательно, что персональный состав Центрального военного совета, являющегося государственным и политическим органом, полностью совпадает с важнейшим партийным органом КПК – Военным советом ЦК КПК, который возглавляет, так же как и ЦВС, генеральный секретарь ЦК КПК. Сформированный в Китае механизм военного управления обеспечивает повышенную дисциплину в области военного строительства, единство руководства вооруженными силами со стороны партийных и государственных институтов.

В заключение следует отметить, что проведенный анализ статуса, полномочий системы вооруженных сил России и Китая показывает, что в КНР очень сильны традиции советской партийной модели управления вооруженными силами, особенно сложившейся в период Великой Отечественной войны. Так, ЦВС КНР по принципам организации и деятельности имеет сходство с Государственным комитетом обороны, а Военный совет ЦК КПК сравним с Главным Военным советом РККА (1938–1941 гг.), а затем – со Ставкой Верховного главнокомандования (1941–1945 гг.). Указанное обстоятельство способствует взаимному пониманию основ и предпосылок образования сложившихся в настоящее время организационных структур органов военного управления двух держав и обеспечивает их дальнейшее сотрудничество.

Список использованной литературы

1. Военный энциклопедический словарь. – Москва : Изд. дом «ОНИКС» 21 век», 2002. – 1432 с.
2. Конституция Китайской Народной Республики (4 декабря 1982 года). – URL: <http://www.window2china.ru/upload/iblock/51e/Konstitutsiya-KNR.pdf> (дата обращения: 19.03.2023).
3. Вопросы Министерства обороны Российской Федерации : Указ Президента РФ от 16.08.2004 г. № 1082 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3538.

Информация об авторах

Александр Константинович Балдин – доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государ-

ственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук. E-mail: akbaldin@unn.ru.

Надежда Иосифовна Биюшкина – заведующая кафедрой судебной и прокурорской деятельности юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор. E-mail: asya_biyushkina1@list.ru.

Authors

Alexander Konstantinovich Baldin – Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of the Faculty of Law of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Ph.D. in Law. E-mail: akbaldin@unn.ru.

Nadezhda Iosifovna Byushkina – Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Activity of the Faculty of Law of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor. E-mail: asya_biyushkina1@list.ru.

ПОНИМАНИЕ УСТАВА КАК УЧРЕДИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА КОРПОРАЦИИ В АНГЛИИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Настоящая работа посвящена вопросам учредительных документов корпорации в Англии. Отмечается, что учредительные документы являются результатом эволюции общества. Обращается внимание, что эволюция института корпорации повлекла за собой появление новых форм корпоративных документов, которые впоследствии заняли свое обоснованное место наряду с уставом. За некоторыми локальными актами законодатель признает юридическую силу, в силу чего эти акты становятся обязательными для третьих лиц. Делаются выводы, что учредительные документы в англосаксонской правовой семье детерминированы существующими культурно-идеологическими факторами. Устав корпорации представляет совокупность учредительных документов, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены между собой. В Англии доминирует идея контрактуализма, согласно которой учредительные документы, в том числе устав, обладают договорной природой.

Ключевые слова: корпорация, устав, учредительные документы, корпоративные нормы, корпоративные отношения.

G.V. Druzhinin

ARTICLES OF ASSOCIATION AND CONSTITUENT DOCUMENTS OF A CORPORATION IN ENGLAND: GENERAL THEORETICAL ANALYSIS

This work is devoted to the issues of the constituent documents of the corporation in England. It is noted that the constituent documents are the result of the evolution of society. Attention is drawn to the fact that the evolution of the institute of the corporation entailed the emergence of new forms of corporate documents, which subsequently took their rightful place along with the charter. For some local acts, the legislator recognizes the legal force, by virtue of which these acts become binding on third parties. It is concluded that the constituent documents in the Anglo-Saxon legal family are

determined by existing cultural and ideological factors. The Charter of the corporation is a set of constituent documents that are interrelated and mutually dependent on each other. In England, the idea of contractualism dominates, according to which constituent documents, including the charter, have a contractual nature.

Key words: corporation, charter, constituent documents, corporate norms, corporate relations.

На протяжении всей истории человеческой цивилизации члены общества объединялись в различные союзы, группы, общности и организации. Одной из потребностей в объединении выступает защита и достижение общих целей. С развитием общества усложняются социальные связи, меняется сама структуру социума. Появляются все более новые формы объединений, одним из которых является корпорация.

Корпоративная организация представляет собой организованное объединение людей, основанное на членстве и формирующее свои органы управления. С усложнением форм управления обществом появляется потребность в фиксации и формализации общественных отношений, что отражается также на корпоративных отношениях.

Одним из результатов формализации общественных отношений выступают правила поведения, оформленные в текст. В корпоративных организациях такими формально определенными правилами поведения следует назвать корпоративные документы. Среди корпоративных документов особое место отводится документам, обладающим учредительным характером. Безусловно, к таким документам относится устав корпорации.

Вместе с этим эволюция института корпорации повлекла за собой появление новых форм корпоративных документов, которые в последствии заняли свое обоснованное место наряду с уставом.

При учреждении корпорации в Англии участники корпоративных отношений не ограничиваются только заключением устава. Устав как учредительный документ в Англии понимается в ином значении, нежели в странах романо-германского права.

Формально-юридический анализ ст. 17 Закона о компаниях от 2006 г. (далее – Companies Act 2006, Закон о компаниях) [1], который регулирует вопросы создания компаний, показал,

что учредительными документами компании являются устав и резолюции и соглашения.

Однако в статье закона имеется отсылка к ст. 29, где отражены условия, при которых резолюции и соглашения могут быть отнесены к учредительным документам:

– во-первых, если решение или соглашение относится к специальному решению, которым вносятся поправки в устав компании (ч. 1 ст. 21 Закона о компаниях);

– во-вторых, когда требуется принять решение или соглашение, без которого не было бы эффективным достижение целей компании.

Следует сделать оговорку, что практически любое решение или соглашение компании может быть расценено согласно Закону о компаниях как вносящее изменение в учредительный документ. Обусловлено это особенностями мышления. В смысловом значении устав понимается достаточно широко.

В англосаксонском правопорядке устав корпорации понимается как *articles and memorandum of association*, что в переводе означает «статьи и меморандум об объединении».

Устав в англосаксонской традиции не следует сводить к пониманию самостоятельного и единственного документа, юридической силы которого выше иных корпоративных актов (регламентов, резолюций). Из определения *articles and memorandum of association* следует, что устав корпорации представляет некую совокупность или комплекс учредительных документов.

Допустимо предположить, что такой подход к пониманию есть следствие влияния договорных идей. Договорная концепция сущности юридического лица, доминирующая в странах общего права, предполагает и договорную природу его учредительных документов. К примеру, структура организации, определенная ее уставом, может быть изменена посредством соглашения участников [2].

Таким образом, понимание корпорации в англосаксонской правовой семье будут иметь свои особенности, детерминированные существующими культурно-идеологическими факторами.

Корпоративные организации в англосаксонском праве рассматриваются через призму договорной концепции [3]. Данную концепцию еще принято называть теорией контрактua-

лизма, которая является одним из распространенных современных подходов к пониманию сущности корпорации в англо-американской доктрине.

Корпорация представляет собой в англосаксонской традиции набор договоров, устанавливающих порядок объединения вложений для получения выгоды [4]. Ввиду этого корпорация представлена в виде множества договорных отношений. Поэтому учредители корпорации взаимодействуют с участниками корпорации с помощью договорных средств и механизмов. В современном англосаксонском праве отмечается видовая дифференциация правового регулирования корпоративных договоров [5].

Таким образом, следует резюмировать следующее.

Во-первых, понимание корпорации и учредительных документов в англосаксонской правовой семье детерминировано существующими культурно-идеологическими факторами.

Во-вторых, устав корпорации представляет совокупность учредительных документов, которые взаимосвязаны между собой.

В-третьих, ввиду доминирующих идей контрактуализма учредительные документы, в том числе устав, обладают договорной природой.

Список использованной литературы

1. Companies act 2006 // Blackstone's Statutes on Company law 2010–2011 / ed. by Derek French. – 14th ed. – London : Oxford Univ. Press, 2011. – P. 289.

2. Варюшин М.С. Устав и корпоративный договор в системе регулирования корпоративных отношений: сравнительно-правовой аспект / М.С. Варюшин // Юрист. – 2014. – № 21. – С. 1.

3. Суханов Е.А. Американские корпорации в российском праве (о новой редакции гл. 4 ГК РФ) / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2014. – № 5. – С. 4 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Fama E.F. Agency Problems and the Theory of the Firm / E.F. Fama // The Journal of Political Economy. – 1980. – Apr. – Vol. 88, № 2. – P. 290.

5. Варюшин М.С. Генезис и эволюция корпоративных договоров в корпоративном праве Англии и США / М.С. Варю-

шин // Законодательство и экономика. – 2013. – № 9. – С. 5 // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Глеб Викторович Дружинин – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, соискатель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии. E-mail: druzhinin93@mail.ru.

Author

Gleb Viktorovich Druzhinin – Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Administration of the Institute of Social Sciences of Irkutsk State University, Candidate of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy. E-mail: druzhinin93@mail.ru.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ И НАЛОГОВОМ ПРАВЕ КАК СРЕДСТВО «УМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ»*

Концепция «умного регулирования» предполагает, что правовая норма должна работать самостоятельно, привлекая наименьшее количество ресурсов и приводя к наиболее благоприятному результату. В статье проанализирована относимость категории «добросовестность» в гражданском и налоговом праве к «умному регулированию» в контексте ее становления, развития и практики применения.

Сделан вывод о том, что добросовестность в гражданском и налоговом праве можно отнести к средствам «умного регулирования», поскольку она путем определения стандартов, ориентиров поведения направляет действия субъектов по желаемому законодателем пути; при этом в последние годы в налоговом праве происходят преобразования, которые делают принадлежность добросовестности к средствам «умного регулирования» более условной.

Ключевые слова: умное регулирование, добросовестность, участники налоговых отношений, контрагенты.

I.A. Usenkov

INTEGRITY IN CIVIL AND TAX LAW AS A MEANS OF «INTELLIGENT REGULATION»**

The concept of «smart regulation» assumes that a legal norm should work independently, attracting the least amount of resources and leading to the most favorable result. The article analyzes the relevance of the category of «good faith» in civil and tax law to «smart regulation» in the context of its formation, development and application practice.

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00484>.

** The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 21-18-00484. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00484>.

It is concluded that conscientiousness in civil and tax law can be attributed to the means of «smart regulation», since it directs the actions of subjects along the path desired by the legislator by defining standards and guidelines of behavior; at the same time, in recent years, transformations have been taking place in tax law that make the belonging of conscientiousness to the means of «smart regulation» more conditional.

Key words: smart regulation, integrity, tax parties, counterparties.

Концепция «умного регулирования» предполагает, что правовая норма должна работать самостоятельно, привлекая наименьшее количество ресурсов и приводя к наиболее благоприятному результату [2, с. 14]. Для соблюдения таких норм предусмотрен механизм подталкивания и поощрения, на основании которого носителю определенных прав и обязанностей выгоднее соблюдать норму, чем не соблюдать.

В контексте «умного регулирования» представляется важным рассмотреть категорию «добросовестности» – весьма нетипичной в сравнении в подавляющей частью остального массива нормативного регулирования.

Понятие добросовестности всегда занимало в законодательстве особое место, наиболее активно используя в гражданском и налоговом праве. В гражданском законодательстве добросовестность определена как презумпция и принцип [7, с. 10], в налоговом – как презумпция и обязанность, несоблюдение которой жестко контролируется, так как возможности вмешательства налогового органа в действия налогоплательщиков весьма широки. В этой связи следует остановиться на понятии добросовестности в двух кодификациях с целью их разграничения и далее проанализировать их соотношение с «умным регулированием».

Добросовестность по Гражданскому кодексу РФ (далее также – ГК РФ), как уже упоминалось выше, состоит из двух элементов: принципа, сформулированного в п. 3 ст. 1 ГК РФ, и презумпции, отраженной в п. 5 ст. 10 ГК РФ, на основании которой добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается.

По данным системы «КонсультантПлюс», количество споров, в которых применялась ст. 10 ГК РФ, на начало 2023 г. со-

ставляет более 250 тыс., что демонстрирует ее значительное влияние на формирование судебной практики по многим категориям споров. Наиболее актуальным прямым применением ст. 10 ГК РФ стало в последние годы.

Высшими судами сформулированы основные критерии добросовестности, при несоблюдении которых суд может отказать в защите нарушенного права злоупотребляющему правом лицу. К ним, в частности, относятся: должная осмотрительность при сотрудничестве с контрагентами, отсутствие в договоре кабальных условий, продолжение ведения переговоров без их необоснованного прекращения и т.д. [1].

Дополнительно в Гражданский кодекс РФ были введены статусы «добросовестного приобретателя», «добросовестного залогодержателя» и др. Общим для них является то, что законодатель устанавливает стандарт поведения, и в случае если он выполняется, обеспечивает лицо дополнительной правовой защитой, а в случае невыполнения снижает гарантии этой защиты либо вообще отказывается в ней.

Добросовестность в Налоговом кодексе РФ (далее также – НК РФ) сформулирована немного иначе. В августе 2017 г. в результате внесения изменений в НК РФ в силу вступила ст. 54.1, согласно которой недопустимо уменьшение налогоплательщиком налоговой базы в результате искажения сведений о фактах, влияющих на процедуру налогообложения. В случае нарушения данной нормы виновному лицу доначисляется неправомерно не уплаченная сумма налога и налагаются санкции (штрафы, пени) за его неуплату.

Сама реформа по сегодняшний день подвергается критике. В частности, учеными отмечается, что перечень налоговых правонарушений и меры ответственности за них являются исчерпывающими, они указаны в конкретных главах и не подлежат иному толкованию [6, с. 13].

Однако, на наш взгляд, инициатива законодателя вполне понятна: многообразие жизни, а особенно – вариантов уклонения от уплаты налогов, крайне многообразно, в связи с чем увеличение числа налоговых правонарушений не только дестабилизирует законодательство, но и не влечет за собой значительного практического эффекта.

В этом смысле налоговая добросовестность соответствует пониманию «умного регулирования», поскольку служит до-

стижению результата наикратчайшим, оптимальным и наименее затратным путем.

При этом введение ст. 54.1 в НК РФ во многом было обусловлено тем, что понятие добросовестности до этого момента отсутствовало в налоговом законодательстве, будучи сформулированным исключительно в Постановлении Пленума ВАС РФ в виде категории «налоговая выгода» и критериев ее обоснованности [5].

Такой путь становления добросовестности в налоговом праве определил одно из основных направлений дискуссии о ней: после введения ст. 54.1 НК РФ ФНС России неоднократно в своих письмах и рекомендациях акцентировала внимание на том, что понятия, отраженные в указанном выше Постановлении и развитые в сложившейся судебной практике, не должны больше использоваться в рамках проведения налоговых проверок [4]. Несмотря на такую позицию ФНС РФ, положения Постановления Пленума ВАС РФ не утратили своего практического значения и продолжают применяться судами.

Контекст подобных заявлений ФНС РФ понятен: разъяснения Пленума ВАС РФ в большей степени ориентированы на равенство и состязательность сторон, чем разъясняющие письма самой налоговой службы [3], которые максимально детализируют требования к добросовестности и ставят налогоплательщика в более слабое положение.

В этом и заключается основное отличие добросовестности в гражданском и налоговом праве: если в целом они направлены на ориентирование субъектов регулирования на добросовестное поведение, их осмотрительность и разумность, недопустимость обхода закона, то нынешнее развитие понимания добросовестности в налоговом праве более сфокусировано на формулировании конкретных, детализированных требований к поведению – фактически «составов» недобросовестного поведения.

Таким образом, добросовестность в гражданском и налоговом праве можно отнести к средствам «умного регулирования», поскольку она путем определения стандартов, ориентиров поведения направляет действия субъектов по желаемому законодателем пути. При этом в последние годы в налоговом праве происходят преобразования, которые делают принадлежность добросовестности к средствам «умного регулирова-

ния» более условной, поскольку все больше детализируют правила добросовестного поведения и ответственность за их нарушение, чем смещают добросовестность в налоговом праве в сторону конкретных составов налоговых правонарушений, тогда как в гражданском праве акцент сделан на защиту прав добросовестных участников хозяйственного оборота и абстрактность самих положений о добросовестности.

Список использованной литературы

1. Важнейшая практика по ст. 10 ГК РФ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Давыдова М.Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М.Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14–29.
3. О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации : Письмо ФНС России от 31.10.2017 г. № ЕД-4-9/22123@.
4. Об оценке добросовестности налогоплательщика при проведении налоговых проверок : Письмо ФНС России от 19.01.2018 г. № ЕД-4-2/889.
5. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды : Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 53.
6. Харитонов И.В. Статья 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации – новый подход к налоговой добросовестности налогоплательщиков? / И.В. Харитонов // Налоги. – 2019. – № 4. – С. 11–14.
7. Шухарева А.В. Значение добросовестности как принципа и презумпции в гражданском праве: проблемы теории и практики / А.В. Шухарева // Российская юстиция. – 2020. – № 9. – С. 9–13.

Информация об авторе

Иван Алексеевич Усенков – юрист Адвокатского бюро города Москвы «Башилов, Носков и Партнеры», младший научный сотрудник кафедры конституционного и муниципального права Института права Волгоградского государственного университета. E-mail: i.usenkov@volsu.ru.

Author

Ivan Alekseevich Usenkov – Lawyer of the Moscow Law Office «Bashilov, Noskov and Partners», Junior Research Assistant of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of Law of Volgograd State University. E-mail: i.usenkov@volsu.ru.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ДРЕВНЕМ РИМЕ И В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В настоящей статье автором рассмотрена проблема злоупотребления правом, возникшая в Античную эпоху, известная римским юристам. Проведен анализ доступных источников и сделаны соответствующие выводы относительно степени ее закрепления и развития в частном римском праве.

Хотя проблема злоупотребления правом возникла в период зарождения юриспруденции, она не теряет актуальности, более того, приобрела международный характер и присуща субъектам российского права. Злоупотребление правом приводит к нарушению баланса общественных и личных интересов в различных сферах действия права, в связи с чем количество случаев злоупотреблений должно быть сокращено.

Автором проведено сравнительное исследование зарождения в римском праве случаев, признаваемых злоупотреблением правом, и сложившейся в российском гражданском законодательстве категории «злоупотребление правом», выявлены и описаны основные сходства и различия.

Ключевые слова: злоупотребление правом, субъективное гражданское право, принцип разумности и добросовестности, недобросовестное поведение, пределы осуществления гражданских прав.

D.A. Bova´

ABUSE OF RIGHT IN ANCIENT ROME AND IN MODERN RUSSIA

In this article, the author considers the problem of abuse of right that arose in the ancient era, known to Roman lawyers. The analysis of available sources is carried out and appropriate conclusions are made regarding the degree of its consolidation and development in private Roman law.

Although the problem of abuse of right arose during the period of the birth of jurisprudence, it does not lose its relevance, moreover, it has acquired an international character and is inherent in the

subjects of Russian law. Abuse of the right leads to a violation of the balance of public and private interests in various areas of the law, in connection with which the number of cases should be reduced.

The author conducted a comparative study of the emergence in Roman law of cases recognized as abuse of right and the category of «abuse of right» that has developed in Russian civil law, and identifies and describes the main similarities and differences.

Key words: abuse of right, subjective civil right, principle of reasonableness and good faith, dishonest behavior, limits of exercising civil rights.

Римские юристы одни из первых столкнулись с феноменом злоупотребления правом, так как рассматриваемая проблема возникла еще в Античную эпоху. Однако в ученой среде отсутствует единогласное мнение относительно вопроса: известно ли римскому праву общее понятие термина злоупотребления правом? Некоторые ученые считают, что римским юристам были известны только отдельные частные случаи, которые можно отнести к запрету шиканы.

Со времен римского частного права юристы пытаются примирить известные суждения: с одной стороны, «Nullus videtur dolo facere, qui jure suo utitur» (никто не считается поступающим злоумышленно, если он пользуется своим правом), с другой стороны, «malitiis non est indulgendum» (злоупотребление непростительно) [5, с. 7].

Известный римский юрист Цельс считал, что «знать законы – значит воспринять не их слова, но их содержание и значение» [3, с. 167].

Поэтапное развитие римского права привело к тому, что Гай в первой книге «Институций» (53) указал, что *male enim nostro iure uti non debemus* (мы не должны злоупотреблять предоставленным нам правом) [1, с. 35].

Ульпиан считал, что не должно быть злоупотребления установленным в силу легата узурфруктом на рабов, но ими следует пользоваться сообразно с их положением, ибо если переписчика книг отправить в деревню и заставить носить корзины и известь, актера сделать банщиком или музыканта – сторожем или на гимнаста возлагать очистку отхожих мест, то это следует рассматривать как злоупотребление собственностью [3, с. 286].

Другой римский юрист Павел обобщил сложившееся понимание термина «злоупотребления правом» и выразил его суть в следующем: «Поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл...» [3, с. 168].

Проанализировав взгляды различных римских юристов можно прийти к выводу, что для частного римского права на первом месте стоят интересы собственника вещи или раба, в связи с этим подробно регулируются отношения собственности, законодательство направлено, прежде всего, на защиту права собственности. Несмотря на указанный факт, законодатели пытаются предотвратить и ограничить злоупотребление со стороны собственников, откровенного нарушения интересов рабов, в целях исключения их восстания, что само по себе принесет больше вреда собственнику, чем законодательно закрепленное исключение злоупотребления при реализации их права собственности.

Следовательно, уже в римском праве совершались попытки сформулировать требования, направленные на исключение злоупотреблений при осуществлении гражданских прав собственниками вещи. Однако это только частные случаи и общая концепция недопустимости злоупотребления правом не была выработана римскими юристами. Последствия за выявленные случаи злоупотребления субъективным правом отсутствуют, так как ответственность не установлена.

Обратимся к положениям российского гражданского законодательства, в котором понятие «злоупотребление правом» раскрывается в ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

При этом в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 г. № 25 разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы дру-

гой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации [4].

На наш взгляд, в п. 1 ст. 10 ГК РФ злоупотребление правом изложено в общих чертах, соответственно носит оценочный характер, а вышеуказанное постановление не внесло ясности в рассматриваемые категории и четко не разграничивает случаи злоупотребления правом, добросовестное и недобросовестное поведение.

В связи с этим в научной литературе отсутствует единое мнение относительно определения злоупотребления правом. Некоторые ученые, такие как В.А. Рясенцев, С.Н. Братусь, и в вовсе отрицают правовую категорию «злоупотребление правом», считают, что указанное явление отсутствует, а термин не может применяться.

Вопрос злоупотребления правом поднимался и рассматривался многими российскими учеными-юристами: В.П. Грибановым, С.Г. Зайцевой, А.В. Волковым, О.А. Поротиковой, В.Л. Вольфсоном, А.А. Малиновским, С.Д. Радченко, Т.В. Дерюгиной, И.В. Сазоновой и др.

На наш взгляд, А.А. Малиновский наиболее верно определил, что злоупотребление правом есть такая форма осуществления права в противоречии с его назначением, посредством которой субъект причиняет вред другим участникам общественных отношений [2, с. 39].

Ознакомившись с различными мнениями ученых по рассматриваемому вопросу, автор настоящей статьи считает, что под злоупотреблением правом необходимо понимать недобросовестное осуществление лицом субъективного права с использованием особого положения, всегда в противоречии с защищенной законом целью и в ущерб правам и законным интересам другого участника отношений. Целью злоупотребления правом чаще всего служит материальная выгода.

При сравнении положений римского частного права и российского гражданского законодательства очевидно отличие в уровне разработки категории злоупотребления правом, если римские юристы стояли у истоков ее формирования и определения отдельных проявлений, то российский законодатель попытался обобщить различные способы и признаки в одном определении.

Несмотря на то, что четкого определения злоупотребления правом не выработано в римском частном праве, однако для рассматриваемых правовых систем характерна одна общая черта. Указанная особенность заключается в том, что в римском праве законодатель выделяет противоправную цель при злоупотреблении правом, а так как римское право отвечало признакам казуистичности, то данная цель выражена именно в получении выгоды, что недопустимо ни для римского, ни для российского права.

В связи с изложенным особое внимание заслуживает высказывание Ульпиана, так как оно подтверждает позицию автора о сходстве правовых систем относительно преследуемой цели лицом, злоупотребляющим субъективным правом.

Ульпиан один из первых говорит о пределах осуществления лицом своих гражданских прав, а именно: «...он может пользоваться дровами для ежедневного употребления, садом и плодами с деревьев, и овощами, и цветами, и водой, но не для выгоды, но для своего потребления, но не переходящего в злоупотребление...» [3, с. 299].

В указанном высказывании Ульпиан указывает на то, что лицо может осуществлять субъективное право и пользоваться вещами, предметами и плодами, но, не злоупотребляя, и не преследуя при этом противоправную цель, выраженную в выгоде. В рассматриваемом аспекте позиции римских и российских законодателей совпадают.

Особого внимания заслуживает тот факт, что римское право регулировало вопросы, относящиеся к сфере строительства. Так, Гай и Павел одни из первых обращаются к проблеме высоты построек, и распределению баланса осуществления права между соседями городских участков. Они вводят запрет на строительство зданий, высота или конструктивные особенности (балкон, крыша и т.д.) которых способны заслонить свет соседу [3, с. 304].

К научным интересам автора относится злоупотребление правом в сфере долевого строительства, так как за последние годы злоупотребление правом в указанной сфере приобрело значительные масштабы. К сожалению, сфера долевого строительства не была известна римскому праву, в связи с этим произвести сравнение в отношении злоупотребления дольщиками своими правам не представляется возможным.

Однако в римском праве предусматривалась ответственность строителя в случае просрочки передачи объекта недвижимости, выраженная в возможности взыскания заказчиком денежных средств.

Папиниан утвердил, что «тот, в пользу кого установлена обязанность построить в течение определенного времени дом в Капуе, может, как известно, по истечении этого времени предъявить иск о взыскании ущерба в любом месте...» [3, с. 253].

Действующее гражданское законодательство содержит схожие положения, с застройщика, нарушившего срок передачи дольщику объекта недвижимости может быть взыскана неустойка (пени) (ч. 2 ст. 6 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ) [6].

Особого внимания также заслуживает словосочетание «в любом месте». По сути, данный принцип нашел свое отражение в российском законодательстве о защите прав потребителей (применяется к отношениям, возникающим из договора долевого участия), так как потребитель вправе обратиться с иском заявлением в суд и определить место подачи иска по своему выбору (ч. 2 ст. 17 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. № 2300-1) [7].

Таким образом, на основании изложенного, считаем, что отдельные положения римского частного права, регулирующие вопросы злоупотребления правом, исполнения сторонами обязательств по договору, выбор подсудности, нашли свое отражение в российском гражданском законодательстве, так как затрагивают основополагающие права и интересы субъектов отношений, поэтому не теряют актуальности на сегодняшний день.

Список использованной литературы

1. Гай. Институции / Гай ; пер. с лат. Ф. Дадынского ; под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – Москва : Юристъ, 1997. – 368 с.

2. Малиновский А.А. Злоупотребление правом : монография / А.А. Малиновский. – Москва : МЗ Пресс, 2002. – 128 с.
3. Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – Москва : Зерцало, 1997. – 608 с.
4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // ИПС «КонсультантПлюс».
5. Сазанова И.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом / И.В. Сазанова. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2009. – 120 с.
6. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ // ИПС «Консультант-Плюс».
7. О защите прав потребителей : Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 // ИПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Дарья Александровна Бовá – аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (НГУЭУ). E-mail: dafna16.91@mail.ru.

Author

Daria Aleksandrovna Bová – Postgraduate Student of Novosibirsk State University of Economics and Management «NINH» (NSUEU). E-mail: dafna16.91@mail.ru.

ОБЕЩАНИЕ В ПРАВЕ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

На основе положений законодательства, правопримени- тельной практики и юридической доктрины предпринята по- пытка осмысления феномена «обещание». Обязательство вы- полнить что-либо позиционируется автором как юридический факт в модели общерегулятивных правоотношений. Освещает- ся лингвистическое, общенаучное и общетеоретическое вос- приятие феномена «обещание», изучается его соотношение со сходными явлениями: угрозой, предупреждением и пр.

Ключевые слова: правовое обещание, юридическая обя- занность, законное ожидание, юридический факт, правоотно- шение.

A.G. Repyev

A PROMISE IN LAW AS A LEGAL FACT

Based on the provisions of legislation, law enforcement prac- tice and legal doctrine, an attempt is made to comprehend the phe- nomenon of «promise». The obligation to fulfill something is posi- tioned by the author as a legal fact in the model of general regulato- ry legal relations. The linguistic, general scientific and general theo- retical perception of the «promise» phenomenon is highlighted, its correlation with similar phenomena is studied: threat, warning, etc.

Key words: legal promise, legal obligation, legal expectation, legal fact, legal relationship.

Тенденциозным явлением за последние годы стало обра- щение юридического профессионального сообщества к класси- ческой проблематике правовых отношений. Исследования ав- торов направлены на постижение закономерностей как консер- вативного аспекта (общее понимание социальных связей, опо- средуемых правом), так и трансформируемых социальных от- ношений (например, в области цифровизации), регулируемых юридическими нормами.

Эволюция интересов государства, обусловленная как изменениями политических условий, так и экономических основ его функционирования, предопределяют актуальность исследования вопросов соотношения планируемого и реального правового воздействия. Речь идет о корреляции добровольно взятых на себя юридических обязательств и результатов их воплощения в жизнь. Иными словами, в условиях кризисных явлений в государстве и праве, частичной утраты доверия к ним со стороны населения как к универсальным регуляторам общественных отношений назрела необходимость обращения к вопросам определения социально-юридической природы и механизма действия обещаний, облеченных в юридическую форму, через призму правоотношений. До настоящего времени имели место лишь отдельно взятые публикации на этот счет [1].

Не углубляясь в дискуссию относительно определения юридической природы, формы и содержания правоотношения, мы планируем в рамках настоящей публикации рассматривать данное явление в самом общем виде, синонимично отношениям между субъектами, опосредуемым правом (о модели общерегулятивных правоотношений, участниками которых являются все субъекты писал например С.С. Алексеев) [2, с. 272–274]. Однако речь здесь будет вестись применительно к идеальной форме и содержанию, т.е. мысленно созданной структуре, воспроизводящей определенную часть правовой действительности. Следует сказать, что в числе первых авторов, обратившихся к проблематике моделирования в правоотношениях, были Р.О. Халфина, Ю.И. Гревцов [3, с. 76] и др.

Первая отмечала, что модель правоотношения, предусмотренная нормой права, может совпадать с реальным взаимодействием, но может и нет, поскольку норма права, закрепляя модель правового отношения, воплощает лишь основные его черты [4, с. 35]. При этом относительно структуры правоотношения (как и его идеальной модели) сходятся абсолютное большинство авторов, считая основными элементами права и юридические обязанности [5, с. 107–112]. Однако связующий между ними компонент – юридическое взаимодействие, – часто выпадает из поля зрения ученых. Выдвинем гипотезу, что подобное взаимодействие осуществляется не только через действия, но и их ожидание, основанное на обещании, т.е. определенном, длящемся субъективном состоянии участников. Ска-

занное объясняется тем, что возможное (и должное) поведение далеко не всегда идентичны друг другу, абстрактные права и обязанности, предусмотренные правовой нормой, могут расходиться с реальным поведением людей.

Профессор Н.И. Полищук обратил внимание на закономерность возникновения правового отношения, заключающуюся в наличии (помимо прав, обязанностей, юридического факта) «объективно-субъективного состояния» [6, с. 10]. Обратившись к работам классиков теоретико-правовой науки, отмечавшим допустимость существования фактов-состояний (Я.Л. Явич, Н.Л. Гранат и др.), позволим себе предположить присутствие в общерегулятивных правоотношениях такого юридического факта, как обещание, гипотетически предполагающего дальнейшее наступление правовых последствий. Данный тезис основывается на анализе не только доктринальных источников, в рамках которых авторы уже предпринимали попытку юридизировать социальный феномен «обещание», но и на анализе норм законодательства и правоприменительной практики.

Обещание, с точки зрения русского языка, означает «добровольно данное обязательство сделать, выполнить что-либо» [7, с. 375]. Подобное лаконичное толкование столь глубокого термина открывает для нас возможность поразмышлять над иными, собственными вариантами интерпретации. Как думается, *обещание в праве может рассматриваться как устное и (или) письменное сообщение информации о планируемых деяниях, предусматривающее их безотлагательное выполнение, в силу чего влекущее наступление правовых последствий.*

Обещание, по нашему мнению, уместно включать в конструкцию правоотношений в качестве юридического факта. Если жизненные факты, т.е. события, происшествия, явления, с которыми в праве связывается возникновение, изменение либо прекращение отношений, именуют юридическими фактами, то и обязательство выполнения чего-либо, вызывающее правовые последствия, является юридическим фактом.

Поскольку деятельностный аспект в конструкции обещаний предполагает обращение к институту правового поведения, логичным будет сделать акцент на различии таких *обещаний*, как *правовые (правомерные) и противоправные.*

Примером правомерного вида является обещание дарения, т.е. «ясно выраженное намерение совершить в будущем безвозмездную передачу вещи» [8]. При этом в рамках традиционных представлений о правоотношениях может сложиться мнение, что обещание должно в обязательном порядке быть оформлено документально, но трансформация социальных связей в условиях современности показывает иное. Так, обещание, сделанное в переписке с использованием мессенджеров, возможно зафиксировать нотариально, что придаст ему качество юридического факта с образованием правовых последствий [9].

Как представляется, наиболее яркий пример противоправного обещания – угроза (убийства, причинения тяжкого вреда здоровью и пр.). Это тоже по своей сути добровольное обязательство, но направленное на совершение действий, причиняющих вред общественным отношениям, нарушающее права и свободы граждан. Характерно, что в качестве юридического факта может быть интерпретировано не только обещание, сделанное в рамках устной передачи информации (словесные высказывания и пр.), но и жестовое обязательство (так называемые, угрожающие действия в виде демонстрации оружия и пр.) [10].

Полагаем, что основной связующей скрепой между обещаниями и ожиданиями правовых последствий будет *эквивалентность*, т.е. степень соразмерности, соответствия осуществляемых действий (например, прикладываемых государством усилий по воздействию на отношения) и результата этих действий. Во многом данный аспект зависим от правосознания, предопределен его уровнем. С этой точки зрения, к примеру, ожидания от обещаемых изменений законодательства могут быть *оправданными* либо *обманутыми*. Из последних новелл законодательства, зарекомендовавших себя и с позиции истинности в части отражения объективной действительности, и с точки зрения исполнимости, т.е. доказавшие на практике не только актуальность их принятия, но и верно выбранные средства и подходы к правовому регулированию, можно назвать пакет законов о самозанятых гражданах (по данным исследования Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства на сегодняшний день в России зарегистриро-

вано более 4,5 млн самозанятых граждан, из которых свыше 1 млн – в Москве) [11]. Примером также выступает участие в долевом строительстве жилья посредством открытия эскроу-счета. Российская модель защиты участников долевого строительства многоквартирных жилых домов, при которой заключать договоры с дольщиками могут только добросовестные застройщики, внесенные в реестр, а финансовые средства, размещенные на эскроу-счете, могут быть освоены ими лишь при условии ввода объекта в эксплуатацию, признана положительной и, в качестве опыта, перенимается соседними государствами [12].

С обманутыми ожиданиями вопрос стоит острее. В силу оценочного характера восприятия сделанных государством обещаний не всегда просто определиться: чьи ожидания должен (или мог бы) оправдать закон? Здесь полагаем верным исходить из социальной природы нашего государства, установленной Конституцией РФ, что подсказывает соответствующий ориентир: любая правовая норма должна обеспечивать приоритет прав и свобод человека, служить повышению благосостояния населения и пр. С этой точки зрения в памяти возникает несколько «провальных» законодательных изменений, не оправдавших обещания (как на наш взгляд, так и по мнению аутентичного источника). К их числу можно отнести, к примеру, «монетизацию льгот» или реформу жилищно-коммунального хозяйства. Так, экспертное сообщество в целом признает правильность выбранного в начале 2000-х гг. курса на оздоровление экономики за счет отказа от натуральных льгот. Однако правовые меры, которыми он был осуществлен, считают неподготовленными [13]. Что касается принимаемых государством мер и сделанных обещаний по реформированию сферы жилищно-коммунального хозяйства, хотелось бы отметить, что, несмотря на создание единых центров расчетов, гибкий подход к формированию платежных документов, ведение реестров недобросовестных управляющих компаний и пр., большей частью населения результаты предпринятых мер оцениваются невысоко. Указанное обуславливается не только стабильно растущей стоимостью предоставляемых услуг гражданам, но и недостаточностью их качества [14].

Тезисно изложенный материал позволяет резюмировать:

– соответствие правовых обещаний и законных ожиданий друг другу, их корреляция, обеспечивают такой системообразующий государственно-правовой феномен как *доверие*, выражающийся в *чувственной рефлексии сознания индивида, основанной, в числе прочего, на ожидании положительных, достойных уровню правового государства, справедливых правоотношений, их стабильности и устойчивости;*

– одним из инструментов снижения рисков обманутых ожиданий ввиду нарушенного или невыполненного правомерного обещания выступает применение специальных моделей правового воздействия, к числу которых относятся опережающее правотворчество, правовое экспериментирование, применение правотворческого опыта и др. В рамках опережающего правотворчества и законотворческих экспериментов орган публичной власти имеет возможность испытать действие нового правового предписания в усеченных временных и территориальных границах при помощи установления норм-изъятий и норм-дополнений. Правотворческий опыт позволяет использовать ранее успешно апробированный подход к воздействию на общественные отношения, зарекомендовавший себя на ином уровне законодательства (к примеру, региональном).

Список использованной литературы

1. Головкин Р.Б. Обещание в праве / Р.Б. Головкин, А.В. Гудкова // Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – № 2 (59). – С. 160–164.

2. Алексеев С.С. Проблемы теории права: основные вопросы общей теории социалистического права. Курс лекций. В 2 т. Т. 1 / С.С. Алексеев ; науч. ред. Р.К. Русинов ; отв. за вып. В.М. Семенов. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – 396 с.

3. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения / Ю.И. Гревцов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 83 с.

4. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношениях / Р.О. Халфина. – Москва : Юрид. лит., 1974. – 351 с.

5. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н.Г. Александров. – Москва : Госюриздат, 1955. – 176 с.

6. Полищук Н.И. Эволюция и состояние теоретической модели взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н.И. Полищук. – Москва, 2008. – 56 с.

7. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 2 : М-П / Т.Ф. Ефремова. – Москва : АСТ : Астрель, 2006. – 1160 с.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ : (в ред. от 01.07.2021 г., с изм. от 08.07.2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410 ; 2021. – № 27. – Ст. 5123.

9. Нотариус рассказала, как сделать переписку в чате аргументом в суде // Российская газета. – 2020. – 7 окт.

10. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 14.12.2014 г. № 16 // Российская газета. – 2014. – 12 дек.

11. Крупный и средний бизнес начал активнее сотрудничать с самозанятыми // Российская газета. – 2022. – 4 мая.

12. Безопасный эскроу-счет // Российская газета. – 2022. – 12 янв.

13. Монетизация льгот в России: десять лет спустя // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20140822/1020935104.html>? (дата обращения: 16.01.2022).

14. В Москве выросли тарифы на жилищно-коммунальные услуги // Российская газета. – 2022. – 22 янв.

Информация об авторе

Артем Григорьевич Репьев – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: repev-artem@yandex.ru.

Author

Artem Grigorievich Repev – Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: repev-artem@yandex.ru.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Рассматриваются вопросы формирования правовой политики в Российской Федерации и зарубежных странах в отношении регулирования новых направлений инновационной медицины, таких как биомедицина, телемедицина, а также использование искусственного интеллекта в медицине.

Ключевые слова: правовая политика, здравоохранение, инновационная медицина, биомедицина, телемедицина.

E.E. Chernykh

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF INNOVATIVE MEDICINE IN FOREIGN CRIMINAL LEGISLATION

The issues of the formation of legal policy in the Russian Federation and foreign countries in relation to the regulation of new areas of innovative medicine, such as biomedicine, telemedicine, as well as the use of artificial intelligence in medicine, are considered.

Key words: legal policy, healthcare, innovative medicine, biomedicine, telemedicine.

В соответствии с Указом Президента РФ от 06.06.2019 г. №254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» решение основных задач развития здравоохранения в Российской Федерации должно осуществляться по нескольким приоритетным направлениям, в том числе разработка новых медицинских технологий и их внедрение в систему здравоохранения, широкое внедрение механизма направленного инновационного развития, позволяющего сократить цикл создания нового продукта – от его разработки до вывода на рынок, и поддержка наиболее актуальных и востребованных направлений медицинской науки¹.

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2019).

Инновация в отношении сферы здравоохранения обладает некоторыми отличительными чертами. Прежде всего, это жесткие механизмы регулирования и контроля, обеспечивающие строгую объективную оценку соответствующих врачебных технологий с точки зрения их качества, эффективности и безопасности; высокий уровень финансовых затрат на проведение научно-исследовательской деятельности, на ее апробирование, опытные разработки, что при этом непрерывно сопровождается чрезмерными предвидимыми рисками; существенная зависимость от взаимодействия с государственным сектором, обеспечивающим результаты фундаментальных исследований, финансовую и инфраструктурную поддержку, а также влияющим на рынок готовой продукции; повышенное социальное внимание, поддерживаемое в том числе имманентной этической составляющей медицинских исследований и потенциальными негативными последствиями слишком жесткого контроля или чрезмерно ограничительного управления технологиями и интеллектуальной собственностью для здравоохранения.

В настоящий момент исходя из активности финансирования, разработки и внедрения обозначенных направлений инновационной медицины, увеличением объемов соответствующих научно-исследовательских работ, вниманием и поддержкой общественности к ним, потребностями их правового регулирования, рисками их правореализации, а также приоритетами проводимой государственной политики можно выделить следующие направления инновационной медицины:

- биомедицина;
- искусственный интеллект;
- телемедицина.

Безусловно, их реальное количество может быть представлено значительно большим количеством элементов, кроме того с развитием общественных отношений, сопровождающихся стремительным технологическим прогрессом, их численные показатели также будут возрастать.

Далеко не все эти сферы нуждаются в наличии специализированных законодательных актов, тогда как общие руководящие начала, раскрывающие понятийный аппарат, принципы функционирования, критерии правореализации, государственные гарантии и ответственность являются «жизненно необходимыми» для их стабильного существования и развития.

Как правило, нормативные акты носят общий характер и предусматривают общие правовые рамки применения указанных направлений инновационной медицины¹.

В силу этого недостаточная развитость механизма нормативных установлений закономерно предопределяет неприспособленность гражданского общества к глобализации, детерминирует социальную пассивность и дистанцированность.

Помимо этого, отсутствие надлежащей правовой регламентации влечет кучу рисков применения элементов цифрового здравоохранения вплоть до рисков жизни пациентов.

Кроме того, стоит учитывать, что состояние правоприменения и государственного контроля в исследуемой области познания непосредственно зависит от целой совокупности факторов культурного, социального, экономического и политического характера, определяющих различие не только существующих на международной арене законодательных подходов, но и общее состояние развития соответствующих юридических механизмов.

Концепция зарубежной правовой политики в указанной сфере выстроена на весьма противоречивом подходе. Прежде всего, зарубежный законодатель стремится занять лидирующие позиции, устанавливая большое количество императивных ограничений, вместо обстоятельной юридической поддержки. Ключевая причина это фактическая несформированность опыта правовой регламентации цифровых технологий на межотраслевом уровне.

Мы понимаем, что особенность правового регулирования определена прежде всего принадлежностью к той или иной правовой семье.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ ; О порядке организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий : письмо Минздрава России от 9 апр. 2018 г. № 18-2/0579 ; Об утверждении Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации : приказ Минздрава РФ № 344, РАМН № 76 от 27 авг. 2001 г. ; Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258 ; Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27 июля 2006 г. №149 ; Об обеспечении создания системы «Телемедицина Подмосковья» : приказ М-ва здравоохранения Моск. обл. от 25 нояб. 2008 г. № 726 ; О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490.

Основными чертами правовой политики регулирования инновационной медицины романо-германской правовой семьи являются:

1. Поступательная либерализация законодательства и сегментированный отказ от запретов на реализацию цифровой медицины оказывают значительное влияние на эффективность реализации национальных государственных стратегий развития в соответствующей области общественных отношений.

2. Специфика действующих механизмов правового регулирования свидетельствует о доминировании сдерживающего подхода в отношении внедрения исследуемых инноваций.

3. Цифровизация здравоохранения, как правило, носит весьма условный характер, что проявляется в выборочном подходе к модернизации ее конструктивных элементов.

4. Во многих развивающихся странах отсутствует единая стандартизированная политика в области телемедицины, что оказывает крайне негативное влияние на процедуры разработки подобных услуг и программного обеспечения, а также их внедрения.

5. Слабая нормативно-правовая база, связанная с возмещением расходов в государственном и частном секторах за соответствующие услуги.

6. В отдельных странах обозначен политический курс на развитие данного инновационного направления, однако фактически отсутствует системно-структурный подход к цифровизации здравоохранения.

7. Императивная приоритетность очного посещения врача перед дистанционным приемом.

Современное состояние правовой политики англосаксонской правовой семьи, регламентирующей сферу цифрового здравоохранения имеет следующие отличительные черты:

1. Координирующий характер нормативных предписаний, оказывающий минимальное сдерживающее влияние на потенциал цифровой медицины.

2. Сохранение юридикно-технического баланса между обязывающими, запрещающими и управомочивающими нормами, что способствует формированию механизма правового контроля, обеспечивающего не только безопасность, но и практическую эффективность соответствующих инноваций.

3. Отсутствие императивных положений, регламентирующих первичное посещение врача пациентом, как обязательное условие для реализации телемедицины.

4. Преобладание территориального принципа осуществления соответствующей врачебной деятельности, ограничивающего доступ пациентов к докторам из других субъектов страны.

5. Наличие двусторонних критериев правомерности осуществления телемедицины, распространяющихся как на пациента, так и на поставщика соответствующих услуг.

6. Относительно лояльный подход к услугам цифрового здравоохранения, которые могут осуществляться как на договорной, так и на внедоговорной основе, однако при данных обстоятельствах они в большей степени будут сводиться к консультациям.

7. Отсутствие ярко выраженного отраслевого влияния информационной, коммуникационной и технологической сфер на правовое регулирование исследуемой сфере общественных отношений, в рамках которых внимание законодателя сконцентрировано не столько на вопросах обеспечения безопасности частной жизни, сколько на сохранении здоровья и аспектах страхования.

Несмотря на столь активное развитие и успешную работу в области инновационной медицины, она еще не стала неотъемлемой частью действующей системы здравоохранения. Тогда как достижение желаемых результатов в данном направлении непосредственно зависит от того, станет ли оно самостоятельным сегментом исследуемой профессиональной деятельности, а не вспомогательным средством для ее традиционной реализации. Современные реалии диктуют условия по принудительному выходу из экспериментального режима на этап полноценного внедрения и функционирования в соответствии с запросами гражданского общества. Ведущую роль в решении этого вопроса играет государство, призванное обеспечить доступную недорогую и качественную врачебную помощь для своего населения. Тогда как восполнить этот пробел могут только альтернативные и инновационные методы, такие как телемедицина, текущее удовлетворительное состояние которой даже в развивающихся странах имеет весьма относительный характер и переживает стадию кризиса.

Информация об авторе

Евгения Евгеньевна Черных – декан юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент.

Author

Evgeniya Evgenievna Chernykh – Dean of the Faculty of Law, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Ph.D. in Law, Associate Professor.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И МОНГОЛИИ

Вопросы борьбы с коррупцией имеют длительную историческую составляющую как в России, так и в Монголии. В данной статье исследовано законодательство в сфере противодействия коррупции двух соседних стран.

Ключевые слова: законодательство Монголии, противодействие коррупции, антикоррупционные реформы, коррупция, взятка.

E.E. Stepanova

COUNTERACTING CORRUPTION: COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND MONGOLIAN LEGISLATION

Anti-corruption issues have a long historical component both in Russia and Mongolia. This article examines the anti-corruption legislation of two neighboring countries.

Key words: legislation of Mongolia, anti-corruption, anti-corruption reforms, corruption, bribery.

Правовое регулирование вопросов противодействия коррупции формируется на федеральном уровне. В России с 2008 г. действует Федеральный закон «О противодействии коррупции»¹. В Монголии с 2006 г. действует Закон «Против коррупции».

Изучение коррупционных преступлений должно включать в себя и анализ причин появления данного вида преступлений, а также причин изменения их количества. Отметим, что детерминация преступлений коррупционной направленности, по нашему мнению, в общем и целом является одинаковой для различных стран, что фактически делает ее проблемой, которая

¹ О противодействии коррупции : Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6228.

может быть освещена и проанализирована не только на национальном уровне, но и на международном. Отметим деятельность независимого агентства по борьбе с коррупцией (ИААС), однако в Монголии региональных отделений данных организаций не создано [1, с. 39]. В Монголии, как и в России, не созданы специализированные суды по делам, связанным с коррупцией.

Статья 2 Закона Монголии «О коррупции» среди актов, которые составляют правовую основу борьбы с преступностью, называет Конституцию Монголии, международные договоры в сфере борьбы с коррупцией, упомянутый закон и иные законы, которые приняты в соответствии с ним, а также НПА Парламента Монголии (Великого Хурала Монголии).

Статья 2 Федерального закона «О противодействии коррупции» фактически содержит аналогичный перечень нормативно-правовых актов, расширяя его за счет указания на нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты. Данное отличие является вполне естественным в свете того, что Россия – федеративное государство, а Монголия – унитарное.

Конституция ни России, ни Монголии напрямую не содержит упоминания коррупции. Конституции предусматривают основные права и свободы граждан, а также механизмы их защиты. Коррупционные действия нарушают данные права или же мешают их реализации, в свете чего можно говорить о том, что государство, осуществляя функцию по противодействию коррупции, выполняет свои обязательства по защите прав и свобод граждан [6, с. 42].

Россия, как и Монголия, основывает антикоррупционную деятельность на Конвенции ООН «О противодействии коррупции». Данный правовой акт Монголия ратифицировала в 2005 г., а Россия – в 2006-м, тем самым страны взяли на себя обязательство соблюдать нормы данного международного акта¹.

Понятие коррупции в российском законодательстве приведено в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ. Его основой является положение, согласно которому коррупция есть «незаконное использование физическим лицом своего

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленар. заседании 58-й сес. Генер. Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. Окт.

должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды», а также действия, связанные с злоупотреблением должностными полномочиями, их превышением, с получением взятки или коммерческим подкупом и иными схожими действиями, произведенными от имени или в интересах юридического лица.

Понятие коррупции в монгольском законодательстве содержится в Законе Монголии «Против коррупции» и формулируется как «деяние в виде незаконного использования своего должностного положения в целях получения материальной выгоды или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц»¹. В данном определении не содержится указания на активные действия, производимые физическими лицами (в том числе от имени юридического лица), направленные на подкуп должностного лица.

Понятие коррупционного преступления может быть раскрыто в широком и узком смысле. В узком смысле к коррупционным преступлениям относятся преступления, связанные с злоупотреблением должностными полномочиями, их превышением, с дачей и получение взятки, посредничество во взяточничестве и нецелевое расходование бюджетных средств. В России указанием Прокуратуры сформирован список, в котором перечислены преступления коррупционной направленности, признаваемые таковыми как безусловно, так и с некоторыми условиями².

В борьбе с коррупцией на законодательном уровне наибольшее значение имеет уголовное законодательство. В Уголовном кодексе России преступления коррупционной направленности являются составляющей частью гл. 30.

Составы, которые охватывают преступления коррупционной направленности, в Уголовном кодексе Монголии содержатся в гл. 22 «Коррупционные преступления» [9, с. 102].

Объем статей в Уголовных кодексах Монголии и России примерно одинаковый, однако законодательство Монголии об-

¹ Против коррупции : Закон Монголии от 6 июля 2006 г. // Собрание законодательства Монголии. 2017. 14 янв. № 2.

² О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 г. : (ред. от 13.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

ращает больше внимания на классификацию должностных лиц. В частности, ст. 4 Закона Монголии «О коррупции» подробно перечислены лица, в отношении которых он действует. Данные лица в обязательном порядке должны декларировать имеющееся у них имущество и размер дохода. При этом, как отмечает Бат-Улзий Даваажав, данный список содержит не исчерпывающий перечень должностных лиц, которые могут быть уличены в совершении коррупционных деяний [2, с. 87]. Автор полагает, что данный аспект требует своего изменения следующим образом: в законе Монголии «О коррупции» должно быть дано полное, исчерпывающее определение государственного лица, а перечень должностных и иных лиц, которые могут быть уличены в коррупционных преступлениях, исключен из текста указанного закона. Подход к определению лиц, которые могут быть уличены в совершении коррупционных действий, в российском законодательстве проработан несколько лучше. Статья 8 Федерального закона «О коррупции» содержит подробный перечень лиц, которые в обязательном порядке должны предоставлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Приведем в качестве примера анализ наиболее распространенного коррупционного преступления «получение взятки» с точки зрения его квалифицирующих признаков.

Квалифицированной взяткой, согласно ч. 5 ст. 290, является получение ее группой лиц или организованной группой; получение ее путем вымогательства или в крупном размере. Таким образом, мы здесь наблюдаем альтернативность в выборе квалифицирующих признаков. Часть 5 ст. 22.4 УК Монголии также указывает на получение взятки влиятельным политическим лицом или организованной преступной группой, но связывает это с использованием вымогательства. Санкции по российскому законодательству в таком случае предусматривают максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 12 лет со штрафом или лишением права занимать определенные должности. Санкции по монгольскому законодательству предусматривают максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 8 лет либо лишение права занимать определенные должности и выплату штрафа. Таким образом, различие опять в альтернативности, но не в виде наказания. Разница в сроках наказания и размерах штрафа есть. Штраф по российскому законодательству составляет от 2 до

4 млн р., а по монгольскому – от 10 тыс. до 40 тыс. тугриков, что по курсу на январь 2023 г. составляет примерно от 200 до 800 тыс. р. В среднем срок наказания за квалифицированный состав взятки для России, так и для Монголии не сильно различается.

Отметим, что в тексте ст. 290 УК РФ используется понятие иностранного должностного лица и особо крупного размера взятки, а в ст. 22.4 УК Монголии понятия публичного политического лица.

Примечательно, что и Россия, и Монголия периодически обновляют принятые национальные программы противодействия коррупции. В России Указом Президента утвержден Национальный План противодействия коррупции на 2021–2024 годы, который предусматривает не только предупреждение и пресечение коррупции, но и ликвидацию последствий, причиненных коррупционными действиями должностных лиц. Национальная программа противодействия коррупции в Монголии предусматривает выявление коррупции в государственном секторе, в частном секторе и в политических партиях. Обе программы говорят о необходимости донесения до сознания народа того факта, что коррупция недопустима в гражданском обществе и должна быть искоренена, в том числе сознательными действиями самих граждан. Недостатком программы противодействия коррупции в Монголии является отсутствие мер по возвращению денежных средств, выведенных из страны в результате совершения коррупционных действий. Также нет в Монголии и правовых оснований, позволяющих совершать проверку в отношении наличия у должностных лиц офшорных счетов. В России ст. 7.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» прямо перечисляет лиц, в отношении которых действует запрет на открытие счетов в иностранных банках, расположенных не на территории Российской Федерации. Несоблюдение установленных данной статьей правил влечет за собой освобождение от занимаемой должности, прекращение полномочий досрочно или увольнение в связи с утратой доверия. К сожалению, данный запрет не в полной мере препятствует обозначенной в законодательстве категории лиц иметь счета в зарубежных банках и хранить в них ценности, что является прямым нарушением антикоррупционного законодательства [7, с. 86].

Правовое регулирование профилактики и противодействия коррупции реализуется многочисленными нормативными актами, среди которых для России отметим федеральные законы, указы Президента РФ (например, «О некоторых вопросах противодействия коррупции»¹), постановления Правительства РФ (например, «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия»²), иные нормативно-правовые акты (например, Приказ Минпросвещения «Об утверждении Плана противодействия коррупции Министерства просвещения Российской Федерации на 2021–2024 годы»³), судебные акты (постановления Пленума ВС РФ), нормативно-правовые акты учреждений, информационные письма и методические рекомендации. Как отмечает Ганмягмар Болор-Эрдэнэ, в Монгольском законодательстве документов, принятых на республиканском уровне, несколько меньше [4, с. 7].

Ответственность за коррупцию в Монголии прописана не только в Уголовном кодексе, но и, например, в законодательстве о закупках [5, с. 93]. В российском законодательстве составы коррупционных преступлений отдельно в законодательство о закупках (и в иных случаях), не выносятся.

Эффективность антикоррупционного законодательства приближенно можно оценить с помощью коррупционного индекса и ранга коррупции, который в 2021 г. для России составил 29 баллов (из 100), что соответствует 136-му месту (рангу) из 180, а для Монголии – 35 баллов, что соответствует 110-му месту [6, с. 1].

Таким образом, решающее значение в борьбе с коррупцией имеет защита прав человека. Так, где система защиты отлажена наилучшим образом, коррупционная составляющая меньше. При этом как для России, так и для Монголии можно говорить об отсутствии значительных успехов в борьбе с коррупцией в государственном секторе. Данное положение вещей

¹ О некоторых вопросах противодействия коррупции : Указ Президента РФ от 8 марта 2015 г. № 120 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1506.

² О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия : Постановление Правительства РФ от 5 марта 2018 г. № 228 // Там же. 2018. № 12. Ст. 1678.

³ Об утверждении Плана противодействия коррупции Министерства просвещения Российской Федерации на 2022–2024 годы : Приказ М-ва просвещения РФ от 16 февр. 2022 г. № 81 // СПС «КонсультантПлюс».

отмечается для многих стран нашего мира и является проблемой международного уровня.

Следует отметить, что для Монголии динамика количества коррупционных преступлений за последние десять лет увеличивается, а для России уменьшается [3, с. 17]. Плачевность ситуации с коррупцией в Монголии подтверждается наличием бунтов, направленных против коррупции. Для России такое поведение не характерно, и выяснение причин данного факта не входит в сферу задач данной статьи. Представляется целесообразным ужесточение ответственности за коррупцию в Монголии, при этом в целом для Азии характерно использование достаточно радикальных мер в борьбе с коррупцией [10, с. 372].

Анализ законодательства России и Монголии в сфере коррупции показывает, что значительных, принципиальных отличий они не имеют. Это касается как объема правового регулирования, так и видов преступлений, которые признаются коррупционными. Анализ размеров санкций за наиболее распространенные коррупционные преступления также не выявляет принципиальных различий.

Объяснение факта непринципиального различия законодательства в сфере коррупции объясняется сходными условиями ее формирования и проявления. Обе страны имеют примерно одинаковый уровень коррупции. Различия проявляются в степени проработанности отдельных моментов по вопросам профилактики, пресечения и противодействия коррупционным действиям должностных и иных лиц.

Список использованной литературы

1. Анतिकоррупционные реформы в Монголии. 4-й раунд мониторинга в рамках Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией // ОЭСР. – 2019. – 164 с.

2. Бат-Улзий Даваажав. Актуальные проблемы в антикоррупционном законодательстве Монголии / Бат-Улзий Даваажав // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – №4. – С. 85–89.

3. Бат-Улзий Даваажав. Предупреждение коррупционной преступности в Монголии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Бат-Улзий Даваажав. – Москва, 2017. – 25 с.

4. Ганмягмар Болор-Эрдэнэ. Сравнительный анализ законодательства о профилактике преступлений в Монголии и России / Ганмягмар Болор-Эрдэнэ // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – №1 (68). – С. 15–20.

5. Правовое регулирование закупочной деятельности России, Китая и Монголии: некоторые аспекты противодействия коррупции / Ж.П. Гунзынов, М.Ю. Дондокова, З.А. Коновалова, А.Н. Мяханова, Д.В. Синьков // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8, №1. – С. 88–96.

6. Индекс восприятия коррупции. – URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021> (дата обращения 05.01.2023).

7. Сыпачев А.Ю. Выявление фактов наличия у федеральных государственных гражданских служащих и членов их семей счетов в зарубежных банках за пределами Российской Федерации / А.Ю. Сыпачев // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 86–91.

8. Ткачев С.В. Конституционно-правовые основы противодействия коррупции в российской федерации / С.В. Ткачев // Образование и право. – 2020. – № 8. – С. 42–47.

9. Уголовный кодекс Монголии // МВД РФ Омская Академия. – Омск, 2020. – 145 с.

10. Янкин Г.Н. Об улучшении эффективности расследования коррупционных правонарушений и преступлений в Российской Федерации / Г.Н. Янкин // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – №3 (24). – С. 371–376.

Информация об авторе

Елена Евгеньевна Степанова – заведующая отделом научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: kanuzelelena@inbox.ru.

Author

Elena Evgenievna Stepanova – Head of the Department of Scientific Information, Publishing and Bibliographic Support of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. E-mail: kanuzelelena@inbox.ru.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В МИРЕ И В РОССИИ: ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД

Тезисы посвящены вопросу противодействия коррупции. Акцентируется внимание на прогрессивных шагах международного сообщества в деле противодействия коррупции. Подчеркивается развитость института международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции. Определяется специфика его организационного и международно-правового механизмов. Уделяется внимание статистическим данным международных и внутрироссийских показателей коррупции, доказывающим, что актуальность проблемы в мире и в стране не ослабевает. Выявляются отдельные недостатки подготовки такого рода данных в отношении России, связанные с политизированным характером результатов и выводов. Предлагается тезисный критический анализ правового регулирования понятия коррупции на международно-правовом и национальном уровнях. Концентрируется внимание на отдельной проблематике законодательного регулирования понятия коррупции и принципов противодействия коррупции в российском законодательстве. Сделан вывод о необходимости внесения изменений и дополнений в Федеральный закон «О противодействии коррупции», построенных на концепции комплексности подхода к пониманию коррупции и определению состава принципов противодействия коррупции, основывающихся на сочетании научного обоснования и практики применения.

Ключевые слова: противодействие коррупции, международный уровень, национальный уровень, понятие коррупции, принципы противодействия коррупции, сочетание научного обоснования и практики применения.

N.V. Keshikova

ANTI-CORRUPTION IN THE WORLD AND IN RUSSIA: ONE STEP FORWARD, TWO STEPS BACK

The theses are devoted to the issue of combating corruption. The attention is focused on the progressive steps of the internation-

al community in combating corruption. The development of the Institute of international cooperation in the field of anti-corruption is emphasized. The specifics of its organizational and international legal mechanisms are determined. Attention is paid to statistical data on international and domestic indicators of corruption, proving that the relevance of the problem in the world and in the country is not weakening. Some shortcomings of the preparation of such data in relation to Russia are identified, related to the politicized nature of the results and conclusions. A thesis critical analysis of the legal regulation of the concept of corruption at the international legal and national levels is proposed. The attention is focused on a separate problem of legislative regulation of the concept of corruption and the principles of combating corruption in Russian legislation. It is concluded that it is necessary to make amendments and additions to the Federal Law «On Combating Corruption», based on the concept of a comprehensive approach to understanding corruption and determining the composition of anti-corruption principles based on a combination of scientific justification and application practice.

Key words: anti-corruption, international level, national level, the concept of corruption, anti-corruption principles, a combination of scientific justification and practical application.

Как известно, масштабы коррумпированности не определяются государственными границами. Поэтому ограничиваться антикоррупционными усилиями, не выходя за пределы национальных государств, если рассчитываешь на серьезный успех, сегодня уже невозможно и бесперспективно. Всестороннее изучение и конструктивное использование зарубежного опыта и международных практик в сфере борьбы с коррупцией для России крайне важно, причем как с научной, так и с практической точки зрения [7].

Следует отметить, что международное сообщество исторически в деле противодействия коррупции предприняло, можно сказать, невероятные усилия, результатом которых стал шаг вперед в решении поставленных целей – становление международно-правового механизма противодействия коррупции. Апофеозом истории становления и развития международно-правового регулирования можно назвать принятие Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. Конвенции против коррупции, в которой на универсальном договорном уровне

установлены руководящие начала, положенные в основу взаимодействия государств в данной сфере – системность, честность и прозрачность, а также сотрудничество [6]. Благодаря чему международное сотрудничество государств по противодействию коррупции приобрело практически всемирный, сложноорганизованный, многомерный характер. Организационный механизм такого рода сотрудничества предполагает, с одной стороны, наличие институционального звена – развитой системы действующих под эгидой ООН международных организаций (на универсальном уровне – OECD; FATF; ИНТОСАИ; GRECO; на региональном – СЕ, СНГ), а также функционального – разнообразных по качеству и неоднородных по количеству мер, реализуемых государствами практически во всех жизненно важных сферах существования международного сообщества в целом и каждого отдельно взятого государства в нем. В свою очередь, международно-правовой механизм сотрудничества в заданной сфере может претендовать на обладание многоуровневой (универсальной и региональной – общей, специальной; кластерной, отраслевой) системой прошедших правореализационную и правоприменительную апробацию международно-правовых актов.

Тем не менее анализ международных и внутрироссийских показателей коррупции показывает, что острота проблемы в мире и в стране не ослабевает. Индекс восприятия коррупции (далее – ИВК) 2022 г. показывает, что большинству стран не удается остановить коррупцию. Среднее мировое значение остается неизменным уже более десяти лет и составляет всего 43 балла из 100. Более двух третей стран имеют рейтинг ниже 50. Наблюдаются те или иные отступления, шаги назад в деле противодействия коррупции. Так, согласно ИВК, несмотря на согласованные усилия и с трудом достигнутые некоторыми успехи, 155 стран не добились значительного прогресса в борьбе с коррупцией или снизились с 2012 г. А 26 стран вообще опустились до самого низкого уровня. В частности, согласно рейтингу Transparency International, значение Индекса восприятия коррупции за 2022 г. (ежегодный составной индекс, измеряющий ее уровень) составил в Южном Судане 13 баллов, в Сирии – 13 баллов, в Сомали – 12 баллов [2].

Следует заметить, что, по оценке «Трансперенси Интернешнл», Индекс восприятия коррупции в государственном сек-

торе различных стран мира составил в России 28 баллов (137-е место из 180 стран) [10]. Вызывает определенное сомнение объективность и беспристрастность оценки ситуации в России «Трансперенси Интернешнл», которая расценивает все действия, предпринятые Россией и Правительством РФ в ответ на санкционное давление, для защиты системы банковской отчетности, государственных закупок, персональных данных, данных о составе семьи служащих [8] с явно политизированных позиций. Особенно это зримо проявляется на фоне этого же индекса на Украине, где, по оценке «Трансперенси Интернешнл», демонстрируется прогресс – плюс 1 балл (33) [2]. Хотя в начале 2022 г. Transparency International предоставила Украине пять конкретных рекомендаций, выполнение которых могло бы значительно улучшить наши показатели в исследовании. «Ни одна из этих рекомендаций не была выполнена полностью, четыре были выполнены частично, а одна не была выполнена вообще», – заявил исполнительный директор Transparency International Украина Андрей Боровик, чьи слова приводятся на сайте. Он добавил, что в отчет организации за 2022 г. не вошли последние громкие антикоррупционные расследования, потрясшие Украину в январе. По его словам, они могут серьезно понизить показатели Украины в борьбе с коррупцией [3].

Перейдем к опыту правового регулирования противодействия коррупции в мире и в России. Начнем с азов, а именно с понятия коррупции. В международной правотворческой практике встречаются два варианта дефинирования коррупции. В первом случае имеет место прямое определение понятия коррупции путем включения в его содержание признаков, раскрывающих ее сущность. Это характерно для Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1978 г. Авторы понятия коррупции, исходя из деятельностной ее характеристики, определили это явление как «совершение или не совершение какого либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие» (п. «b» комментария к ст. 7) [4]. Во втором варианте определения понятия коррупции имеет место отсылка к перечню коррупционных правонарушений. Например, в Конвенции

о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 г. [5] коррупция понимается как просьба, предложение, дача и получение, прямо или опосредовано, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или перспектив таковых, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведения, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или перспектив таковых». Следует подчеркнуть, что второй вариант значительно сужает представление о коррупции, не раскрывает сущности и содержания данного явления.

Зададимся вопросом, по какому пути пошло дефинирование коррупции на национально-правовом уровне регулирования. Существующие результаты концептуального анализа доказывают, что данный уровень также не отличается унифицированным подходом, сложились две противоположные позиции среди государств. В одной группе государств до сих пор отсутствует легальное определение понятия «коррупция» (Австрии, Великобритании, США и др.). В другой – дефиниция напрямую закрепляется в нормативных актах (ФРГ, Япония, Венесуэла и иных). По понятным причинам нас в большей степени интересует опыт дефинирования коррупции государствами второй группы. Однако в законодательстве таких государств, как правило, закрепляется не четкая дефиниция, а своего рода отсылка к перечню коррупционных правонарушений, подлежащих криминализации. Здесь суть термина коррупция означает или злоупотребление служебным положением на государственной службе (ФРГ) или противоправное деяние, выражающееся в умышленном использовании должностными лицами своего служебного статуса (Япония) или иное подобное противоправное поведение [7].

Что касается России, то она может быть отнесена ко второй группе государств, так как дефиниция коррупции напрямую установлена в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [9]. Тем самым, с одной стороны, российская законодательная практика сделала шаг вперед, закрепив впервые легальное понятие коррупции в федеральном законе. С другой – с позиции развития представления о коррупции на национальном уровне регулирования – такая тактика отечественного законодателя вполне может быть расценена как шаг назад. Потому как российский законодатель не изобрел новый вариант понимания коррупции, а пошел пу-

тем проторенным иностранным законодателем. Иначе говоря, определяя коррупцию, отечественный законодатель закрепляет в законе так называемое перечневое понятие, которое представляет собой ни что иное как исчерпывающий перечень определенных коррупционных проявлений, законодательно запрещенных. В результате заимствования такой ущербной иностранной законодательной практики за рамками отечественного закона остается сущность и содержание в понимании коррупции, что влечет за собой разрыв между теорией и законодательной практикой в процессе противодействия коррупции. Хотя справедливости ради нужно заметить, что в российской науке сложились взгляды представительной части ученых, раскрывающие суть и содержание коррупции как антисоциального общественно опасного явления, как-то: социально-правовое явление разложения отношений в разных сферах управления [1] или сложное, многоаспектное социальное явление, которое оказывает негативное влияние на все сферы жизни государства и общества и не просто снижает эффективность государственных институтов, а подрывает авторитет власти и престиж страны [11]. Кроме того, законодатель усматривает коррупционные проявления лишь в извлечении коррупционером выгоды материального характера, упуская из виду те, что не носят имущественного характера. Чтобы минимизировать отрицательный эффект сложившейся ситуации в правовом определении понимания коррупции, необходимо, взяв за основу мнение Т.Я. Хабриевой, внести изменения в п. 1) и подп. а) ст. 1 273-ФЗ, изложив их в следующей редакции: *«Коррупция – сложное, многоаспектное социальное явление, которое оказывает негативное влияние на все сферы жизни государства и общества, выражающееся в снижении эффективности государственных институтов, а также подрыве авторитета власти и престижа страны. Основными противоправными проявлениями коррупции являются: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного или неимущественного характера, иных имущественных и неимуществен-*

ных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами...»

Следуя своей все той же логике, одновременно федеральный законодатель не включил научность в систему принципов противодействия коррупции (ст. 3 273-ФЗ). Тем самым расхождение между теорией понимания коррупции и практикой осуществления антикоррупционной политики усугубляется. Поэтому в целях дальнейшего развития антикоррупционного законодательства в контексте проводимой в России антикоррупционной политики и закон, и практика применения должны опираться прежде всего на доктринальное осмысление природы и содержания как самой коррупции, так и указанной политики. В связи с чем представляется необходимым для обеспечения эффективности деятельности субъектов антикоррупционной политики в сфере противодействия коррупции включить принцип научности в ст. 3 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» как минимум путем внесения дополнения в ст. 3 п. 8 в следующей редакции: «Принцип сочетания научного обоснования и практики осуществления противодействия коррупции». Как максимум последовательно следует дополнить пункты 1–8 ст. 3, включив в каждый из них требования, входящие в содержание каждого из указанных в них принципов для единообразного их понимания и применения в практике противодействия коррупции.

Список использованной литературы

1. Астанин В.В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI–XX вв. (криминологическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Астанин. – Москва, 2015. – 209 с
2. Индекс восприятия коррупции – 2022. – URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2022> (дата обращения: 23.02.2023).
3. Киев не выполнил целиком ни одно предписание по борьбе с коррупцией в 2022 году. 31 января 2023 г. – URL: <https://iz.ru/1462807/2023-01-31/kiiev-ne-vypolnil-tcelikom-ni-odno-predpisanie-po-borbe-s-korruptciei-v-2022-godu> (дата обращения: 28.02.2023).
4. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка : принят резолюцией 34/169 Генер. Ассамблеи

ООН от 17 дек. 1979 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 28.02.2023).

5. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию ответственности за коррупцию. Страсбург, 4 ноября 1999 г. – URL: <https://rm.coe.int/168007f58d> (дата обращения: 28.02.2023).

6. Конвенция ООН против коррупции : принята резолюцией 58/4 Генер. Ассамблеи от 31 окт. 2003 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 28.02.2023).

7. Противодействие коррупции / И.В. Левакин, Е.В. Охотский, И.Е. Охотский, М.В. Шедий ; под общ. ред. Е.В. Охотского. – 3-е изд. – Москва : Юрайт, 2023. – 427 с.

8. Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции : указ Президента РФ от 29 дек. 2022 г. № 968 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1, ч. 1. – Ст. 195.

9. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ : (ред. от 6 февр. 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52, ч. 1. – Ст. 6228.

10. Россия в Индексе восприятия коррупции – 2022. – URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vozpriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vozpriyatiya-korruptcii-2022-28-ballov-i-137-e-mesto> (дата обращения: 28.02.2023).

11. Хабриева Т.Я. Противодействие коррупции: новые вызовы : монография / Т.Я. Хабриева С.Б. Иванов, Ю.А. Чиханчин. – Москва, 2016. – 148 с.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Кешикова – доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nvkesnikova2012@mail.ru.

Author

Natalia Vladimirovna Keshikova – Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Ph.D. in Law, Associate Professor.
E-mail: nvkeshikova2012@mail.ru.

ПРАКТИКА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ И РЕФЕРЕНДУМНЫХ ПРОЦЕДУР

Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ не предусмотрено непосредственного участия органов прокуратуры в осуществлении прокурорского надзора за участниками и организаторами выборов. Одновременно с этим избирательным и административно-процессуальным законодательством установлены категории дел, заявителями по которым могут выступать органы прокуратуры. Выделение таких категорий законодателем обусловлено наибольшей значимостью отдельных видов избирательных отношений для обеспечения избирательных прав граждан, результатов выборов. В данных условиях правового регулирования возникает объективная необходимость проведения историко-правового сравнительного анализа норм, регулирующих указанные полномочия прокуратуры, а также их актуального нормативного закрепления. По мнению автора статьи, это позволит установить особенности дихотомии правового регулирования судебной защиты избирательных прав органами прокуратуры, высказать предложения по совершенствованию существующего порядка их защиты.

Ключевые слова: органы прокуратуры, избирательные права, референдум, судебная защита прав.

E.L. Ivanova

PRACTICE OF PROSECUTION BODIES IN ENSURING THE LEGALITY OF ELECTORAL AND REFERENDUM PROCEDURES

Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» does not provide for the direct participation of the prosecutor's office in the exercise of prose-

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 : (в ред. от 29 дек. 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

cutorial supervision of participants and organizers of elections. At the same time, the electoral and administrative procedural legislation establishes categories of cases in which the Prosecutor's office can act as applicants. The selection of such categories by the legislator is due to the greatest importance of certain types of electoral relations for ensuring the electoral rights of citizens and election results. In these conditions of legal regulation, there is an objective need to conduct a historical and legal comparative analysis of the norms governing these powers of the prosecutor's office, as well as their actual normative consolidation. According to the author of the article, this will allow to establish the features of the dichotomy of legal regulation of judicial protection of electoral rights by the prosecutor's office, to make suggestions on improving the existing procedure for their protection.

Key words: prosecutor's office, electoral rights, referendum, judicial protection of rights.

В 2011 г. нами были высказаны некоторые замечания и предложения относительно процедуры судебной защиты избирательных прав и права на участие в референдуме [2], регулируемой в то время положениями Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ)¹. В частности, отмечалось, что в ст. 259 ГПК РФ прокурор как лицо, обладающее потенциальной возможностью обратиться в суд, обозначен только при подаче заявления о нарушении избирательных прав или права на участие в референдуме граждан Российской Федерации решениями или действиями (бездействием) органа государственной власти, органа местного самоуправления, общественных объединений, избирательной комиссии, комиссии референдума (ч. 1) и с заявлением об отмене регистрации кандидата (списка кандидатов) (ч. 3), в то время как в иных положениях федерального законодательства уже на тот момент предусматривалось как минимум еще три возможных случая, когда органы прокуратуры должны были предпринять соответствующие меры к устранению нарушений законности посредством обращения в суд с заявлением:

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ : (в ред. от 17 февр. 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 42. Ст. 4532.

1) об определении срока назначения выборов (п. 9 ст. 10 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹ (далее – Закон об основных гарантиях);

2) о назначении местного референдума (абзац второй ч. 5 ст. 22 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² (далее – Закон о местном самоуправлении);

3) об оспаривании решения представительного органа местного самоуправления о проведении местного референдума, а также решения, принятого на референдуме (ч. 9 ст. 22 Закона о местном самоуправлении).

В сентябре 2015 г. вступил в силу Кодекс административного судопроизводства в Российской Федерации (далее – КАС РФ)³, одной из задач разработки и принятия которого было закрепление особенностей рассмотрения судами общей юрисдикции дел, вытекающих из публичных правоотношений. По указанным причинам в раздел IV указанного нормативного правового акта была включена самостоятельная глава 24, посвященная особенностям производства по административным делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (далее – КАС РФ).

В этой связи представляется особенно интересным провести мониторинг изменений и развития федерального законодательства в указанной области общественных отношений.

В первую очередь стоит отметить, что наметилась тенденция согласованности положений федерального законодательства в части закрепления круга субъектов и случаев обжалования решений и действий, принимаемых и осуществляемых в ходе избирательных кампаний и референдума. Так, указанные выше случаи, когда с заявлением в суд мог обратиться прокурор, были закреплены только в специальном законодательстве

¹ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ : (в ред. от 28 дек. 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 2253.

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ : (в ред. от 6 февр. 2023 г.) // Там же. 2003. № 40. Ст. 3822.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ : (в ред. от 17 февр. 2023 г.) // Там же. 2015. № 10. Ст. 1391.

(избирательном или законодательстве о местном самоуправлении) теперь нашли свое отражение и в тексте процессуального закона (ч. 7–9 ст. 239 КАС РФ).

Сохранила свою силу в КАС РФ (ч. 11 ст. 239) и ранее закрепленная в ГПК РФ (ч. 3 ст. 259 редакции, действовавшей до сентября 2015 г.) возможность органов прокуратуры обращения с административным иском заявлением об отмене регистрации кандидата, списка кандидатов.

Нововведением гл. 24 КАС РФ стало закрепление круга субъектов, уполномоченных на обращение с административным иском заявлением об отмене решения избирательной комиссии, комиссии референдума об итогах голосования, о результатах выборов, референдума в целом и указания среди них прокурора в частности (ч. 15 ст. 239).

Вместе с тем при закреплении возможности обращения органов прокуратуры по обеим из указанных выше категориям дел, законодатель делает оговорку о «случаях, установленных законом».

При этом в отношении отмены регистрации кандидата (списка кандидатов) такие случаи действительно установлены избирательным законодательством:

- 1) п. 12 ст. 76 Закона об основных гарантиях;
- 2) п. 6 ст. 84 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации»¹ (далее – Закон о выборах Президента РФ);
- 3) п. 15 ст. 99 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»² (далее – Закон о выборах депутатов).

Одновременно с этим в отношении второй из обозначенных категорий дел – отмена решения избирательной комиссии, комиссии референдума об итогах голосования, о результатах выборов, референдума, как показал проведенный анализ, ни избирательным законодательством, ни законодательством о референдуме таких случаев не установлено. Так, положениями

¹ О выборах Президента Российской Федерации : Федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 19-ФЗ : (в ред. от 28 февр. 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

² О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федер. закон от 22 февр. 2014 г. № 20-ФЗ : (в ред. от 5 дек. 2022 г.) // Там же. 2014. № 8. Ст. 740.

ст. 77 Закона об основных гарантиях, регулируемыми процедурой отмены решения об итогах голосования, о результатах выборов, референдума, вообще не предусмотрены случаи, когда с административным иском заявлением может обратиться прокурор. В то время как, например, в отношении избирателей, участников референдума в п. 1.3 этой же статьи сделано уточнение, согласно которому указанные лица могут выступать заявителями при оспаривании итогов голосования на избирательном участке, участке референдума, на котором этот избиратель, участник референдума принял участие в выборах, референдуме¹. Аналогичное правовое регулирование (точнее, его отсутствие) осуществлено в Законе о выборах Президента РФ и Законе о выборах депутатов.

Кроме того, в отношении возможности подачи административного искового заявления об отмене решения комиссии референдума о результатах референдума, видится целесообразным высказать следующее замечание. Возможность прокурора оспаривать решение, принятое на местном референдуме, без каких-либо дополнительных условий итак предусмотрена ч. 9 ст. 239 КАС РФ. В этой связи становится непонятным соотношение указанных положений с положениями, закрепленными в ч. 15 этой же статьи, где идет речь об обжаловании прокурором результатов референдума. В таком случае неясно, как законодатель в рамках ст. 239 КАС РФ разграничивает понятия «*решение, принятое на местном референдуме*» (ч. 9) и «*результаты референдума*» (ч. 15). Согласно терминологии, используемой в Федеральном законе № 131, существуют понятия «*итоги голосования*» и «*принятое на местном референдуме решение*» (абзац второй ч. 6 ст. 22). При этом словосочетание «*результаты референдума*» в указанном Законе не используется вообще. В то же время в Федеральном законе об основных гарантиях данное сочетание используется и понимается как сумма содержащихся в первых экземплярах протоколов об *итогах голосования*, полученных из нижестоящих комиссий, подсчитанная комиссией, наделенной законом правом устанавливать результаты референдума (п. 1 ст. 70). Указанный анализ положений федерального законодательства, на наш взгляд, позволяет заключить, что «*решение, принятое на*

¹ Указанная норма содержится и в ч. 16 ст. 239 КАС РФ.

местном референдуме» и *«результаты референдума»* являются одной и той же стадией референдумного процесса, а значит, однопорядковыми понятиями.

По обозначенным причинам в целях устранения противоречия специальной нормы (в части отмены решения о результатах именно местного референдума) общей норме (ч. 9 ст. 239) представляется необходимым скорректировать положения ч. 15 ст. 239 КАС РФ.

Подводя итог, важно отметить, что процессуальное законодательство, регулирующее порядок производства по административным делам, связанных с защитой избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, за последние 15 лет претерпело существенные изменения:

1. По отдельным категориям дел были уточнены или появились новые категории субъектов, которые вправе обратиться с административным иском о защите отдельных избирательных прав (например, наблюдатели).

2. Ряд полномочий органов прокуратуры по обращению в суд с административным иском о защите избирательных прав и права на участие в референдуме, которые ранее имели закрепление только в специальном законодательстве, нашли свое отражение в нормах процессуального закона.

Указанное обстоятельство следует рассматривать в качестве положительной динамики, способствующей приведению к единству правового регулирования, содержащегося в федеральном законодательстве.

3. В то же время специальное и процессуальное законодательство все еще сохраняют ряд «несостыковок» и в отдельных случаях – противоречий, которые нуждаются в оперативном устранении.

Список использованной литературы

1. Гальченко А.И. Осуществление прокурорской деятельности по защите избирательных прав граждан / А.И. Гальченко // Научный поиск. – 2017. – № 4.1. – С. 21–25.

2. Иванова Е.Л. Некоторые особенности участия органов прокуратуры в рассмотрении дел судами по защите избирательных прав и права на участие в референдуме / Е.Л. Иванова //

Вестник сибирской академии права, экономики и управления. – 2011. – № 3 (4). – С. 63–66.

3. Михайлова Т.Н. Организация прокурорского надзора за исполнением законодательства о выборах / Т.Н. Михайлова, Е.В. Михайлов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3 (90). – С. 271–283.

Информация об авторе

Елена Леонидовна Иванова – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: lenai@list.ru.

Author

Elena Leonidovna Ivanova – Associate Professor of the Department of State and Law Disciplines of Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law. E-mail: lenai@list.ru.

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: КОМПАРАТИВИСТСКИЕ АСПЕКТЫ

В настоящее время существование уголовного законодательства находится в неразрывной связи с функционированием и развитием национальных правовых систем, содержанием и сущностью составляющих их источников права, сложившейся юридической практикой, общественным правосознанием и правовой культурой, национальным менталитетом и др.

Одним из направлений совершенствования уголовно-правового механизма борьбы с высокотехнологичными преступлениями (преступлениями, совершенными с использованием компьютерных, информационно-коммуникационных, космических, робототехнических и других высоких технологий) является мониторинг и сравнительно-правовой анализ законодательства России и зарубежных стран, регламентирующего ответственность за совершение преступных деяний данного вида.

В научной работе на основе компаративистского исследования уголовного законодательства зарубежных стран автор делает вывод о достоинствах и недостатках уголовно-правовой регламентации преступлений в сфере компьютерной информации, а также деяний, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий в российском законодательстве.

Ключевые слова: компьютерные преступления, высокотехнологичные преступления, преступления в сфере компьютерной информации, сравнительно-правовой анализ, уголовное законодательство, уголовная ответственность.

K.N. Evdokimov

CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES REGULATING RESPONSIBILITY FOR HIGH-TECH CRIMES: COMPARATIVE ASPECTS

Currently, the existence of criminal legislation is inextricably linked with the functioning and development of national legal sys-

tems, the content and essence of their constituent sources of law, established legal practice, public legal awareness and legal culture, national mentality, etc.

One of the directions of improving the criminal law mechanism for combating high-tech crimes (crimes committed using computer, information and communication, space, robotic and other high technologies) is monitoring and comparative legal analysis of the legislation of Russia and foreign countries regulating responsibility for the commission of criminal acts of this type.

In the scientific work, based on a comparative study of the criminal legislation of foreign countries, the author concludes about the advantages and disadvantages of criminal law regulation of crimes in the field of computer information, as well as acts committed using information and communication technologies in Russian legislation.

Key words: computer crimes, high-tech crimes, crimes in the field of computer information, comparative legal analysis, criminal legislation, criminal liability.

В последние годы количество высокотехнологичных преступлений (преступлений, совершенных с использованием компьютерных, информационно-коммуникационных, когнитивных, космических, робототехнических и других высоких технологий) в России ежегодно возрастает.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, если в 2015 г. в России было зарегистрировано 43 816 преступлений, совершенных с помощью компьютерных и информационно-коммуникационных технологий, то в 2018 г. зафиксировано уже 174 674 подобных преступления, в 2019 г. – 294 409, в 2020 г. – 510 396, в 2021 г. – 517 722, в 2022 г. было зарегистрировано 522 065 высокотехнологичных преступлений (каждое четвертое преступление) [11].

Поэтому одним из эффективных направлений совершенствования механизма противодействия высокотехнологичным преступлениям является сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства зарубежных стран, регламентирующего ответственность за подобные преступные деяния, с целью определения новых составов преступлений и пенализации, дифференциации уголовной ответственности за их совершение в российском законодательстве.

При этом анализ зарубежного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за совершение высокотехнологичных преступлений, следует проводить с учетом особенностей правовой семьи, к которой относится соответствующая уголовно-правовая система.

Так, в Соединенных Штатах Америки уголовная ответственность за совершение высокотехнологичных преступлений закреплена в § 1029, 1030 гл. № 47 Титула 18 Свода законов США. За такие деяния, как компьютерный шпионаж, несанкционированный доступ или превышение санкционированного доступа к информации из правительственного ведомства США; воздействие на компьютер, находящийся в исключительном пользовании правительственного ведомства США, или нарушение функционирования компьютера, используемого полностью или частично Правительством США; мошенничество с использованием компьютера, умышленное или по неосторожности повреждение защищенных компьютеров; угрозы, вымогательство, шантаж и другие противоправные деяния, совершаемые с использованием компьютерных технологий, предусматривается наказание до 10 лет тюремного заключения и до 20 лет тюремного заключения в случае рецидива или получения (сбора) секретной информации [5].

В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания) за умышленный противозаконный доступ к компьютеру или содержащимся в нем компьютерной информации или программам; неправомерный доступ к компьютерной информации на машинном носителе, в компьютере, компьютерной системе или сети, с целью или если это повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы компьютера, компьютерной системы или сети; незаконное проникновение в компьютеры, их системы или сети, повлекшее за собой значительный ущерб или их использование полученной таким образом компьютерной информации для организации массовых насильственных актов, предусмотрена уголовная ответственность до 20 лет лишения свободы и (или) денежный штраф до 20 млн фунтов стерлингов [12; 13].

Между тем анализ зарубежного уголовного законодательства скандинавской правовой семьи показывает, что уголовные кодексы Швеции или Дании не содержат специальных разде-

лов, глав, статей, регламентирующих ответственность за высокотехнологичные преступления. Однако в статьях о мошенничестве, нарушении работы публичных систем и сетей связи есть соответствующие части, предусматривающие ответственность за совершение деяний с использованием компьютеров, вредоносных компьютерных программ, компьютерной информации. Наказание при этом не превышает четырех лет лишения свободы [6; 7].

Сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства стран романо-германской правовой семьи (Франции, Германии, Италии, Нидерландов и др.) показывает, что уголовная ответственность за высокотехнологичные преступления закреплена в национальных уголовных кодексах [8; 9] на основе перечня компьютерных правонарушений, принятых на заседании Комитета министров Совета Европы еще 13 сентября 1989 г. [4]. Наказание составляет до 30 лет лишения свободы (за террористические акты с использованием компьютерных технологий).

В свою очередь, уголовная ответственность и регламентация высокотехнологичных преступлений в уголовном законодательстве России и государствах – участниках Содружества Независимых Государств основываются на Модельном Уголовном кодексе, принятом 17 февраля 1996 г. на VII пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи СНГ, который содержит раздел XII «Преступления против информационной безопасности», включающий различные составы высокотехнологичных преступлений [3]. Наказание за подобные преступления в Российской Федерации и других государствах – участниках СНГ не превышает десяти лет лишения свободы.

Уголовное законодательство Китайской Народной Республики как представителя социалистической правовой семьи также устанавливает ответственность за такие высокотехнологичные преступления, как несанкционированный доступ к компьютерной информации, компьютерное мошенничество или использование вредоносных компьютерных программ (ст. 285–287 УК КНР) в виде наказания до пяти лет лишения свободы [10].

В результате сравнительно-правового анализа уголовного законодательства зарубежных стран, регламентирующего ответственность за совершение высокотехнологичных преступле-

ний, и предыдущих научных исследований [1, с. 45–49; 2, с. 297–300] автор приходит к следующим выводам.

Во-первых, в странах англо-американской, скандинавской, романо-германской и социалистической правовых семей отмечается общая тенденция к регламентации уголовной ответственности за совершение высокотехнологичных преступлений в законодательных актах (уголовных кодексах, либо специальных законах) как источниках права.

Во-вторых, следует отметить общую тенденцию к «гибридизации» различных национальных уголовно-правовых систем путем закрепления специальных составов высокотехнологичных преступлений в уголовном законодательстве США, Китая, европейских государств, стран СНГ и Балтии (например, компьютерное мошенничество, создание и использование вредоносных компьютерных программ, неправомерный доступ к компьютерной информации и др.).

В-третьих, совершение высокотехнологичных преступлений в зарубежном уголовном законодательстве образуют как самостоятельные составы преступных деяний (США, КНР, страны СНГ), так и могут закрепляться в составах общеуголовных преступлений в качестве способа совершения другого преступления (Швеция, Германия, Франция).

В-четвертых, в уголовном законодательстве европейских стран и Китая в отличие от законодательства Российской Федерации и стран СНГ, где основные высокотехнологичные преступления объединены в одну главу (гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации»), в законодательстве зарубежных стран составы высокотехнологичных преступлений расположены в разных разделах (главах) Уголовного кодекса (закона).

В-пятых, российским уголовным законодательством в качестве субъекта преступления признается только физическое лицо, а в уголовно-правовых системах англо-американской, скандинавской и романо-германской правовых семей субъектом преступления может являться и юридическое лицо.

В-шестых, субъективная сторона высокотехнологичных преступлений в уголовном законодательстве России характеризуется только умышленной формой вины, а в законодательстве зарубежных стран наказание может быть назначено и за со-

вершение преступлений по неосторожности (США, Германия, Франция, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан).

В-седьмых, возраст привлечения физических лиц к уголовной ответственности в Российской Федерации за совершение высокотехнологичных преступлений с 16 лет, а в зарубежных странах (Китай, Дания, Латвия и др.) с 14 лет.

В-восьмых, криминализация высокотехнологичных преступлений в уголовном законодательстве России началась только с 1 января 1997 г., в отличие от законодательства США и европейских стран, где данный процесс начался значительно раньше (в конце 1970-х – начале 1980-х гг.).

Список использованной литературы

1. Евдокимов К.Н. Сравнительно-правовой анализ законодательства России и зарубежных стран, регламентирующего уголовную ответственность за совершение компьютерных преступлений / К.Н. Евдокимов // Юридический мир. – 2017. – № 3. – С. 45–49.

2. Евдокимов К.Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Евдокимов Константин Николаевич. – Москва, 2021. – 557 с.

3. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ. – URL: <https://base.garant.ru/2566472> (дата обращения: 21.03.2023).

4. Рекомендация Комитета министров Совета Европы № (89)9 от 13 сентября 1989 года. – URL: <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=610660&SecMode=1&DocId=702280&Usage=2> (дата обращения: 21.03.2023).

5. Свод законодательства США. Раздел 18, часть 1, глава 47, § 1029, 1030 Computer Fraud and Abuse Act (CFAA). – URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030> (дата обращения: 21.03.2023).

6. Уголовный кодекс Швеции. – URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения: 21.03.2023).

7. Уголовный кодекс Дании. – URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241524&subID=100096345,100>

096366,100096661,100097370#text (дата обращения: 21.03.2023).

8. Уголовный кодекс Германии. – URL: <http://lexetius.com/StGB/263a> (дата обращения: 21.03.2023).

9. Уголовный кодекс Франции. – URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018> (дата обращения: 21.03.2023).

10. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – URL: <http://www.asia-business.ru/law/law1/criminalcode/code/#6> (дата обращения: 21.03.2023).

11. Форма федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за 2015–2022 годы // Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. – URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 21.03.2023).

12. Data Protection Act 2018. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/contents/enacted> (дата обращения: 21.03.2023).

13. Computer Misuse Act 1990. – First Published 1990, Reprinted in the United Kingdom by The Stationery Office Limited. – London, 1997. – 14 p.

Информация об авторе

Константин Николаевич Евдокимов – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент. E-mail: kons-evdokimov@yandex.ru.

Author

Konstantin Nikolaevich Evdokimov – Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: kons-evdokimov@yandex.ru.

**ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
КАК ТРИУМФ ДОМИНИРОВАНИЯ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИМПЕРАТИВОВ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Технологические императивы уже давно не просто вторглись в жизнь человека, но и оказались в роли основных факторов, влияющих на трансформацию общественных отношений. Категоричность, жесткость, безальтернативность – эти и многие другие эпитеты присущи процессу внедрения новых технологий в повседневную деятельность человека. Это же в равной степени характерно и для сферы правового регулирования, рефлексирующей на происходящие изменения не просто своей перестройкой, а подменой самих принципов развития и практического применения. Триумф технологий и их доминирование фатальным образом сказались на правовой сфере, оказавшейся в роли обеспечивающей, потеряв при этом лидирующие позиции в регулировании жизнедеятельности человека. Четвертая промышленная революция во многом становится возможной при соблюдении именно данного условия, формируя собственную реальность, имеющую мало сходств с историческими предпосылками развития общества.

Ключевые слова: революция, постмодерн, правовое регулирование, общественные отношения, технологический императив.

M.V. Bavsun

**THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION
AS A TRIUMPH THE DOMINATION OF TECHNOLOGICAL
IMPERATIVES IN MODERN SOCIETY**

Technological imperatives have not only invaded human life for a long time, but also turned out to be the main factors influencing the transformation of social relations. Categorical, rigid, non-alternative – these and many other epithets are inherent in the process of introducing new technologies into everyday human activities. The same is equally characteristic of the sphere of legal regula-

tion, reflecting on the ongoing changes not just by its restructuring, but by replacing the very principles of development and practical application. The triumph of technologies and their dominance had a fatal impact on the legal sphere, which turned out to be in the role of providing, while losing its leading position in the regulation of human life. The fourth industrial revolution in many ways becomes possible if this particular condition is met, forming its own reality, which has little resemblance to the historical prerequisites for the development of society.

Key words: revolution, postmodern, legal regulation, social relations, technological imperative.

В известной работе К. Шваба, посвященной заявленной в настоящей работе проблематике, отмечается, что «Четвертая промышленная революция принесет коренные изменения производственных процессов. Она влечет за собой не только технологические новации, но и смену социальной парадигмы, культурного кода. Масштабное внедрение киберфизических систем и цифровизация промышленности будут не осуществимы без правовых преобразований и политических реформ» [1]. Невозможно не отметить смелость идей, озвученных автором относительно социальной парадигмы и культурного кода. Любая трансформация в данных направлениях (и даже попытки таковых) свидетельствуют о серьезности намерений их апологетов. При наличии соответствующего ресурса и реалистичности достижения цели (хотя бы в какой-то части) последствия для будущего общества могут быть для сознания обычного человека, совершенно непредсказуемыми. Наверное, и лишь отчасти, они нашли свое описание в романах-прогнозах Дж. Оруэлла «1984» и О. Хаксли «О дивный новый мир».

С учетом видения технических средств, а точнее – технологических императивов в качестве основных средств трансформации как общественного, так и индивидуального сознания каждого человека, важна оценка их реальных возможностей в данной части. Насколько при этом технологии способны не просто управлять сознанием человека, а предоставить саму возможность его трансформации, когда человек будущего не будет способен даже вспомнить о присущих ему когда-то пределах свободы и выбора самостоятельных решений? В этом отношении прогноз, формулируемый не только в обозначенной

работе, но и во многих произведениях философов постмодернистов, носит крайне неутешительный характер, а неизбежность, как впрочем, и тотальность трансформации именно такого будущего и именно посредством реализации идеи доминирования технологических императивов, озвучивается как фатальная. Вполне естественно, что не менее актуальными в данном случае становятся и вопросы правового регулирования общественных отношений, роль которого начинает все больше сводиться не к руководящему функционалу, а к обеспечивающему. К сожалению, право в современном обществе, вне зависимости от его парадигмы – постмодерна, постпостмодерна, метамодерна, постиндустриального или любой другой модели, оказалось в роли средства, способного обеспечить (в том числе и посредством санкций) столь необходимую трансформацию и не более того. Применительно к тому, что происходит сейчас и, что положено в основу работы К. Шваба (а также многие работы подобного плана), речь идет об интеграции в процесс регулирования общественных отношений технологических решений, как самостоятельных и, по сути, независимых императивов. Правил, способных не просто подчинить правовые средства, а заменить их, выступая в качестве фактического регулятора, несоответствие которому будет караться более жестко, чем в любом из возможных правовых средств.

Одним из наиболее ярких тому примеров выступает ситуация с ограничениями, которые были наложены на граждан в связи с коронавирусной инфекцией, появившейся в 2020 г. Сама инфекция, тот самый технологический императив. Разработанный посредством высоких технологий вирус, который стал поводом для мощной трансформации всех слоев общественных отношений, успешно¹ развивавшихся до этого времени. Увы, но ортодоксальное право оказалось совершенно бессильным, перед неизвестной для него угрозой, в связи с чем его рефлексия наверное не знает своих аналогов в истории. В период действия ограничений данной угрозе большинство правовых вопросов решались на уровне постановлений, решений, указаний, протоколов, писем, которые подписывали отдельные должностные

¹ Речь скорее необходимо вести не об успешности, а о развитии в определенном направлении. В свою очередь, внедрение такой технологии (несмотря на ее безусловный отрицательный статус), целенаправленно привело к иному вектору развития общественных отношений.

лица (не имеющие к этому ровно никакого отношения), а круг субъектов, обязанных их исполнять, был далеко за пределами их юрисдикции. Триумф отдельно взятой технологии, ее доминирование именно в определении тренда общественного развития в данном случае не обсуждается. Однако надо понимать, что тот же коронавирус представляет собой не более чем одну из технологий, успешно внедренную в социум на определенный отрезок времени. Данный шаг нельзя рассматривать в отрыве от других, в том числе и на первый взгляд, позитивных решений технологического свойства, которые в своей совокупности позволяют говорить о достаточно жесткой и практически бесповоротной определенности в сформулированном перед обществом выборе. Даже отдаленные представления о совокупности решений технологического характера, активно внедренные в современную повседневность, уже позволяют увидеть как их масштабность, так и зависимость человека от предлагаемых ему нововведений. Как наиболее яркие примеры сегодня это – мобильный Интернет, искусственный интеллект, Интернет вещей, облачные технологии, передовая робототехника и многие другие технологии, которые помимо упрощения экономических и социальных процессов также позволили существенно снизить их стоимость, а соответственно, и доступность¹.

Между тем все они не просто вмешались, пусть и в позитивном ключе, в жизнь человека, они определили вектор его развития, вторгаясь в том числе и в его антропологическую идентичность. «Современные технологии конструируют человека проектируя возможное и желаемое человечество» [2, с. 175]. Конечно, право в таких условиях все меньше управляет данными процессами, а само регулирование сводится все больше к запоздалой реакции на то, что уже фактически существует. Рефлексия права стала одним из движущих факторов его развития. Мы уже давно ушли от триумфа права к абсолютизации и идеализации отдельных технологий, внедряемых в общество зачастую под личиной облегчения его существования и неизбежностью прогресса развития. В.Д. Зорькин, по этому поводу пишет буквально следующее: «...право глобализации, казавшееся средством разрешения всех проблем современного

¹ Все они, кстати, оказали самое что ни на есть серьезное влияние и на сферу правового регулирования.

общества, не только приводит к новым проблемам, прежде не виданным, но и расшатывает основы создаваемых веками национальных рубежей защиты от вызовов эпохи. А это приводит к мысли о том, что нельзя (т.е. очень опасно и опрометчиво) игнорировать конституционную идентичность разных государств, недооценивать разницу в культуре, ценностях, общественных укладах и т.д., пытаться брать отовсюду понравившиеся фрагменты, чтобы произвольным образом компоновать из них своего рода «правовые коллажи» [3, с. 5]. В этом высказывании, по большому счету, все тенденции современной трансформации правового регулирования общественных отношений, где технологический императив с одной стороны, не более чем инструмент реализуемых геополитических процессов, а с другой основа, на которой такие процессы вообще становятся возможными [4, с. 8].

Проигрывая в инициативе, право оказалось в тени триумфального шествия технологических императивов, отказаться от которых современному человеку практически невозможно. Их количество, взаимосвязь, охват всех сфер жизнедеятельности, отсутствие возможной альтернативы поведения у человека обеспечивают их успешность на десятилетия вперед, не позволяя при этом в условиях происходящей тотальной трансформации обеспечить праву лидирующие позиции. В этом отношении четвертая промышленная революция, опираясь на технологические императивы и их исключительность, фактически уже осуществила подмену правового регулирования общественных отношений на их подчиненность новым технологиям.

Список использованной литературы

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция / Клаус Шваб. – Москва, 2022.
2. Попова О.В. Тело как территория технологий. От социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования / О.В. Попова. – Москва, 2021. – С. 175.
3. Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2019. – № 4. – С. 5.

4. Бавсун М.В. Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологических императивов / М.В. Бавсун // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 8.

Информация об авторе

Максим Викторович Бавсун – заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор. E-mail: kafedramvd@mail.ru.

Author

Maksim Viktorovich Bavsun – Deputy Head of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work), Doctor of Law, Professor. E-mail: kafedramvd@mail.ru.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье рассматривается вопрос об уголовно-правовом режиме несовершеннолетних по законодательству зарубежных стран. Отмечается, что в процессе конструирования правил применения мер уголовно-правового воздействия к несовершеннолетним законодатель должен учитывать весь спектр особенностей их психики и их способность осознавать установленные уголовным законом запреты. Выявлено, что законодатели зарубежных стран устанавливают соответствующие правила в отдельном разделе (главе) уголовного закона либо в отдельном нормативном правовом акте. С учетом особого уголовно-правового статуса несовершеннолетнего преступника данные нормы предусматривают усеченную систему наказаний с сокращенными сроками и размерами, устанавливают принудительные меры воспитательного воздействия и сокращенные сроки давности и погашения судимости.

Ключевые слова: уголовно-правовой статус, несовершеннолетний, уголовная ответственность, наказание, меры воспитательного воздействия.

E.Yu. Antonova

CRIMINAL LEGAL REGIME OF MINORS UNDER THE LAWS OF FOREIGN COUNTRIES

The article deals with the issue of the criminal legal regime of minors under the laws of foreign countries. It is noted that in the process of constructing the rules for applying measures of criminal law to minors, the legislator must consider the whole range of features of their psyche and their ability to realize the prohibitions established by the criminal law. It was revealed that the legislators of foreign countries establish the relevant rules in a separate section (chapter) of the criminal law or in a separate regulatory legal act. Considering the special criminal law status of a juvenile delinquent, these norms provide for a truncated system of punishments with

reduced terms and sizes, establish compulsory measures of educational influence and reduced periods of limitation and expiration of a criminal record.

Key words: criminal law status, minor, criminal liability, punishment, measures of educational influence.

В процессе конструирования норм о применении к несовершеннолетним, нарушившим уголовно-правовой запрет, мер правового воздействия законодатель должен придерживаться определенных правил (критериев). В первую очередь необходимо помнить, что применять меры правового воздействия, можно только к лицу, способному критически оценивать и анализировать окружающую действительность, прогнозировать результаты своих деяний и соразмерять уровень своих притязаний с юридическими, нравственными и иными нормами. Такую способность человек приобретает лишь с достижением определенного возраста. Соответственно, при конструировании правовых норм о мерах, применяемых к несовершеннолетним, вступающим в конфликт с уголовным законом, необходимо учитывать способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний [5, с. 27–28]. Таким образом, законодатель должен учитывать весь спектр особенностей психики несовершеннолетних и их способность осознавать установленные уголовным законом запреты [8, с. 14–15]. Компаративный анализ законодательства зарубежных стран показывает, что данное правило в целом учитывается законодателями. При этом законодатели устанавливают свой минимальный возраст уголовной ответственности, как правило, варьирующий в диапазоне от 12 до 15 лет, что обусловлено в первую очередь традициями национальных правовых систем.

В большинстве зарубежных стран законодатели регламентируют нормы об особенностях уголовно-правового воздействия к несовершеннолетним нарушителям уголовно-правовых запретов в отдельном разделе (главе) уголовного закона (Азербайджан, Армения, Беларусь, Босния и Герцеговина, Греция, Кыргызстан, Нидерланды, Российская Федерация, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и др.) либо в отдельном нормативном правовом акте (Австрия, Андорра, Бельгия, Грузия, Дания, Испания, Италия, Люксембург, Сербия, ФРГ, Франция и др.).

Данные нормы предусматривают не только усеченную систему наказаний для рассматриваемой категории лиц, но и их сокращенные сроки и размеры. Освобождение от уголовной ответственности и от наказания возможно с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия. Кроме того, к несовершеннолетним, как правило, применяются сокращенные сроки давности и погашения судимости. Это обусловлено возрастными особенностями данных лиц, которые и придают им особый уголовно-правовой статус.

Согласимся с мнением о том, что несовершеннолетний, нарушивший уголовно-правовой запрет, является не просто субъектом преступления, он выступает и как объект воспитательного воздействия [9, с. 51].

Немецкие ученые в связи с этим разработали даже молодежное уголовное право для юных субъектов, которые на момент совершения деяния находились в критической переходной стадии между детством и зрелостью [7, с. 335], а во Франции несовершеннолетние, виновные в совершении преступления, становятся объектом мер защиты, помощи, надзора и воспитания при условии и в порядке, установленных Постановлением от 2 февраля 1945 г. № 45-174 о правонарушении детства – далее Ордонанс [2].

Закон Англии о детях и молодежи 1969 г. (Children and Young Persons Act) предписывает обязательное обращение полиции при решении вопроса о необходимости привлечения к уголовной ответственности лиц моложе 20 лет за консультацией к региональным социальным службам. На данные службы в свою очередь при поступлении им соответствующих материалов налагается обязанность предпринимать необходимые меры для того, чтобы несовершеннолетние избегали судебных процедур [10, с. 39].

Согласно ст. 2 Закона Люксембурга [1] от 10 августа 1992 г. о защите молодежи, несовершеннолетний до 18 лет передается не в уголовный суд, а в суд по делам несовершеннолетних. Аналогичная норма предусмотрена и в Ордонансе Франции, ст. 1 которого устанавливает, что несовершеннолетние, которым предъявлено обвинение в правонарушении, квалифицируемом как преступление или проступок, не будут переданы в уголовные суды общего права, а предстанут перед судом по делам несовершеннолетних или судом присяжных по делам несовер-

шеннолетних. Суд по делам несовершеннолетних определяет «меры защиты, помощи, надзора и воспитания» к лицам до 18 лет, которые будут необходимыми и достаточными для достижения именно воспитательной цели. Важно, что такие меры могут быть назначены лицам от 10 до 18 лет с обязательным учетом их личности. Если же суд все-таки назначает лицам, достигшим 13 лет, наказание, он обязан в качестве безусловного смягчающего обстоятельства принять во внимание несовершеннолетие субъекта (ст. 20–2, 20–9 Ордонанса) [6, с. 79].

Представляется положительным опыт Казахстана, где внедрена и активно развивается ювенальная юстиция. Ее ключевая цель – повышение эффективности и качества отправления правосудия в отношении несовершеннолетних; сокращение количества таких лиц в местах лишения свободы и повышение эффективности наказаний, не связанных с лишением свободы. Для этого создаются специализированные подразделения по работе с преступностью несовершеннолетних, которые действуют при министерствах юстиции, внутренних дел, образования и науки, в судах, прокуратурах, местных исполнительных органах и адвокатуре. Кроме того, в стране успешно функционируют ювенальные суды – специализированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних [4, с. 48–64]. Важным аспектом является то обстоятельство, что ювенальный суд отличается от иных судов не только специализированным составом. В нем реализована новая форма судопроизводства, направленная на применение восстановительного правосудия, поэтому основное внимание в них уделяется мерам воспитательного воздействия. И результат уже виден – ювенальные суды, чаще по сравнению с районными и приравненными к ним судами, назначают несовершеннолетним наказания, не связанные с лишением свободы (в 55,8% случаях). Интересным и заслуживающим внимание является и то, что при выявлении неблагоприятных условий воспитания несовершеннолетнего (злоупотребление родителями алкогольными напитками, применение телесных наказаний и др.) суд имеет право вынести в адрес родителей частное определение, а несовершеннолетнего обязать пройти курс психологической коррекции в специальных центрах [3, с. 3, 6].

В Италии лица от 14 до 17 лет могут быть привлечены к уголовной ответственности только в случае, если они признаны

способными сформировать необходимое преступное намерение в отношении конкретного преступления, наказание при этом уменьшается (ст. 98 УК). УК Республики Сан-Марино устанавливает, что судья, определив способность лиц от 12 лет до 18 лет осознавать значение деяния и их способность к волеизъявлению, применяет наказание со снижением от одной до двух степеней (ст. 10), а согласно Пенитенциарному кодексу Эстонии вынести или назначить наказание несовершеннолетнему можно лишь в случае, если посредством воспитательной меры воздействия невозможно побудить его в дальнейшем воздерживаться от совершения преступных деяний (ч. 3 ст. 56).

Польский законодатель установил, что в при совершении менее тяжкого преступления лицом, достигшим 17 лет, но до наступления 18 лет, суд вместо наказания применяет воспитательные меры, лечение либо исправительные меры, предусмотренные для несовершеннолетних, если обстоятельства дела, а также уровень развития виновного, его личные особенности и условия жизни вызывают такую необходимость.

Закон Люксембурга о защите молодежи предписывает, что если несовершеннолетний совершил деяние, квалифицируемое как преступление, наказуемое лишением свободы, суд по делам несовершеннолетних может, если он примет одну из мер воспитательного характера, продлить эту меру до достижения лицом 25 лет, а если за это деяние предусмотрено наказание в виде принудительных работ, то эти меры могут продлеваться до двадцатилетия лица.

Особый уголовно-правовой статус несовершеннолетнего сказывается и на самой процедуре назначения наказания. При назначении наказания несовершеннолетнему учитываются условия его жизни и воспитания, степень психического развития, состояние здоровья, иные особенности личности, а также влияние других (или старших по возрасту, или посторонних) лиц (УК Азербайджана, Армении, Беларуси, Кыргызстана, Российской Федерации, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и др.).

При этом, например, в Туркменистане при назначении несовершеннолетнему наказания учитывается не только влияние на него со стороны взрослых лиц, но и других несовершеннолетних. Кроме того, суд с учетом конкретных обстоятельств совершения несовершеннолетним преступления, его психиче-

ского развития, бытовых и жилищных условий, состояния здоровья, уровня образования и других исключительных обстоятельств (связанных с целями и мотивами деяния, ролью виновного, его поведением во время совершения или после окончания преступления и т.д., существенно снижающих степень общественной опасности деяния, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию совершенных преступлений), может ограничиться назначением наказания в виде ограничения свободы и не применять иные виды наказания, которые установлены в санкции соответствующей нормы.

Таким образом, как отмечается в научной литературе, несовершеннолетие лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, образует правовую базу так называемого ювенального уголовного права. Возрастной критерий лежит в основе определения границ, оснований и пределов особого отношения к таким лицам со стороны государства [10, с. 253]. Такой подход законодательной регламентации норм об особенностях уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних преступников обусловлен принципами справедливости и гуманизма.

Список использованной литературы

1. Loi du 10 août 1992 relative à la protection de la jeunesse (Закон от 10 августа 1992 года о защите молодежи) // Journal officiel du Grand-Duché de Luxembourg. – URL: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/1992/08/10/n3/jo>.

2. Ordonnance N° 45-174 du 2 février 1945 relative à l'enfance délinquante // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000006094224>.

3. Анализ деятельности специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних. Астана: Верховный Суд Республики Казахстан, 2015 // Верховный Суд Республики Казахстан : [сайт]. – URL: <http://sud.gov.kz/rus/content/za-2015-god> (дата обращения: 20.03.2020).

4. Антонова Е.Ю. Преступность несовершеннолетних в Республике Казахстан: криминологическая характеристика и меры правового воздействия / Е.Ю. Антонова. – DOI 10.12737/jflcl.2020.041 // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – N° 5. – С. 48–64.

5. Антонова Е.Ю. Субъект уголовной ответственности : монография / Е.Ю. Антонова. – Хабаровск : Дальневост. юрид. ин-т МВД РФ, 2000. – 104 с.

6. Есина В.В. Система мер безопасности, применяемых к несовершеннолетним, совершившим уголовно наказуемые деяния (опыт Франции) / В.В. Есина // Вестник московского ун-та. Сер. 11, Право. – 2017. – № 6. – С. 78–85.

7. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. – Москва : ТК Велби : Проспект, 2004. – 560 с.

8. Маркунцов С.А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук / Маркунцов Сергей Александрович. – Москва, 2006. – 237 с.

9. Серебренникова А.В. Закон об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних как источник дополнительного уголовного права Германии: общая характеристика / А.В. Серебренникова, Л.А. Бахвалова // Академический юридический журнал. – 2010. – № 3 (41). – С. 49–54.

10. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т. 9: Уголовная ответственность несовершеннолетних / под ред. Н.А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 472 с.

Информация об авторе

Антонова Елена Юрьевна – декан юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: antonovy@yandex.ru.

Author

Antonova Elena Yurievna – Dean of the Faculty of Law of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor. E-mail: antonovy@yandex.ru.

**СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВПЕРВЫЕ
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Автор проводит сравнительный анализ УК Российской Федерации 1996 г. и Уголовного кодекса Республики Беларусь на предмет отражения факта совершения преступления впервые. Делается вывод об отсутствии значительных различий в регламентации данного обстоятельства и вместе с тем о целесообразности заимствования российским УК некоторых идей в части дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности в зависимости от кратности преступлений. Констатируется факт необходимости более дифференцированной регламентации факта совершения преступления впервые с учетом не только отдельных категорий преступлений, но и отдельных видов преступлений, формы вины совершенного преступления. Отмечается значение регламентации освобождения от уголовной ответственности (либо от наказания) лиц, впервые совершивших неосторожное преступление в совокупности с дополнительными условиями и с учетом степени тяжести таких преступлений.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Белоруссии, Уголовный кодекс Российской Федерации, кратность преступлений, совершение преступления впервые.

D.A. Parkhomenko

**THE CRIME FOR THE FIRST TIME
AND ITS REFLECTION IN THE CRIMINAL LAW
OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND REPUBLIC OF BELARUS**

The author conducts a comparative analysis of the Russian Federation Criminal Code of 1996 with the Criminal Code of the Republic of Belarus to reflect the fact of committing a crime for the first time. The conclusion is made that there are no significant dif-

ferences in the regulation of this circumstance. At the same time, it is expedient to borrow some ideas for the Russian Criminal legislation such as differentiation and individualization of criminal responsibility depending on the multiplicity of crimes. It is stated that there is a need for a more differentiated regulation of the fact of committing a crime for the first time, taking into account not only certain categories of crimes, but also certain types of crimes, the form of guilt of the crime committed. The importance of regulating the exemption from criminal liability (or from punishment) of persons who have committed a careless crime for the first time in combination with additional conditions and taking into account the severity of such crimes is noted.

Key words: Criminal Code of Belarus, Criminal Code of the Russian Federation, multiplicity of crimes, commission of a crime for the first time.

Изучение зарубежного уголовного законодательства в части отражения в нем кратности преступлений вообще, и в том числе совершения преступления впервые, имеет своей целью прежде всего обнаружить прототипы и аналоги таких законодательных решений. В случае же их отсутствия – найти возможные варианты объяснений такого пробела. «Научное исследование, – утверждал Н.Д. Сергиевский, – не может ограничиться положительным правом одного какого-либо народа (правом отечественным). В качестве необходимого материала должны быть привлекаемы определения права других государств... Вся задача, при пользовании чужеземным материалом, заключается в том, чтобы не дать ему того значения, которого он не имеет, – он должен служить средством для ознакомления с опытом других народов и запасом готовых знаний, но не предметом слепого подражания» [2, с. 2–3]. Таким образом, зарубежный опыт можно и не внедрять, но не учитывать и не считаться с ним вряд ли целесообразно.

Определяя круг стран, уголовное законодательство которых показательно при сравнительном анализе с УК РФ 1996 г., необходимо исходить из того, что этот Уголовный кодекс по многим концептуальным позициям изначально был схож с Уголовными кодексами стран Содружества Независимых Государств, образовавшегося в свое время на бывшем постсоветском пространстве. Вместе с тем за прошедшее время многие из

этих УК претерпели достаточно серьезные изменения и дополнения и уже только по этой причине заслуживают внимания.

Многие Уголовные кодексы стран СНГ, а также стран, ранее входивших в состав СССР, в регламентации вопросов кратности преступлений испытали на себе серьезное влияние Модельного УК для государств – участников СНГ, принятого в 1996 г. [1], и оказались однотипными УК РФ 1996 г. Значительная часть из них и по настоящее время принципиальных изменений в этом вопросе не претерпела (УК Азербайджанской Республики, Республики Армения, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан). Возможно, сказанное в меньшей степени касается УК Грузии, в котором на сегодняшний день в отдельных главах регламентируются виды единого преступления (гл. 4) и множественность преступлений (гл. 5) [4].

Более продвинутыми в регламентации кратности преступлений, причем, даже в сравнении УК РФ 1996 г., являются на сегодняшний день два Уголовных кодекса из рассматриваемой группы: УК Казахстана и УК Белоруссии.

Так, УК Республики Беларусь, сохранив до настоящего времени понятие повторности преступлений, сохраняет и понятие ситуации, при которой преступление не признается повторным, т.е. считается совершенным в первый раз (ч. 3 ст. 41) [3].

Вместе с тем из содержания данной статьи следует, что белорусский законодатель уголовно-правовое значение этого понятия видит только в статьях Особенной части УК. И это при том, что факту совершения преступления впервые придается особое значение в нормах об осуждении без назначения наказания (ст. 79), об освобождении от уголовной ответственности с привлечением лица, совершившего впервые преступление, к административной ответственности (ст. 86), в связи с деятельным раскаянием (ст. 88), с примирением с потерпевшим от менее тяжкого преступления (ст. 89), при назначении наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним (ст. 115), при освобождении их от уголовной ответственности (ст. 118). Следует отметить, что в УК Республики Беларусь, как и в УК РФ, слово «впервые» увязывается не только совершением преступления, но и с фактом осуждения к наказанию в виде лишения свободы (ст. 77, 78), несовершеннолетних, осуждаемых за менее тяжкое преступление (ч. 1 ст. 117). Вместе с тем, в отличие от УК

РФ (ст. 127.1, 198, 199, 205.5, 208, 282.1, 282.2, 282.3), ни в одном из примечаний к статьям Особенной части УК Республики Беларусь, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в конкретном преступлении, не предусмотрено требование о совершении преступления впервые.

Своеобразно белорусский законодатель отражает учет кратности преступлений при назначении наказания. Совершение преступления впервые ни само по себе, ни в совокупности с иными обстоятельствами, как это имеет место в УК РФ (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ) не предусмотрено в перечне смягчающих уголовную ответственность (ст. 63 УК Беларусь), а обратная сторона кратности – «совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, если не истекли сроки давности либо не погашена или не снята судимость за предшествующее преступление» – выступает обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность. При этом суд вправе в зависимости от характера преступлений не признать это обстоятельство отягчающим (п. 1 ч. 1 ст. 64 УК Беларусь). Подобная ситуация отражена в УК Республики Узбекистан, в котором кратность преступлений при назначении наказания учитывается также только в значении обстоятельства, отягчающего наказание, хотя и в более ограниченных пределах: лишь «повторное или новое умышленное преступление после осуждения за ранее совершенное умышленное преступление» может выступать в таком значении (п. «н» ч. 1 ст. 56). В качестве обстоятельства, только отягчающего наказание предусмотрена кратность преступлений в УК Украины («совершение преступления лицом повторно и рецидив преступлений» п. 1 ч. 1 ст. 67). Отметим, что в Уголовных кодексах стран рассматриваемой группы есть пример обратного рода, когда кратность преступлений учитывается при назначении наказания в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, и не учитывается как обстоятельство, ее отягчающее. Такая ситуация, например, имеет место в УК Республики Молдова, в котором «совершение впервые незначительного преступления или преступления средней тяжести» без каких-либо иных условий выступает смягчающим обстоятельством (п. «а» ч. 1 ст. 76).

Даже безотносительно рассматриваемой нами проблемы, одно обстоятельство в УК Республики Беларусь, связанное с

кратностью преступлений, должно, на наш взгляд, стать предметом неотложного внимания российского законодателя. Речь идет о правилах назначения наказания при рецидиве преступлений, когда согласно одному из них, при этом должны учитываться не только «характер и степень общественной опасности *ранее совершенных преступлений*, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенного преступления», но и их количество (ч. 1 ст. 65) (курсив наш. – Д. П.).

Изучение в интересующем нас аспекте Уголовного кодекса Белоруссии позволяет сделать общий вывод о том, что в рассматриваемом УК акцент делается на регламентацию множественности преступлений и более всего такой ее формы, как рецидив преступлений. Помимо этого, можно заключить следующее.

В УК Белоруссии присутствуют легальные определения разновидностей множественности преступлений, из содержания которых можно вывести понятие преступления, совершенного впервые. Между тем при наличии в УК специальных статей, посвященных разъяснению понятий, используемых в УК (в частности, ст. 4 УК Беларусь), было бы логично именно в них дать такое разъяснение или определение.

В качестве опыта, заслуживающего внимания российского законодателя в регламентации факта совершения преступления впервые, выступает практика более дифференцированной «привязки» данного факта не только к отдельным категориям преступлений, но и отдельным видам преступлений, в зависимости от формы вины совершенного преступления. Особого внимания заслуживает идея освобождения от уголовной ответственности (либо от наказания) лиц, впервые совершивших неосторожное преступление в совокупности с дополнительными условиями и с учетом степени тяжести таких преступлений.

Список использованной литературы

1. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ. Рекомендательный законодательный акт // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.07.2022).

2. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая / Н.Д. Сергиевский. – Санкт-Петербург, 1910. – С. 2–3.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.07.2022).
4. Уголовный кодекс Грузии. – URL: matsne.gov.ge (дата обращения: 27.07.2022).

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Пархоменко – доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: parkhomenkoda@mail.ru.

Author

Dmitry Aleksandrovich Parkhomenko – Associate Professor of the Criminal Law Department of Moscow State Law University (MSAL), Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: parkhomenkoda@mail.ru.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА
В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
(НА ПРИМЕРЕ КУБЫ И МЕКСИКИ)**

В статье объясняются факторы, повлиявшие на криминализацию общественно опасных деяний в качестве преступлений против мира на национальном уровне. Автор выделяет три фактора, которые предопределили тенденцию установления уголовно-правового запрета в отношении таких деяний: исторический фактор (историческое наследие международных военных трибуналов над главными военными преступниками нацистской Германии и милитаристской Японии); политический фактор (деструктивные процессы глобализации) и фактор сближения правовых систем (взаимная рецепция). На примере уголовного законодательства Мексики и Кубы рассматривается зарубежный опыт криминализации общественно опасных деяний, посягающих на международный мир. Отмечается, что хотя международный мир и признается в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, однако на национальном уровне криминализация деяний в качестве преступлений против мира осуществляется по-разному.

Ключевые слова: преступления против мира, уголовная ответственность, преступление агрессии, международный терроризм.

D.V. Lobach

**CRIMINAL RESPONSIBILITY
FOR CRIMES AGAINST PEACE IN LATIN AMERICA
(ON THE EXAMPLE OF CUBA AND MEXICO)**

The article explains the factors that influenced the criminalization of socially dangerous acts as crimes against peace at the national level. The author highlights three factors that predetermined the trend of establishing a criminal law ban on such acts: the historical factor (the historical legacy of international military tribunals over the main war criminals of Nazi Germany and militarist Japan); the

political factor (destructive processes of globalization) and the factor of convergence of legal systems (mutual reception). On the example of the criminal legislation of Mexico and Cuba, foreign experience of criminalization of socially dangerous acts encroaching on international peace is considered. It is noted that although international peace is recognized as an independent object of criminal law protection, however, at the national level, the criminalization of acts as crimes against peace is carried out in different ways.

Key words: crimes against peace, criminal responsibility, crime of aggression, international terrorism.

Общественно опасные деяния, посягающие на международный мир, со второй половины XX в. становятся самостоятельной группой преступлений в национальном законодательстве отдельных государств. Криминализация таких деяний на национальном уровне обусловлена рядом причин.

Во-первых, историческое наследие международных военных трибуналов над главными военными преступниками нацистской Германии и милитаристской Японии предопределило вектор будущего развития международного уголовного права в сфере криминализации деяний, посягающих на основополагающие элементы международного правопорядка, выраженные в отношениях, связанных с мирным сосуществованием государств и народов, а также безопасными условиями существования демографических групп, которые идентифицируются по определенному критерию (национальные, этнические, религиозные или расовый) [1, с. 70–85]. Именно в результате привлечения главных военных преступников нацистской Германии и милитаристской Японии к международной уголовной ответственности за такие международные преступления как агрессия (агрессивная война), военные преступления и преступления против человечности возникает новое направление в международном уголовном праве, связанное с кодификацией (систематизация в одном акте норм о международных преступлениях), институционализацией (развитие международного уголовного правосудия) и унификацией (развитие правоприменительной практики в сфере реализации международной уголовной ответственности за международные преступления).

Во-вторых, процессы глобализации свидетельствуют не только о размывании национальных границ, сближении эко-

номических систем, взаимном проникновении национальных культур и активном политическом взаимодействии, но и о появлении новых угроз, которые посягают на суверенитет, политическую независимость и территориальную целостность отдельных государств, порождая тем самым различные формы политического насилия, носящих транснациональный характер и создающих угрозу для международного мира [2, с. 108–166]. Подобного рода угрозы признаются на национальном уровне отдельных государств в форме политических деклараций и выработки стратегий противодействия.

В-третьих, исторические и политические факторы создают условия для конвергенции различных правовых систем. По мере развития межгосударственного взаимодействия наблюдается взаимная рецепция нормативного материала (правовые нормы, институты, юридические формулировки и определения) в национальных правовых системах. Сближение правовых систем также наблюдается и в направлении криминализации деяний в качестве преступлений против мира.

Вместе с тем криминализация деяний в качестве преступлений против мира и безопасности человечества происходит неоднобразно, что свидетельствует о разных подходах к определению критериев для криминализации. Кроме того, сами нормы о международных преступлениях очень часто сконструированы по-разному, что свидетельствует о различиях применяемого языка, специфики юридической техники, понятийно-категориального аппарата политической или идеологической конъюнктуры. Продемонстрируем разные подходы в криминализации подобного рода деяний на примере таких стран Латинской Америки, как Куба и Мексика.

В третьем разделе Уголовного кодекса Кубы [3] «Преступления против мира и международного права» содержатся нормы, устанавливающие ответственность за пять преступлений, посягающих на международный мир. К преступлениям данной группы кубинский законодатель относит враждебные действия против иностранного государства (ст. 110 и 111), нарушение суверенитета иностранного государства (ст. 112), противоправные действия, совершенные против дипломатических представителей иностранных государств (ст. 113), подстрекательство к агрессивной войне (ст. 114), а также распространение ложных новостей против международного мира (ст. 115). Указанные

нормы предусматривают ответственность главным образом за действия, которые могут спровоцировать войну или существенно осложнить международные отношения. В условиях массового и систематического искажения фактических обстоятельств мировых событий, которые совершаются транснациональными медийными организациями в целях демонизации отдельных государств и подрыва их политической репутации, вызывает особый интерес норма ст. 115 УК Кубы, устанавливающая ответственность в виде наказания на срок от одного года до четырех лет за распространение ложных новостей с целью нарушить международный мир или поставить под угрозу престиж и доверие кубинского государства, а равно подорвать добрососедские отношения с другими государствами. Нельзя не отметить, что противодействие распространению дезинформации в медийном пространстве в целях поддержания международного мира, а также предупреждения различных форм девиантного поведения, включая разные виды политического насилия, является важным направлением международной деятельности Организации Объединенных Наций. Показательным в этом плане является резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 24 декабря 2021 г., посвященная борьбе с дезинформацией в целях поощрения и защиты прав человека и основных свобод [4].

Кроме вышеуказанных составов преступлений, посягающих на международный мир в качестве непосредственного объекта, в уголовном законодательстве Кубы также имеются нормы, предусматривающие ответственность за действия, направленные против независимости и целостности государства, где международный мир также может выступать в качестве дополнительного объекта уголовно-правовой охраны. Так, в ст. 92 УК Кубы устанавливается ответственность за разжигание войны или вооруженной агрессии против кубинского государства.

С позиции обеспечения международного мира как объекта уголовно-правовой охраны особый интерес вызывает мексиканский опыт криминализации отдельных деяний, посягающих на международный мир. Например, правовые нормы ст. 148 УК Мексики посвящены ответственности за действия, связанные с нарушением иммунитета и нейтралитета [5]. Правовая норма ст. 148 регламентирует наказание от трех суток до двух лет лишения свободы со штрафом в размере от ста до двух

тысяч песо за нарушение дипломатического иммунитета, иммунитета главы иностранного государства, а также представителя другой нации независимо от того, проживает ли потерпевшее лицо в Мексике или находится с визитом на территории государства. Эта же статья устанавливает ответственность за нарушение обязанностей нейтралитета, нападение на официальную символику дружественного государства и нарушение иммунитета члена парламента. За последнее преступление в исключительных случаях суд может назначить наказание в виде лишения свободы до шести лет.

В 2007 г. второй раздел «Преступления против международного права» был дополнен третьей главой, содержащей нормы о международном терроризме (ст. 148 bis – 148 quater). Следует обратить внимание на тот факт, что мексиканский законодатель, опираясь на международные обязательства, взятые на себя в области противодействия различным формам терроризма, и руководствуясь национальными интересами в сфере государственной безопасности, установил уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок от 15 до 40 лет со штрафом от 400 до 1 200 дней за действия, составляющие международный терроризм. По объективной стороне международный терроризм выражается в нескольких вариантах криминального поведения. Прежде всего дефиниция «международный терроризм» охватывает использование токсичных веществ, химического, биологического и аналогичного оружия, радиоактивных и ядерных материалов, ядерного топлива, радиоактивных минеральных веществ, различных источников радиации или устройств, испускающих радиацию, взрывчатых веществ или огнестрельного оружия, создание пожаров, наводнений или совершение любых других насильственных действий на территории Мексики при условии, что эти действия, направленные против интересов иностранного государства или международной организации или органа, порождают тревогу, страх или террор в обществе или у какой-либо группы населения и оказывают давление на иностранное государство или принуждение международного органа или организации к совершению определенных действий. Международный терроризм также может выражаться в убийстве или совершении иных действий против свободы лица, пользующегося международной защитой, а также в совершении действий, направлен-

ных на причинение ущерба служебным помещениям, жилищу, транспортным средствам этих лиц, если они квалифицируются как посягательство на жизнь или свободу. Кроме того, международный терроризм также охватывает действия, связанные с дачей согласия, участием в приготовлении или в совершении террористического акта за границей. Кроме того, мексиканский законодатель предусмотрел наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет за пособничество в форме сокрытия террориста (при условии установления его личности и причастности к терроризму) и наказание в виде лишения свободы от 6 до 12 лет за угрозу совершения актов, составляющих международный терроризм (ст. 148 ter и 148 quater).

В заключение следует отметить, что отношения, составляющие международный мир, признаются в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны не только в практике международных отношений, но и на национальном уровне. Однако признание необходимости уголовно-правовой защиты данного объекта не свидетельствует о едином подходе в криминализации деяний, посягающих на международный мир.

Список использованной литературы

1. Роль СССР в Нюрнбергском процессе и последующем развитии международного права : сб. материалов конф. (18 нояб. 2016 г., Москва) / под общ. ред. О.С. Капинус ; сост. П.А. Смирнов, Н.Э. Кузнецова, Ю.В. Сидоренко ; Генер. прокуратура Рос. Федерации ; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 2017. – 230 с.

2. Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности : монография / О.В. Дамаскин. – Москва : Погранич. акад. ФСБ России, 2016. – 432 с.

3. Penal Code of the Republic of Cuba. – URL: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/Cuba-Penal-Code-Lawyers-Without-Borders-2009.pdf>.

4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с дезинформацией в целях поощрения и защиты прав человека и основных свобод» от 24 декабря 2021 г. [по докладу Третьего комитета (A/76/462/Add.2, п. 114)]. – URL: <https://www.un.org/ru/countering-disinformation>.

5. Artículos del Código Penal Federal de México. – URL: <https://www.conceptosjuridicos.com/mx/codigo-penal>.

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Лобач – доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: dimaved85@mail.ru.

Author

Dmitry Vladimirovich Lobach – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law. E-mail: dimaved85@mail.ru.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ РЫНКОВ В РОССИИ И КИТАЕ

В статье представлена попытка компаративного анализа некоторых сегментов криминального рынка России и Китая. Первоначально отмечается, что криминальные рынки в целом имеют латентный характер, поэтому характеристика их ограничена скудностью эмпирического материала. Поскольку криминальные рынки имеют сложную структуру, их сравнительный анализ проводился лишь в отношении отдельных, наиболее сопоставимых сегментов. В частности, сравнивались характеристики сырьевых рынков указанных стран (незаконный оборот леса и пиломатериалов); криминальный рынок наркотических и сильнодействующих веществ, контрабанда и коррупционный рынок услуг. Автор приходит к выводу о некотором сходстве представленных характеристик и наличии взаимосвязей криминальных рынков Китая и России.

Ключевые слова: криминальный рынок, сырьевые товары, незаконный оборот леса, коррупционный рынок услуг, криминальный рынок наркотиков и сильнодействующих веществ.

A.L. Repetskaya

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE CURRENT STATE OF CRIMINAL MARKETS IN RUSSIA AND CHINA

This article presents an attempt at a comparative analysis of some segments of the criminal market in Russia and China. Initially, it is noted that criminal markets as a whole are latent in nature, therefore their characterization is limited by the paucity of empirical material. Since criminal markets have a complex structure, their comparative analysis was carried out only in relation to individual, most comparable segments. In particular, the characteristics of the commodity markets of these countries were compared (illegal traffic in timber and sawn timber); criminal market of narcotic and potent substances, smuggling and corrupt service market. The author

comes to the conclusion about some similarity of the presented characteristics and the presence of interrelations between the criminal markets of China and Russia.

Key words: criminal market, commodities, illegal timber trade, corrupt services market, criminal market for drugs and potent substances.

Анализируя состояние тех или иных сегментов или видов российских криминальных рынков, стоит отметить, что достаточно сложно провести реальные границы в преступной деятельности их субъектов, они всегда имеют ориентировочный характер, вследствие высокой латентности этих рынков, скрытости их от социального контроля. Тенденцией последних лет является ярко выраженная маскировка такой деятельности под легальную торговлю или оказание услуг, а также максимальный перевод процесса поиска и выбора товара или услуги в виртуальное пространство. Оплата криминальных товаров или услуг, и даже товаров, разрешенных в гражданском обороте, но реализуемых без специальной лицензии или разрешения, происходит сегодня также в он-лайн сервисах или криптовалютах.

Оценивать китайские рынки еще более сложно из-за закрытости статистики этой страны, эпизодическим оценкам, в основном судебными органами отдельных периодов и определенной деятельности. Однако, как представляется, оценить наличие и виды определенных сегментов китайских криминальных рынков даже по этим эпизодическим данным вполне возможно, однако характеристика их имеет ограниченный характер.

Криминальные рынки России и Китая всегда были традиционно связаны между собой вследствие того, что Россия для Китая представляла различные ресурсы (сырьевые, природные и т.п.), незаконный оборот которых совершался в трансграничных рамках, поэтому сырьевые криминальные рынки всегда были более развитыми в связке этих двух стран.

Ситуация с криминальными сырьевыми рынками не сильно изменилась в период пандемии, хотя границы страны и были закрыты. Организованные преступные группы продолжали поставлять сибирский лес по подложным документам, а также через фиктивные компании, регистрируемые в

России (в основном в Сибири, где сосредоточены основные запасы леса).

Так, например, в 2020–2021 гг. сотрудниками иркутской таможни была выявлена масса фактов контрабанды леса, объемом которого оценивался сотнями тысяч кубометров, а суммы ущерба варьировали от 18¹ до 244 млн р. По результатам деятельности одного из преступных сообществ за указанный период и несколько предыдущих лет цена леса незаконного переправленного в Китай составила 1 млрд р.² Лес вывозился по подложным документам через фиктивные организации, зарегистрированные в Иркутске³. В этом же году аналогичный случай был выявлен в Томской области, где по такой же схеме, с регистрацией фиктивной фирмы в Томске, было вывезено 28 вагонов леса на сумму более 15 млн р.⁴

Очевидно, что незаконный оборот леса, особенно необработанной древесины, связанный с контрабандой в Китай приобрел в этот период катастрофические масштабы. Криминальный рынок данного сырьевого сегмента активно подпитывался спросом на древесину в Китае. Случаи контрабанды и ее объемы были столь вопиющи, что Президент России В.В. Путин поручил профильным министерствам запретить вывоз необработанного леса из страны, начиная с 2022 г. Однако уже в 2020 г. эксперты оценивая это решение высказывали мнение о том, что такой запрет не спасет российский лес от китайцев, которые начнут вместо необработанного вывозить обработанную древесину, но в тех же масштабах⁵.

И действительно, теперь в Китай идут контрабандой пиломатериалы. Так, в Приморье в 2022 г. раскрыли деятельность преступного сообщества, планировавшего вывезти в

¹ В Приангарье обнаружены новые эпизоды контрабанды леса в Китай. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/3398689.html>.

² Контрабандисты из Приангарья вывезли в Китай лесоматериалы более чем на 1 миллиард рублей. URL: <https://snews.ru/news/kontrabandisty-iz-priangarya-vyvezli-v-kitay-lesomaterialy-bolee-chem-na-1-mlrd-rublej>.

³ Выявлены новые случаи контрабанды леса в Китай. URL: <https://ria.ru/20200826/drevesina-1576317377.html>.

⁴ URL: <https://rg.ru/2020/12/01/reg-sibfo/iz-tomska-v-kitaj-nezakonno-vyvezli-28-vagonov-lesa.html>.

⁵ URL: <https://newizv.ru/news/2020-10-02/eksperty-zapret-na-vyvoz-lesa-kruglyaka-ne-spaset-sibirskuyu-taygu-ot-kitaytsev-316800>.

Китай пиломатериалы на 30 млн долл.¹ В Забайкальском крае в 2022 г. возбудили 34 уголовных дела по фактам контрабанды пиломатериалов в Китай². Компания из Бурятии пыталась незаконно вывезти 19 тыс. кубометров древесины стоимостью 230 млн р.³

Таких фактов десятки, они свидетельствуют о том, что криминальный рынок российского леса, этого трансграничного товара, видоизменился, но продолжает активно функционировать.

В самом Китае также имеются преступные группы, занимающиеся криминальным оборотом уже собственных природных ресурсов. Так, только за половину 2022 г. китайская полиция раскрыла более 3 700 дел, связанных с организованной преступной деятельностью в этой сфере. Доминирующими ресурсами были песок и минералы⁴.

Таким образом, Китай, имея и собственные сырьевые криминальные рынки, стимулирует развитие российских криминальных рынков сырья, в первую очередь леса.

Еще одним традиционным и наиболее развитым сегментом рынка криминальных товаров является оборот наркотических и сильнодействующих веществ. Сразу следует отметить, что в Китае, несмотря на активное противодействие государства⁵, этот сегмент достаточно развит. Это связано с тем, что Китай, обладая развитой химической промышленностью, является источником распространения прекурсоров и готовых синтетических наркотиков. Распространение метамфетамина, синтетических опиоидов и каннабиоидов и других запрещенных психоактивных веществ из Китая представляет угрозу для многих регионов мира, это, в частности, показывает ухудшающаяся ситуация с ростом фентаниловой зависимости в США [1].

Таким образом, китайский наркотический рынок работает в основном по импортному варианту, поставляя наркотики и

¹ URL: <https://secretmag.ru/criminal/v-rossii-raskryli-skhemu-kontrabandy-lesa-v-kitai-na-usd30-mln-31-01-2022.htm>.

² URL: <http://trud-ost.ru/?p=842823> (дата обращения: 21.01.2023).

³ URL: <https://www.infpol.ru/241971-kompaniya-iz-buryatii-pytalas-nezakonno-vyvezti-les-v-kitay-na-230-millionov>.

⁴ URL: <https://regnum.ru/news/society/3635418.html>.

⁵ URL: <https://news.rambler.ru/world/50079846-tamozhennoe-upravlenie-knr-usililo-borbu-s-kontrabandoy>.

сильнодействующие вещества на криминальные рынки других стран, в частности в Россию¹, Австралию², США³ и др., или на свои нематериковые территории (Гонконг, Тайвань⁴). Однако все чаще стали встречаться случаи контрабанды наркотиков на китайские островные территории из других стран.

Так, в конце 2022 г. китайскими таможенниками была выявлена партия наркотиков на сумму 260 млн гонконгских долларов (2,29 млрд р.), спрятанная в замороженных продуктах, поступивших из Бразилии, весом в 300 кг. Она предназначалась частично для местного рынка, а остальная – для дальнейшей транспортировки в Австралию, где уличная стоимость наркотика в четыре-пять раз выше, чем в Гонконге⁵. Всего же объем изъятых наркотиков в 2022 г. составил 1 016 кг.

Российские же рынки этих запрещенных товаров в основном являются внутренними, и работают на своих потребителей. Большая часть наркотических веществ поступает в Россию с зарубежных криминальных рынков или идет транзитом для других стран, в частности европейских государств.

Сходными по характеристикам являются рынки запрещенных в гражданском обороте услуг. В частности, речь идет о контрабанде. Так, в 2022 г. власти Китая осуществили несколько кампаний по борьбе с контрабандой наркотиков, ключевых товаров, попадающих под налогообложение, иностранных отходов, слоновой кости и других предметов⁶. Главное таможенное управление КНР официально сообщило, что в 2022 г. была усилена борьба с контрабандой. Специалисты службы расследовали 4 509 связанных с этим дел, что на 5,8 % больше по сравнению с 2021 г. В итоге общая сумма денежных средств, фигурирующих в этих делах, составила 121 млрд юаней (около

¹ URL: <https://sib.fm/news/2022/03/22/sibirskie-tamozhenniki-zaderzhali-krupnyu-partiyu-sinteticheskogo-narkotika-iz-kitaya>.

² Рекордный объем контрабандного наркотика изъяли в Гонконге. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/6cc8de40>.

³ Поддельные таблетки из Китая, содержащие фентанил, наводнили США. URL: <https://www.epochtimes.ru/mnenie/poddelnye-tabletki-iz-kitaya-soderzhashhie-fentanil-navodnili-ssha-126912>.

⁴ URL: https://www.trud.ru/article/13-01-2022/1411457_dvoix_kitajtsev_kaznjat_za_transgranichnuju_torgovlju_narkotikami.html.

⁵ Рекордный объем контрабандного наркотика изъяли в Гонконге. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/6cc8de40>.

⁶ URL: https://news.rambler.ru/world/50079846/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

17,87 млрд долл. США), что на 25,6 % больше в годовом исчислении¹.

Кроме того, несмотря на приговоры к смертной казни и длительные сроки лишения свободы, есть в КНР и достаточно распространенный коррупционный рынок. Так, в 2021 г. в Китае было рассмотрено более 470 тыс. случаев коррупции и санкционировано расследование в отношении более 414 тыс. должностных лиц, причем 22 из них на уровне министерств и руководителей провинций. В 2022 г. при подведении итогов по борьбе с коррупцией за 2021 г. руководство КНР объявило нулевую терпимость к коррупции².

Российское государство фиксирует значительный объем рынка коррупционных услуг. Так, в 2019 г., по официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ущерб от коррупционных преступлений был оценен в 55,1 млрд р., что составляет 8,8 % от общей суммы ущерба, причиненного всеми преступлениями в стране³. В 2021 г. установленный ущерб от преступлений коррупционной направленности составил 63,9 млрд р. В 2022 г. объем ущерба от фиксируемых коррупционных услуг заметно снизился. Генеральный прокурор РФ озвучил сумму – более 37,6 млрд р.⁴

Таким образом, наблюдается некоторое сходство по крупным сегментам различных видов криминальных рынков в России и КНР. Хотя очевидно, что присутствует региональная специфика, которая касается характеристик товаров и услуг, реализуемых в криминальном обороте.

Список использованной литературы

1. Виноградов И.С. Тенденции и противостояние международной наркоторговле в рамках деятельности ШОС / И.С. Виноградов, Т.М. Мамахатов // Международный правовой курьер. – URL: <http://inter-legal.ru/tendentsii-i->

¹ URL: https://news.rambler.ru/world/50079846/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

² В стране объявлена нулевая терпимость к коррупции. URL: <https://svpressa.ru/world/article/325244> (дата обращения: 17.11.2022).

³ В Генпрокуратуре назвали сумму ущерба от коррупции в России в 2019 году // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8111929> (дата обращения: 24.04.2021).

⁴ URL: <https://www.rbc.ru/society/09/12/2022/639296d89a7947dce491f2f5> (дата обращения: 31.01.2023).

protivostoyanie-mezhdunarodnoj-narkotorgovle-v-ramkah-deyatelnosti-shos (дата обращения: 24.02.2023).

Информация об авторе

Анна Леонидовна Репецкая – заведующая отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: repetsk@mail.ru.

Author

Anna Leonidovna Repetskaya – Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Research of the Baikal State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: repetsk@mail.ru.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ ЯПОНИИ И ЮЖНОЙ КОРЕИ

В данной статье рассматриваются корейская и японская система суда присяжных, оценивается эффективность судов присяжных. По результатам эмпирических исследований в этих странах также выявляются некоторые инновационные практики в корейской и японской системе, которые могут быть восприняты другими судебными системами. Сравнительное исследование корейской и японской системы суда присяжных также позволит рассмотреть общие проблемы и изучить различные подходы к их решению. На данном этапе существуют многочисленные эмпирические исследования, проведенные в обеих странах, позволяющие провести сравнительное исследование. Хотя суды присяжных прочно укоренились в корейской и японской правовой системе, существует несколько общих проблем, с которыми сталкиваются все страны, где используются присяжные заседатели: избежание предвзятости, судебный надзор и вмешательство в процесс принятия решений на основе повторной оценки, важность рациональности в процессе обсуждения присяжных и др. Тщательный анализ корейского и японского опыта послужит полезным руководством к действию не только для политиков в Азии, но и для ученых в области уголовного правосудия в других странах, включая и Российскую Федерацию.

Ключевые слова: суд присяжных, судебная реформа, Япония, Республика Корея, сравнительный анализ.

A.F. Rekhovskiy

TRENDS IN JURY TRIAL DEVELOPMENT IN JAPAN AND SOUTH KOREA

This article examines the Korean and Japanese jury trial systems and evaluates the effectiveness of jury trials. Based on the results of empirical studies in these countries, it also identifies some innovative practices in the Korean and Japanese systems that can be adopted by other judicial systems. A comparative study of the

Korean and Japanese jury systems will also examine the common problems and explore the different approaches to solving them. At this stage, there are many empirical studies conducted in both countries that allow for a comparative study. Although jury trials are well established in the Korean and Japanese legal systems, there are several common problems in all countries in which juries are used: the avoidance of bias, judicial review and interference in decision making through re-evaluation, and the importance of rationality in jury deliberations, etc. Careful analysis of the Korean and Japanese experiences will provide useful guidance not only for Asian politicians, but also for criminal justice researchers in other countries, including the Russian Federation.

Key words: jury trial, judicial reform, Japan, Republic of Korea, comparative analysis.

В настоящее время институт гражданского участия в уголовном процессе присутствует в большинстве правовых систем развитых стран мира, в некоторых государствах имеет многовековую историю. Безусловно, участие присяжных заседателей, обычных граждан, в рассмотрении уголовных дел свидетельствует о действии демократических процессов в обществе, поэтому даже в определенных странах с сильной и стабильной экономикой данный институт сформировался лишь в начале XXI в., в том числе Южной Кореи и Японии, которым помимо прочих характеристик присущ культурный релятивизм прав человека.

Так, в Южной Корее гражданское участие в уголовном процессе впервые в истории страны стало возможным с 1 января 2008 г. с введением в действие Акта о гражданском участии в рассмотрении уголовных дел (Act on citizen participation in criminal trials). Корейская система присяжных заседателей включает в себя элементы как американской системы, так и немецкой системы, при этом ее целью провозглашены «укрепление доверия граждан к судебным решениям и демократическая легитимность уголовного процесса» [1].

Так, корейские граждане в возрасте 20 лет и старше выбираются судом в качестве присяжных случайным образом, при этом судья исключает лиц, которые могут быть предвзятыми (например, являются друзьями или родственниками сторон), более того, адвокаты обеих сторон имеют право исключения

того или иного присяжного, исходя из собственных предпочтений (preemptory challenge). При этом корейские юристы отмечают, что данный институт гражданского участия в уголовном процессе отличается от иных тремя обстоятельствами: во-первых, присяжным заседателям разрешается выслушивать мнение судей, рассматривающих дело; во-вторых, вердикт присяжных не имеет обязательной силы – каждый судья может его проигнорировать по своему усмотрению; в-третьих, корейские присяжные выносят вердикт о виновности (невиновности) и наказании одновременно после заслушивания всех доказательств, в том числе провокационных свидетельств о прошлых преступлениях обвиняемого [2].

В связи с введением института присяжных корейскими юристами выражались различные предположения о его будущем: «Ожидается, что новая система, пусть и в очень ограниченном объеме, приведет к фундаментальным изменениям в процессе принятия судебных решений в Корее, которым традиционно управляли только профессиональные судьи. Суд присяжных в Корее также изменит способ ведения уголовного судопроизводства в целом. Ожидается также, что он создаст более сложные правила доказывания в уголовном процессе» [4].

Спустя более 10 лет с оформления института гражданского участия в корейском уголовном процессе подобным образом было рассмотрено свыше 2 тыс. различных категорий дел, что составляет только около 2 % от всего объема уголовных дел. Что касается достижения целей, обозначенных в Акте, то они частично осуществлены. Так, согласно данным результата опроса более 400 корейских присяжных 56 % опрошенных отметили, что обновленная система правосудия «стала более прозрачной», в это же время 95 % респондентов отметили, что «доверие к судебной системе повысилось благодаря суду присяжных», в связи с чем в корейском обществе выражена надежда на более широкое распространение института гражданского участия в уголовном процессе (мнение около 80 % опрошенных) [3].

Однако корейские юристы считают, что в данной системе в настоящий период времени существует множество пробелов, которые можно решить лишь на законодательном уровне. К ним относятся:

- возможность заявления ходатайства о рассмотрении дела судом присяжных только обвиняемым, из большого количества которых удовлетворяется не более 2 %;
- необходимость «усиления» вердикта присяжных при принятии окончательного (судебного) решения;
- малая степень регламентации порядка обсуждения и принятия решения присяжными заседателями, бесперспективность правила простого большинства (simple majority);
- необходимость расширения перечня участников уголовного судопроизводства, действия которых могут способствовать рассмотрению дела с участием присяжных, например, по заявлению прокурора или авторитетному мнению судьи (judge's authority and prosecutor's application);
- возможность рассмотрения уголовного дела с гражданским участием только при коллегии из трех судей (three-judge-panel), хотя большое количество уголовных дел в Южной Корее рассматривается судьей единолично [3].

Таким образом, институт гражданского участия в корейском уголовном процессе является крайне перспективным, но требует дальнейшего реформирования.

В Японии гражданское участие в уголовном разбирательстве стало возможным в 2009 г., после введения в действие системы «Saiban-in-Seido», т.е. такой формы судебного разбирательства по уголовным делам, с участием отдельных граждан, именуемых «Saiban-in» – «народные заседатели» в качестве судей, в рамках которой рассматриваются дела об убийстве, грабеже, причинении смерти от телесных повреждений, контрабанде наркотиков и др. Система предполагает, что шесть присяжных, выбранных случайным образом из списка избирателей, присоединяются к трем профессиональным судьям для определения факта вины в «серьезных уголовных процессах». При этом японские присяжные участвуют в установлении фактов, принятии решений в соответствии с законом и вынесении приговоров на уровне окружного суда [7].

После окончательного введения суда присяжных в японскую правовую систему (некоторые юристы говорят о наличии «квази – суда присяжных» в стране до 2009 г.) сторонники данной реформы, в том числе министр юстиции Японии, выражали надежду о том, что «судьи будут более благосклонны к обвиняемым, которые говорят, что их заставили признаться. С

этими изменениями судебный процесс станет более демократичным, быстрым, доступным и надежным» [8]. При этом в течение двенадцати лет действия Saiban-in в данную систему вносились изменения. Так, в декабре 2021 г. (изменения вступили в силу в апреле текущего года) японским законодателем был снижен возрастной ценз с 20 до 18 лет для потенциальных присяжных с целью «побуждения молодых людей впоследствии активно и автономно участвовать в жизни общества» [5].

Тем не менее на сегодняшний день японский уголовный процесс характеризуется максимальным процентом (около 99,9 %) обвинительных приговоров, несмотря на действие института присяжных. Так, в 2016 г. из 1 104 уголовных дел, рассмотренных с гражданским участием, вердикт «не виновен» был вынесен лишь в 12 процессах (чуть более 1 % дел) [9], что говорит о недостижении цели демократизации уголовного процесса с введением института присяжных.

Кроме того, японские юристы отмечают, что оформление системы «Saiban-in-Seido» повлекло как позитивные, так и негативные изменения:

- реформирование положений о порядке видеозаписи и проведения допроса в целом;

- формирование класса юристов – специалистов в сфере рассмотрения уголовных дел с гражданским участием;

- «усиление» правил о доказывании – «судьи поняли, что они больше не могут игнорировать правила доказывания, чтобы уберечь присяжных от предвзятых или вводящих в заблуждение доказательств»;

- распространение участия потерпевшего в судебном разбирательстве путем постановки вопросов и выступления с собственной речью;

- повышение активности в уголовном процессе, что привело к энтузиазму и росту профессиональных компетенций адвокатов защиты [6]. Таким образом, в японском юридическом сообществе сформировалось неоднозначное отношение к системе «Saiban-in-Seido», что говорит о необходимости ее дальнейшего реформирования.

В заключение хотелось бы отметить, что суды присяжных прочно укоренились в правовых системах Южной Кореи и Японии, существует несколько общих проблем, с которыми сталкивается каждая страна, реализующая институт граждан-

ского участия в уголовном процессе: избежание предвзятости, вмешательство в процесс принятия решения присяжными, учет вердикта присяжных при принятии судебного решения и т.д. Так или иначе, корейский и японский опыт в данной сфере может быть полезным руководством не только для азиатских законодателей, но и специалистов в области уголовного правосудия по всему миру.

Список использованной литературы

1. Act on citizen participation in criminal trials, Article 1. – URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=46745&type=part&key=9 (дата обращения: 11.01.2023).
2. Citizens on the Bench: Assessing Japan's Lay Judge System. – URL: <https://www.nippon.com/en/japan-topics/c05402/citizens-on-the-bench-assessing-japan%E2%80%99s-lay-judge-system.html?pnun=2> (дата обращения: 09.01.2023).
3. Criminal justice: jury trials in Korea. – URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20140624000605> (дата обращения: 10.12.2022).
4. Han S. Jury trials in South Korea: the situation, achievements and suggestions for improvements / S. Han // Yonsei Law Journal. – 2020. – Vol. 10. – P. 29–59.
5. Lay judge system needs a review as eligibility age lowered to 18. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14501071> (дата обращения: 10.04.2022).
6. Lee J.-H. Assessment of the jury systems in Asia: a comparison of Korea and Japan / J.-H. Lee // Asian Journal of comparative law. – 2019. – Vol. 14. – P. 77–96.
7. Lee J.-H. Korean jury trial: has the new system brought about changes? / J.-H. Lee // University of Hawaii. – 2010. – Vol. 12:1. – P. 58–71.
8. Trial by jury returns to Japan. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/aug/03/japan-trial-by-jury-returns> (дата обращения: 11.01.2023).
9. Wada M. What the Saiban-in system brought from the perspective of a defense lawyer / M. Wada // Hastings Journal of crime and punishment. – 2020. – Vol. 1. – P. 359–366.

Информация об авторе

Александр Федорович Реховский – заведующий кафедрой правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: rekhovskiy.af@dvfu.ru.

Author

Alexander Fedorovich Rekhovsky – Head of the Department of Justice, Prosecutorial Supervision and Criminalistics of the Far Eastern Federal University, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: rekhovskiy.af@dvfu.ru.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОСУДИИ*

Исследуются возможности применения искусственного интеллекта в правосудии с позиций концепции умного регулирования (smart regulation). Анализируются конкретные примеры применения технологий алгоритмизации правосудия, акты, направленные на развитие таких технологий, а также научная дискуссия по данной проблеме. Внедрение цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, связывается с повышением эффективности, прозрачности, доступности и справедливости правосудия. Этот процесс сопровождается и множеством рисков, связанных в первую очередь с невозможностью замены судьи-человека роботом. Поэтому искусственный интеллект должен использоваться только как вспомогательное средство, направленное на упрощение работы судьи. Только в этом случае будет достигнута цель умного регулирования.

Ключевые слова: умное регулирование, государственное управление, цифровизация, искусственный интеллект, автоматизация правосудия, умный суд.

M.Yu. Kozlova

THE POSSIBILITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JUSTICE**

The possibilities of using artificial intelligence in justice are explored from the standpoint of the concept of smart regulation. Specific examples of the use of justice algorithmization technologies, acts aimed at the development of such technologies, as well as a scientific discussion on this issue are analyzed. The introduction of digital technologies, including artificial intelligence, is associated with an increase in the efficiency, transparency, accessibility and fairness of justice. This process is accompanied by many risks asso-

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00484>.

** The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 21-18-00484. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00484>.

ciated primarily with the impossibility of replacing a human judge with a robot. Therefore, artificial intelligence should be used only as an auxiliary tool aimed at simplifying the work of a judge. Only then will the goal of smart regulation be achieved.

Key words: smart regulation, public administration, digitalization, artificial intelligence, justice automation, smart court.

Концепция «умного регулирования» (smart regulation) применяется в государственном управлении и связывается с достижением максимального эффекта минимальными средствами. В числе содержательных средств, существенно повышающих качество и результативность юридической деятельности, важное место занимают цифровые технологии, упрощающие и повышающие эффективность процесса регулирования [6, с. 43].

Цифровые технологии, включая искусственный интеллект, получили широкое распространение в правосудии. В ответ на вызовы современности, в том числе эпидемию COVID-19, многие страны внедряют так называемое электронное правосудие, включающее разнообразные средства, обеспечивающие удаленный доступ к информации о движении дела, к судебному заседанию, онлайн подачу документов в суд и т.п.

Искусственный интеллект использует компьютеры и машины, чтобы имитировать способность человеческого разума принимать решения. Искусственный интеллект применяется в автоматическом распознавании речи (преобразовании речи в текст), в сопровождении клиентов путем ответов на возникающие вопросы (чат-боты); технологиях компьютерного зрения для распознавания лиц, предметов, фотографий; механизмах рекомендаций; автоматизированной торговле акциями [4].

Обычно искусственный интеллект применяется в одном ряду с другими технологиями в результате планомерного процесса цифровизации судов. Однако есть примеры использования систем искусственного интеллекта судьями в порядке собственной инициативы. Так, колумбийский судья Хуан Мануэль Падилья Гарсия, председательствующий в суде Картахены в январе 2023 г., применил ChatGPT, получив его консультацию по делу о медицинском страховании. Вопрос касался возможности получить страховое покрытие в случае лечения ребенка с аутизмом. Падилья настаивал на том, что ChatGPT помог его

исследованиям, но не принимал окончательного решения: он сказал, что выводы были его собственными, и вынес решение в пользу ребенка. [1].

Более распространенной практикой является автоматизация процесса выдачи судебных приказов. Такой опыт есть в США, Германии и Венгрии [8, с. 24–25]. Пилотный проект, связанный с искусственным интеллектом в работе мировых судов был реализован и в Белгородской области РФ. Технология применяется для создания судебных приказов по взысканию налоговых задолженностей. Роль искусственного интеллекта – в подготовке документов, проверке реквизитов [5].

Также находят применение и другие технологии, в основе которых – искусственный интеллект. Например, это система создания протоколов судебных заседаний Верховного Суда России в автоматическом режиме. Система способна, например, к автоматическому составлению машиночитаемого текста [10]. Также можно назвать сервис, доступный в системе арбитражных судов РФ «Электронный страж», который позволяет получать информацию о движении конкретного дела, или об участии конкретного лица в судебных процессах, автоматическую систему распределения дел между судьями, и т.п.

Широкомасштабное использование технологий автоматизации правосудия имеет место в Китае, что может быть объяснено большой численностью населения и предпринимательской активностью, приводящей к большой нагрузке на судебную систему. Выделяется три этапа реформы судебной системы Китая – с 1996 по 2003 г. (в судах осуществлялась оцифровка судебных актов и создание веб-сайтов). Второй этап трансформации – с 2004 по 2013 г. – характеризовался появлением судебных слушаний с помощью Интернета. В 2014 г. китайские суды вступили в третий этап трансформации с введением инициативы умных судов [3].

Умный суд предполагает автоматизированные решения, которые предлагает алгоритм, на основе анализа уже вынесенных судебных актов со схожими обстоятельствами. Источником больших данных о судебных актах служит система China Judgments Online [3].

Автоматизация и оцифровка судебной системы рассматриваются как средство достижения целей судебной реформы, направленных на повышение эффективности, согласованности,

прозрачности и надзора, а также справедливости в судебной системе [2].

Среди преимуществ такого подхода отмечается применение единого стандарта ко всем аналогичным делам, обеспечение справедливости, повышение эффективности судопроизводства, повышение уровня доступа к правосудию. Цифровизация способствует прозрачности и открытости системы и укрепляет доверие общества к судебной власти [3].

В китайской науке обсуждаются указанные цели реформы, и оценка возможности их достижения путем использования искусственного интеллекта различается. Отмечается, например, что более быстрый процесс не обязательно означает более справедливое судебное разбирательство, а пытаясь добиться согласованности с помощью технологий, судебная система рискует отказаться от своей власти, перенеся власть принятия решений на алгоритмы, лежащие в основе интеллектуальных систем [2].

Проблема искусственного интеллекта в правосудии дискутируется и в российской научной литературе. Рассматриваются различные аспекты этой проблемы: соблюдение прав человека [13]; соблюдение принципов правосудия [7], независимости суда [17]; возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия [11; 15] и другие вопросы.

Основные опасения, связанные с внедрением искусственного интеллекта в правосудие, связаны с тем, что «искусственный интеллект не способен быть носителем правосознания в принципе» [12]; «пока нет еще технологий, позволяющих заменить судью «машиной, в которой дышит интеграл». Судебная деятельность сакральна в целом, работа конкретного судьи – священнодействие [9].

При этом в России имеются акты, не являющиеся нормативно-правовыми, устанавливающие цели, связанные с внедрением искусственного интеллекта в работу судебных органов.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предполагает разработку и принятие нормативных правовых актов, направленных на развитие цифровой экономики, в том числе в судопроизводстве. Планируется поэтапная автоматизация отдельных процессов нормотворчества и формирования правоприменительной практики, включая внедрение механизмов формирования и использования машинночитаемых норм и использования возможностей современных

и перспективных технологий искусственного интеллекта, обработки больших данных, технологий распределенных реестров и других перспективных технологий [14].

Концепция информатизации Верховного Суда России предполагает внедрение технических средств, включающих искусственный интеллект [10].

Разработаны принципы развития и использования указанных технологий [16].

Цифровизацию правосудия, в том числе использование искусственного интеллекта, государство может рассматривать как средство умного регулирования для достижения целей прозрачности, справедливости и эффективности судебного процесса. Однако искусственный интеллект должен использоваться как инструмент, помогающий судье, а не заменяющий его. В этом случае цифровое правосудие обеспечит решение сложной задачи простыми средствами.

Список использованной литературы

1. Alexander H. Colombian judge uses ChatGPT to make decision in legal first: AI formed legal argument in health insurance case over whether autistic child should get coverage/ H. Alexander. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11712257/Colombian-judge-uses-ChatGPT-make-decision-legal-first.html> (дата обращения: 28.02.2023).

2. Papagianneas S. Towards smarter and fairer justice? A review of the Chinese scholarship on building smart courts and automating justice / S. Papagianneas // Journal of Current Chinese Affairs. – 2022. – Vol. 51, № 2. – P. 327–347.

3. Shi C. The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? / C. Shi, T. Sourdin, B. Li. – DOI <https://doi.org/10.36745/ijca.367> // International Journal for Court Administration. – 2021. – № 12 (1). – P. 4.

4. What is artificial intelligence (AI)? – URL: <https://www.ibm.com/topics/artificial-intelligence> (дата обращения: 01.03.2023).

5. Алексеев Д. Автомат на службе закона: суды привлекли к работе искусственный интеллект / Д. Алексеев. – URL: <https://iz.ru/1183206/dmitrii-alekseev/avtomat-na-sluzhbe->

zakona-sudy-privlekli-k-rabote-iskusstvennyi-intellekt (дата обращения: 02.03.2023).

6. Давыдова М.Л. Система и классификация средств юридической техники: традиционный и инновационный инструментарий профессиональной деятельности юриста / М.Л. Давыдова // Вестник АВУ. – 2022. – № 4 (55). – С. 37–46.

7. Дрозд Д.О. Непосредственность судебного разбирательства при использовании искусственного интеллекта / Д.О. Дрозд // Российский юридический журнал. – 2022. – № 4. – С. 87–98.

8. Кашанин А.В. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы / А.В. Кашанин и др. // Россия и мир : аналит. докл. – Москва, 2020. – 81 с.

9. Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи – арифметика вместо души / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 3. – С. 3–7.

10. Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации : (утв. приказом Председателя Верхов. Суда РФ от 15.02.2021 г. № 9-П). Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

11. Макутчев А.В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия / А.В. Макутчев // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 8. – С. 47–58.

12. Малина М.А. Эмпатия в деятельности судьи – необходимое условие конституционализации российского правосудия / М.А. Малина // Уголовное судопроизводство. – 2022. – № 2. – С. 33–36.

13. Пайан Г. Права человека и цифровизация правосудия / Г. Пайан // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 2. – С. 165–181.

14. Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" : (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратег. развитию и нац. проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). – URL: <http://government.ru/info/35568> (дата обращения: 28.02.2023).

15. Соседова М.В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие / М.В. Соседова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 5. – С. 32–37.

16. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 (вместе с Нац. стратегией развития искусств. интеллекта на период до 2030 г.). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.10.2019).

17. Ярков В.В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 11. – С. 3–6.

Информация об авторе

Марина Юрьевна Козлова – ведущий научный сотрудник кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kozlova@volsu.ru.

Author

Marina Yurievna Kozlova – Leading Researcher of the Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: kozlova@volsu.ru.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В статье излагается авторская позиция в понимании принципиально важного для методологии юридической науки соотношения категорий «законность» и «правомерность», а также теоретически анализируются практические формы проявления данного соотношения на примере применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции. Установлено, что соотношение понятий «законность» и «правомерность» целесообразно проводить на методологической основе с учетом понятий «соразмерность» и «усмотрение», позволяющей рассматривать правомерность как более широкое по своему объему понятие по отношению к законности, включающее элементы ситуационного усмотрения. Обоснованием такого вывода является то, что понятие «правомерность» означает соответствие ответных вынужденных действий уполномоченных лиц по применению меры государственного принуждения не только закону, но и возникшей опасности и существующей угрозе в момент устранения правовой аномалии.

Ключевые слова: применение принуждения, законность, правомерность, соразмерность, усмотрение, мера государственного принуждения, способ принудительного воздействия.

A.I. Kaplunov

ON THE CORRELATION OF THE CONCEPTS OF LEGALITY AND THE LEGALITY OF THE APPLICATION MEASURES OF STATE COERCION

The article reveals the author's position in understanding the ratio of the categories «legality» and «legitimacy» that is fundamentally important for the methodology of legal science, and also theoretically analyzes the practical forms of representation of this ratio on the example of the use of firearms by police officers. It is established that the correlation of the concepts of «legality» and «legality» should be carried out on a methodological basis, taking into

account the concepts of «proportionality» and «discretion», which allows us to consider legality as a broader concept in relation to legality, including elements of situational discretion. The rationale for this conclusion is that the concept of «legality» means that the response of forced actions of authorized persons to apply a measure of state coercion corresponds not only to the law, but also to the danger that has arisen and the existing threat at the time of elimination of the legal anomaly.

Key words: application of coercion, the lawfulness, the principle of legality, proportionality, discretion, measure of state coercion, method of coercive influence.

Законность как базовый принцип правового государства закреплен в ст. 15 Конституции Российской Федерации, которая так говорит о законности: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения должны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». Цитированное положение адресовано всем участникам правовых отношений.

В управленческих отношениях властный субъект имеет право в той или иной степени диктовать свою волю, что придает особую значимость соблюдению им принципа законности. «Обеспечение правомерности распорядительных действий таких субъектов является необходимым условием недопущения административного произвола и иных бюрократических извращений» [4, с. 533–534]. В данном случае речь идет не только о законности, но и правомерности распорядительных действий властных субъектов.

Термин «правомерность» приобретает особую значимость при характеристике и оценке действий уполномоченных должных лиц по применению мер государственного принуждения. Поэтому соотношение понятий «законность» и «правомерность» целесообразно рассмотреть на примере реализации мер государственного принуждения.

Принуждение как метод воздействия состоит в «применении государственными органами и их должностными лицами установленных законом мер принуждения для преодоления правовой аномалии и позволяет посредством правовых ограничений, лишений, обременений или ответных действий заставить обязанных лиц исполнять возложенные на них юриди-

ческие обязанности и соблюдать установленные законом запреты, а также обеспечить правопорядок, безопасность личности, общества и государства от потенциальных и реальных угроз» [3, с. 17].

В свою очередь, «меры принуждения – это закрепленные законом способы, приемы и средства воздействия личного, имущественного и организационного характера, позволяющие заставить лицо исполнять юридические обязанности и соблюдать правовые запреты, и состоящие из правовых ограничений, лишений, обременений, ответных силовых физических действий, влекущих наступление правового урона, причинение морального, материального и (или) физического вреда» [3, с. 14].

В публично-правовых науках, в частности в административном праве, под законностью применения полицией мер административного принуждения предлагается понимать «соответствие фактических действий уполномоченных сотрудников полиции нормам административного и административно-процессуального права, устанавливающим основания, цели, порядок и условия реализации способа принудительного воздействия, который характеризует содержание конкретной меры принуждения, а также соблюдение сроков применения и требований к документированию» [5, с. 14]. Данное определение может быть взято за основу понимания законности применения мер государственного принуждения в целом, если не делать отраслевую привязку к нормам права, устанавливающим основания, цели, порядок и условия реализации принудительных мер.

Так, под законностью применения меры государственного принуждения следует понимать *соответствие фактических действий уполномоченного должностного лица нормам права, устанавливающим **основания, цели, порядок и условия** реализации способа принудительного воздействия, который характеризует содержание конкретной меры государственного принуждения, а также соблюдение сроков ее применения и требований к документированию.*

В свою очередь, «Способ принудительного воздействия» представляет собой предусмотренное законом «правоохранительное **действие** в виде силового и иного воздействия морального, материального, или организационного характера,

влекущее ограничение прав лица, претерпевание им лишений, дополнительных обременений, причинение материального и физического вреда» [6, с. 11].

Неправомерное применение мер государственного принуждения нередко происходит потому, что отдельные нормы, предусматривающие основания и порядок их применения не вполне понятны правоприменителю и могут быть по-разному истолкованы, либо являются оценочными и в экстремальной ситуации при дефиците времени для принятия решения трудновыполнимы. В связи с этим вопросы оценки законности и правомерности применения мер государственного принуждения приобретают особую актуальность и значимость.

Законность применения огнестрельного оружия определяется, прежде всего, наличием основания для реализации способа принудительного воздействия, характеризующего содержание данной меры принуждения.

Е.В. Елфимова и А.В. Коркин предлагают следующий перечень критериев «соответствия применения мер... принуждения требованиям законности», на примере мер административного принуждения: *основания, условия, цель, порядок, субъекты, сроки* применения; *содержание применяемой меры, требования к документу*, которым оформляется факт применения [2, с. 23]. Под содержанием применяемой меры принуждения, по всей видимости, следует понимать способ принудительного воздействия, характеризующий содержание меры принуждения. Соблюдение установленных законом требований к перечисленным элементам меры принуждения при ее реализации на практике является обязательным и охватывается понятием законности ее применения.

В ст. 19 ФЗ «О полиции», которая регламентирует «Порядок применения...» специальных мер административного принуждения сказано, что «сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия действует с учетом:

- создавшейся обстановки,
- характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие,
- характера и силы оказываемого ими сопротивления».

Данной нормой закрепляются требования к действиям сотрудника полиции не с точки зрения их законности, а с точки зрения их соразмерности, т.е. соответствии создавшейся обстановке на месте инцидента, характеру и степени опасности действий нарушителя, характеру и силе оказываемого им противодействия сотруднику полиции.

Данная норма устанавливает критерии соразмерности ответных вынужденных действий сотрудника, которые одновременно определяют рамки ситуационного усмотрения сотрудника полиции, т.е. являются пределами правоприменительного усмотрения [1; 7, с. 7–13]. Необходимость учета сотрудником указанных в ней обстоятельств свидетельствует о том, что его действия должны быть не только законными, но и соразмерными возникшей опасности и существующей угрозе в момент устранения правовой аномалии.

Оценку применения мер принуждения, в результате которого причиняется ответный вынужденный вред нарушителю, более точно характеризует термин «правомерность», который в качестве еще одного важного критерия оценки действий правоприменителя включает «целесообразность» [8, с. 46]. Целесообразность правоприменения, как справедливо отметила Л.Н. Тарасова, – это «выбор оптимального пути осуществления правовой нормы в конкретной жизненной ситуации» [8, с. 47], в нашем случае целесообразность проявляет себя в виде соразмерности ответных вынужденных действий сотрудника полиции опасности действий нарушителя и существующей угрозе.

Поэтому правомерность применения сотрудником полиции огнестрельного оружия и критерии соразмерности вреда, причиняемого при ответном вынужденном его применении, т.е. граница между преступным и не преступным причинением вреда, определяется как административным, так и уголовным законодательством, и прежде всего, положениями, определяющими пределы необходимой обороны, либо мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Думается, что понятие «правомерность» более широкое» по сравнению с понятием «законность», поскольку охватывает как соблюдение установленных законом требований к перечисленным элементам меры принуждения, так и элементы ситуационного усмотрения при ее реализации на практике.

Список использованной литературы

1. Березин А.А. Пределы правоприменительного усмотрения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Березин. – Нижний Новгород, 2007. – 25 с.
2. Елфимова Е.В. Особенности обеспечения законности при применении сотрудниками полиции мер административного принуждения / Е.В. Елфимова, А.В. Коркин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (26). – С. 17–25.
3. Каплунов А.И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения / А.И. Каплунов // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 10–17.
4. Козлов Ю.М. Административное право : учебник / Ю.М. Козлов. – Москва : Юристъ, 2005. – С. 533–534.
5. Мамедов Э.Х. О понятии законности применения полицией мер административного принуждения / Э.Х. Мамедов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 4 (24). – С. 17–23.
6. Мамедов Э.Х. Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Э.Х. Мамедов. – Санкт-Петербург, 2020. – 33 с.
7. Оносов Ю.В. О теоретической модели пределов правоприменительного усмотрения / Ю.В. Оносов // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 7–13.
8. Тарасова Л.Н. Правомерность как правовой принцип, метод правового регулирования и правовой режим / Л.Н. Тарасова // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2012. – № 4. – С. 42–53.

Информация об авторе

Андрей Иванович Каплунов – профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. E-mail: and-kaplunov@yandex.ru.

Author

Andrey Ivanovich Kaplunov – Professor of the Department of Administrative Law of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation. E-mail: and-kaplunov@yandex.ru.

ОСОБЕННОСТИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Компаративный анализ вопросов, связанных с проблемами реализации адаптационных программ по социализации осужденных к лишению свободы после их освобождения, обусловлен тем, что существует положительный зарубежный опыт реализации эффективных системных мер ресоциализации. В условиях формирования и реализации современной пенитенциарной политики в отечественную систему могут быть успешно имплементированы альтернативные методы возврата осужденных в социум.

Ключевые слова: ресоциализация, осужденные, Франция, пенитенциарная политика.

E.S. Kachurova

FEATURES OF THE RE-SOCIALIZATION OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT: COMPARATIVE ANALYSIS

A comparative analysis of issues related to the problems of implementing adaptation programs for the socialization of convicts after their release is due to the fact that there is a positive foreign experience in implementing effective systemic measures of resocialization. In the context of the formation and implementation of modern penitentiary policy, alternative methods of returning convicts to society can be successfully implemented in the domestic system.

Key words: resocialization, convicts, France, penitentiary politics.

Вопрос необходимости создания эффективной системы ресоциализации осужденных к лишению свободы обусловлен увеличением числа постпенитенциарного рецидива, что негативно влияет на общую криминогенную ситуацию, нивелирует возможности обеспечения криминологической безопасности, делает невозможным исправление лиц, осужденных к лише-

нию свободы [1], а также указывает на недостатки в работе уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

Несмотря на декларативное закрепление норм, способствующих адаптации осужденных, принятие Федерального закона от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», «Концепции развития УИС до 2030 г.», имплементация норм, способствующих реальному улучшению процесса адаптации осужденных может способствовать минимизации посткриминального поведения осужденных.

Организация процесса ресоциализации осужденных в зарубежных странах возложена на специализированные субъекты пенитенциарной системы, дополнительные службы надзора и пробации, религиозные и общественные организации, играющие значительную роль в обеспечении социальной адаптации освободившихся, что свидетельствует о значимости участия общества и общей заинтересованности в рассматриваемом процессе. Так, в Великобритании развита сеть неправительственных, общественных структур или полугосударственных образований, которые финансируются и контролируются государством. В их задачи входит разработка конкретных программ, оказание социальной помощи, привлечение к социальной работе необходимых специалистов на общественных началах и оказание помощи осужденным.

Особенно активно ведет работу по адаптации осужденных Франция, где в процесс вовлечены учителя, прикомандированные в тюремные учреждения с целью тотального обучения осужденных в процессе отбывания наказания, также большое внимание уделяется обязательной профессиональной подготовке. Для организации профессионального образования администрация исправительного учреждения заключает партнерское соглашение с учебными учреждениями. Перед тем как выбрать профиль профессионального образования, социальные работники исправительных учреждений изучают рынок труда в данном департаменте для гарантированной востребованности осужденных после освобождения. Во Франции действует значительное число ассоциаций, работающих напрямую либо связанных с пенитенциарной системой [2].

Социальную работу с заключенными в пенитенциарных учреждениях осуществляют как штатные сотрудники, так и добровольцы. В каждом учреждении для правонарушителей

работает не менее двух социальных работников. Субъекты, участвующие в обеспечении процесса ресоциализации, опираясь на нормы международного законодательства, системно реализуют индивидуальную работу с лицами, освободившимися из мест лишения свободы. Несмотря на то, что ресоциализация осужденных – это длительный, многокомпонентный процесс, предполагающий применение целого комплекса реабилитационных мер на различных этапах, включая сам срок отбывания наказания, что подразумевает организацию процесса ресоциализации в исправительных учреждениях, не только непосредственно перед освобождением, но с самого первого дня изоляции, что и будет способствовать достижению цели наказания.

На адаптационном этапе, когда осужденный только прибыл к месту отбывания наказания, пенитенциарная адаптация предполагает нейтрализацию негативных девиаций, способствующих криминальному поведению осужденного, затем необходим анализ и устранение причин и условий совершения преступления [3]. После отбытия наказания необходимо помочь осужденному преодолеть последствия длительного нахождения в изоляции, после чего следует социальная адаптация – помощь в трудоустройстве, решении бытовых вопросов, восстановлении социальных связей, оформлении документов и т.д.

Немаловажное значение имеет и психологическая поддержка осужденных во время и после отбывания наказания: преодоление социальной дискриминации, изменение отношения осужденного к самому себе, при том работа по психологической адаптации не должна носить формальный характер. Полагаю, успешность ресоциализации осужденных в России подразумевает использование позитивного опыта зарубежных стран.

Список использованной литературы

1. Хван И.И. Понятие и сущность ресоциализации осужденных к лишению свободы и ее соотношение со смежными институтами / И.И. Хван // Бюллетень науки и практики. – 2021. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-resotsializatsii-osuzhdennyh-k-lisheniyu-svobody-i-ee>

sootnoshenie-so-smezhnymi-institutami (дата обращения: 24.11.2022).

2. Молчанова Т.Ю. Зарубежный опыт ресоциализации осужденных / Т.Ю. Молчанова, В.Г. Мильшина // Молодой ученый. – 2020. – № 2 (292). – С. 129–131. – URL: <https://moluch.ru/archive/292/66202> (дата обращения: 24.11.2022).

3. Качурова Е.С. К вопросу о возможности реализации механизма исправления лиц, повторно (итерационно) осужденных к лишению свободы / Е.С. Качурова, М.А. Сутурин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-realizatsii-mehanizma-ispravleniya-lits-povtorno-iteratsionno-osuzhdennyh-k-lisheniyu-svobody> (дата обращения: 06.04.2023).

Информация об авторе

Елизавета Сергеевна Качурова – доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: 007272@bgu.ru.

Author

Elizaveta Sergeevna Kachurova – Associate Professor of the Department of Criminalistics, Forensic Expertise and Legal Psychology Baikal State University, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: 007272@bgu.ru.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

В статье рассматриваются аспекты, связанные с анализом зарубежного опыта финансовой поддержки материнства и детства. Необходимость в установлении такого рода поддержки обуславливается тем, что современные государства делают повышенную ставку на будущие поколения, видя в них основу для дальнейшего процветания государства. Действующими международно-правовыми стандартами декларируется необходимость обеспечения максимально возможной социальной защиты семьи и детства, в том числе в рамках финансовых выплат, однако далеко не каждое государство является способным на оказание поддержки такого рода. Проводимое исследование имеет своей целью рассмотреть подходы к системе финансовой поддержки семьи и материнства, которые существуют как в развитых государствах (континентальная Европа, США), так и в государствах, находящихся на той или иной стадии развития (страны Балтии, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока).

Ключевые слова: социальная защита семьи и детства, финансовая поддержка материнства и детства.

A.S. Usan

FOREIGN EXPERIENCE OF FINANCIAL SUPPORT FOR MOTHERHOOD AND CHILDHOOD

The article deals with aspects related to the analysis of foreign experience of financial support for motherhood and childhood. The need to establish this kind of support is due to the fact that modern states place an increased stake on future generations, leading in them the basis for the further prosperity of the state. The current international legal standards declare the need to ensure the maximum possible social protection of the family and childhood, including within the framework of financial payments, but not every state is capable of providing support of this kind. The ongoing study aims to consider approaches to the system of financial support for families and motherhood that exist both in developed countries (continental

Europe, the United States) and in countries that are at one stage or another of development (the Baltic countries, Southeast Asia, the Middle East).

Key words: social protection of family and childhood, financial support for motherhood and childhood.

В Российской Федерации большое внимание уделяется социальному обеспечению, в том числе поддержке материнства и детства. В последние годы государство сделало большую ставку на проведение работы в данной области, целью которой является не только повышение уровня государственной поддержки семьи, но и разрешение демографического кризиса, который отчасти связан с недостаточными условиями образования семьи, что напрямую зависит от стабильности в социально-экономической и политической сферах.

При реализации такого направления государственной политики никогда не бывает лишним изучение опыта зарубежных государств, в первую очередь так называемых «образцово-показательных» стран континентальной Европы с традиционно сильной системой социальной поддержки. Считается, что именно на такие страны, а точнее, на их систему социальной защиты, в том числе материнства и детства, ориентируются многие другие государства. В связи с этим возникает необходимость более подробного изучения систем социальной защиты в развитых странах на примере социальной защиты материнства и детства, в том числе через призму сравнения с государствами с гораздо низким уровнем жизни и гораздо более несовершенной системой социальной защиты.

Начнем рассмотрение с государств континентальной Европы. В отличие от довольно распространенного стереотипа о том, что во всех европейских государствах существует высокий уровень социальной защиты, а значит, и отличная государственная поддержка, в том числе в сфере защиты материнства и детства, на практике ситуация несколько иная. Образцовыми в этом плане выступают такие государства, как Финляндия, Норвегия, Швеция, Федеративная Республика Германия и Исландия.

Рассмотрим для примера Финляндию как ближнего соседа Российской Федерации. Социальным законодательством этого государства предусмотрен ряд различных пособий для под-

держки материнства и детства, последние коррективы в которые вносились еще в 2011 г. Первое пособие в этой системе гарантируется для будущих родителей после получения справки от врача соответствующего профиля о том, что женщина находится в состоянии беременности пять месяцев. Размер такого пособия составляет 140 евро и носит разовый характер. Правда, предусмотрена альтернатива в виде замены денежной выплаты на набор вещей для новорожденного: одежды, питания, санитарно-гигиенических принадлежностей. Ввиду большей совокупной стоимости таких необходимых вещей чаще всего будущие родители выбирают не финансовую выплату, а вещи. Кроме этого, предусматривается право будущей матери на получение разового пособия на ребенка. Его выплачивает сам работодатель в срок не позднее четырех месяцев до дня предполагаемых родов. Конечный размер в законодательстве не установлен и зависит от того, по какой профессии трудится мать и каков уровень ее дохода. В дальнейшем, уже после рождения ребенка, родители имеют право на получение денежной выплаты в размере 74,4 % от оплачиваемого отпуска, а также получение так называемых «родительских суточных», который длится 158 дней (срок декретного отпуска). Фиксированного размера «родительских суточных» в законодательстве Финляндии не предусмотрено, поскольку они, как и разовая выплата на ребенка за четыре месяца до предполагаемых родов, зависят от занимаемой должности и уровня дохода.

В дальнейшем выплачиваются пособия и на детей по достижении ими возраста 17 лет. Сумма пособия рассчитывается исходя из количества детей в семье. Пособие на первого ребенка составляет 94.88 евро, на второго ребенка – 104.84 евро, на третьего – 133.79 евро [6, с. 169–173].

В другом государстве Скандинавии – Норвегии – также развита система социальной поддержки материнства и детства. В период нахождения родителя в декретном отпуске (составляет 46 недель) он сохраняет право на получение оплаты труда в соответствии с занимаемой должностью в полном объеме без каких-либо вычетов. Срок декретного отпуска можно продлить до 56 недель, но тогда получаемое пособие от работодателя будет составлять уже 80 % от уровня оплаты труда. В тех случаях, когда будущая мать не имела работы на момент родов, она имеет право на единовременную выплату в размере 4 700 евро.

В дальнейшем находящийся в декретном отпуске родитель получает ежемесячную выплату в размере 135 евро. Эта же выплата сохраняется до достижения ребенком возраста 18 лет. Также к своеобразной поддержке материнства можно отнести возможность получения пособия по временной нетрудоспособности в размере полной ежемесячной оплаты труда. Такая возможность используется многими будущими роженицами, которые предпочитают сохранить предоставляемый норвежским законодательством период отпуска по уходу за ребенком на послеродовой период, а до родов предпочитают уйти в отпуск по временной нетрудоспособности [3, с. 193–196].

Несколько иная ситуация в сфере защиты материнства и детства обстоит в Федеративной Республике Германия. Меньший по протяженности отпуск по уходу за ребенком компенсируется более высокими по сумме пособиями. Например, на одного ребенка выплачивается пособие в размере 250 евро в месяц, и данная сумма увеличивается в зависимости от числа детей в семье. При этом данная сумма выплачивается вплоть до достижения ребенком возраста 21 года. Существуют и иные дотации. Например, в течение первых 36 месяцев государством ежемесячно выплачивается 170 евро. Существуют и родительские пособия, которые выплачиваются в течение первых 14 и 28 месяцев со дня рождения ребенка. Минимальная величина пособия составляет 150 евро, максимальная – 1 800 евро [2, с. 48–50].

Следует отметить, что привлекательность европейских государств в плане высоких пособий на поддержку материнства и детства в определенной мере сбалансирована развитой системой ювенальной юстиции, которая добросовестно исполняет свои обязанности, пресекая всякие действия со стороны родителей, которые могут нанести вред физическому или нравственному развитию несовершеннолетнего.

Несколько иная ситуация сложилась в так называемых «новых» государствах – членах Европейского союза. К их числу, в частности, относятся государства Балтии – Латвия, Литва и Эстония. В отличие от ряда стран Западной Европы, система социальной защиты материнства и детства в прибалтийских государствах не обладает столь привлекательными пособиями и отчасти похожа на российскую систему социального обеспе-

чения материнства и детства. Например, в Эстонии установлено три вида пособий по факту рождения ребенка:

- единовременное пособие, которое выплачивается при рождении ребенка, размер которого составляет 320 евро, при этом такое пособие, несмотря на единовременный характер, выплачивается дважды: непосредственно от государства и от муниципального образования;

- пособие по уходу за ребенком до трех лет, которое зависит от фиксированного размера денежной ставки, установленной государством;

- пособие родителю, находящемуся в отпуске по уходу за ребенком, при условии, что в семье воспитывается три и более ребенка.

В Латвии пособия по факту рождения ребенка выплачивается в размере 150 евро. Эта выплата является единовременной и выплачивается муниципалитетом тем родителям, которые были зарегистрированы на его территории в течение года. Также в обязательном порядке выплачивается единовременное пособие в размере 421 евро за каждого ребенка. Получателем пособия может быть любой родитель или опекун.

В Литве в качестве меры поддержки будущих родителей выступает единовременное пособие, размер которого составляет полную сумму ежемесячной оплаты труда. Существуют также и «материнские» выплаты, которые составляют полную сумму оплаты труда будущей роженице. Также выплачивается единовременное пособие в размере 415 евро. Имеются и дополнительные пособия, которые предусмотрены для родителей с минимальным уровнем дохода или родителей, не имеющих права на получение пособия по системе государственного социального страхования [5, с. 407–408].

Также с целью сравнения системы финансовой поддержки материнства и детства в европейских странах необходимо рассмотреть такие системы в других государствах. Продолжим анализ и обратим внимание на социальную систему США. Традиционно считается, что Америка обладает весьма сильной системой социальной защиты, пусть даже и завязанной на системе дорогостоящего страхования. В связи с этим весьма удивительным будет тот факт, что в рамках финансовой поддержки материнства и детства США обладают далеко не лучшими условиями, ведь как таковых государственных пособий по фак-

ту рождения ребенка или же на ребенка в этой стране почти что нет. Предусмотренный отпуск по уходу за ребенком, продолжающийся 12 недель, по общему правилу не подлежит оплате ни со стороны государства, ни со стороны работодателя. Правда, законами штатов могут быть установлены и иные правила, но в основном вся поддержка женщин, находящихся в декретном отпуске, отдается на усмотрение их работодателей. Размер возможных выплат не регламентируется, в связи с чем провести хоть какой-то анализ в этой сфере затруднительно. Из положительного можно отметить, что при рождении ребенка семья имеет право на получение налоговых льгот, которые представляют собой аналог предусмотренных Налоговым кодексом РФ вычетов по налогу на доход физических лиц. Также в значительной степени развита система различного рода субсидий и прочих гарантий, направленных на поддержку семьи и самого ребенка. Их количество и область применения касаются детского сада, школ, оплаты жилья и т.п. в зависимости от законодательства конкретного штата, но прямых денежных выплат нигде не предусмотрено [1, с. 108–111].

Гораздо более слабая финансовая поддержка материнства и детства предусмотрена в государствах, где уровень жизни значительной части граждан условно можно отнести к категории «ниже среднего». Преимущественно в эту категорию входят государства Юго-Восточной Азии, значительная часть Ближнего Востока и Малой Азии, а также практически все государства Африки. Например, в Таиланде и Турции вся финансовая поддержка сводится лишь к выплате в течение полутора и двух месяцев соответственно в размере среднего заработка матери. Никаких «детских» пособий и иных выплат не предусматривается. При этом по сравнению с такими странами, как Афганистан, Пакистан и т.п., уровень поддержки еще относительно неплох, так как в последних никакой поддержки абсолютно не предусматривается [4, с. 71–73].

В завершение рассмотрения вопроса необходимо отметить, что проведенный сравнительный анализ показывает многообразие подходов к обеспечению финансовой поддержки материнства и детства в разных государствах. Еще раз подчеркнем, что основой для этого выступает стабильная экономика и политическая ситуация в государстве: в частности, страны Скандинавии представляют собой ярчайший пример сильно развитой

системы подобного рода, чего нельзя сказать о таких странах, как Афганистан, Пакистан, Таиланд и Турция. Впрочем, отдельные исключения, как, например, США, показывают, что определенную роль в такой системе играют и сложившиеся традиции в построении системы социальной защиты граждан.

Список использованной литературы

1. Гайсин Р.С. Институты поддержки потребления и спроса на продовольствие в США и России / Р.С. Гайсин, Р.А. Мигунов. – EDN XQHKKL // Российский экономический журнал. – 2018. – № 2. – С. 104–116.

2. Клушина Е.А. Анализ зарубежного опыта управления системой социальной защиты семьи и детей / Е.А. Клушина // Развитие научных направлений в современных условиях : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., Москва, 06 дек. 2017 г. В 2 ч. Ч. 2. – Москва : О-во с огранич. ответственностью «Научное партнерство «Апекс», 2017. – С. 46–51. – EDN XQSGVV.

3. Малека Ю.Н. Особенности социальной поддержки семей с детьми в скандинавских странах / Ю.Н. Малека, А.В. Рябцов. – EDN LNAIOP // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2020. – № 3 (33). – С. 191–197.

4. Матвеева Т.П. Сравнительно-правовой анализ системы социальной поддержки материнства и детства в России и за рубежом / Т.П. Матвеева, Н.А. Кузнецова, Ю.В. Павловская // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 12А. – С. 65–73.

5. Суворова А.А. Защита прав материнства отцовства и детства. Сравнительно-правовое исследование состояния системы права социального обеспечения в РФ и ряде европейских государств / А.А. Суворова // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : сб. науч. тр. V Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 29 марта 2019 г. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т технологий упр. и экономики, 2019. – С. 404–419. – EDN WDPJWO.

6. Фаренгорст М.Р. Социальное обеспечение различных категорий граждан в Финляндии / М.Р. Фаренгорст // Взгляд молодых ученых на проблемы зарубежного регионоведения :

сб. науч. работ преподавателей и студентов. – Новосибирск : Новосиб. гос. техн. ун-т, 2021. – С. 168–175. – EDN HGRRNY.

Информация об авторе

Анастасия Сергеевна Усань – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета. E-mail: nastena98god@yandex.ru.

Author

Anastasia Sergeevna Usan – Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Municipal Law of Volgograd State University. E-mail: nastena98god@yandex.ru.

ЭТИКА ВОЙНЫ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ И ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ (КОМПАРАТИВНЫЙ ИСТОРИКО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Война во все времена выступала в качестве не только политического средства, но и фона, выявляющего потенциал индивидов, общества и государства, их природу, нравственный уровень, правосознание и правовую культуру. В статье представлен сравнительно-правовой анализ основных положений древнеиндийского и древнееврейского учений о войне. Показаны типичные установки, регулирующие отношения во время вооруженных конфликтов, характерные для религиозно-правовых памятников; выявлены общие принципы начала и ведения войны, закрепленные в Артхашастре, Законах Ману и Пятикнижии; обозначены особенности исследуемых концепций. Автор приходит к выводу, что, несмотря на неоформленность древнеиндийского и древнееврейского представлений о теории войны, их отдельные противоречия и отсутствие стройной системы международного права в исследуемую эпоху, данные древневосточные памятники политико-правовой мысли содержат этические ориентиры, отражающие потенциал духовных учений.

Ключевые слова: этика, война, способы ведения войны, Древний Восток.

E.V. Kalinina

ETHICS OF WAR IN ANCIENT INDIAN AND JEWISH LEGAL AND POLITICAL THOUGHT (COMPARATIVE HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS)

War invariably acts not only as a political means but as a context for unraveling the potential of individuals, of a society and a country as well, their nature, their ethics and the level of law awareness. The article contains comparative and legal analysis of essential principles of ancient Indian and ancient Jewish theories of war; of typical regulations for social relations through armed conflicts in-

herent for religious and legal documents. The article elicits general principles for starting a war and maintaining warfare formulated in Indian and Jewish sources of political and legal thought and defines specifics of those approaches. Author draws following conclusions: despite general crudity of both ancient Indian and Jewish perceptions of warfare, internal contradictions of the theories and nonexistence of edifice of international law at the time, those artifacts of ancient eastern political and legal thought contain ethical waymarks reflecting the potential of those spiritual theories.

Key words: ethics, war, mode of warfare, Ancient East.

В истории политико-правовой мысли проблеме войны уделено больше внимания, чем многим другим вызовам человечеству, однако, как показывает практика, даже спустя века и тысячелетия, опасность возникновения конфликтов не только не изжита, но и приобретает множество форм и вариаций. И поскольку призывы к воздержанию от применения силы в спорных ситуациях, к мирному урегулированию конфликтов интересов и мирному сосуществованию далеко не всегда действительны, принято обращаться к истокам; к осмыслению природы общества, нации, народов; к традиционным духовно-нравственным ценностям, дабы выявить этические основы механизма предотвращения конфликта или, в случае его возникновения – устранения приемлемыми с точки зрения морали способами.

Считается, что нравственные ориентиры общества, особенно древнего, наиболее ярко представлены в памятниках религиозного права и рекомендациях, адресованных властителям. Примером таких документов могут служить древнеиндийские Артхашастра и Законы Ману, а также иудейское Пятикнижие.

Противоборство всегда являлось одним из лучших способов выявления человеческой природы, нравственного уровня и правовой культуры как индивидов, так и общества в целом. Поэтому издревле война рассматривается в качестве одного из политических методов, что прямо подтверждается текстом Артхашастры [1, 7-й отдел, Разделы 98 и 99, Гл. 1 – с. 292], где она поставлена на второе место.

Следует отметить, что ни в Пятикнижии, ни в Законах Ману мы не найдем рассуждений о благе всего человечества. Для

этого периода становления политико-правовой мысли характерно стремление найти оптимальную модель общества и, возможно, государства. Но о продолжительном мирном сосуществовании народов, очевидно, думать на тот момент было рано. Кроме того, в древневосточных документах рекомендации по оптимизации управленческого инструментария направлены на достижение благоденствия отдельно взятого общества или государства без какой-либо отсылки к общечеловеческим ценностям. Допустимость насилия в межгосударственных отношениях определяется способностью государства выйти победителем из спровоцированного им конфликта. Во всех остальных случаях рекомендуется воздержаться от участия в войне и стремиться к решению проблем конвенционным путем [1, 7-й отдел, Разделы 98 и 99, Гл. 1 – с. 293].

Для политико-правовых трактатов, уделяющих внимание военной теме, было характерно классифицировать конфликты на так называемые «справедливые» (оборонительные) и «несправедливые» (захватнические). Хотя даже в древности ученые понимали неоднозначность каждой отдельно взятой ситуации. В анализируемых древнеиндийских источниках даже такая градация не усматривается, в то время как в иудейской теории, опирающейся на Пятикнижие, сформулировано деление войн, в зависимости от источника волеизъявления, на 1) предписанные войны (возникают по повелению свыше) и 2) «разрешенные» войны, инициируемые волей людей. Впоследствии выводится концепт «недопустимых» войн [4, с. 177].

При сопоставлении представлений о характере и сущности войны в древнеиндийской и древнееврейской политико-правовой мысли обнаруживается сфокусированность индийских источников на принципе целесообразности, который является определяющим при выборе средств противоборства, при этом трактат Артхашастра не ограничивает выбор исключительно честными приемами [1, 10-й отдел, Разделы 150–152, Гл. 3 – с. 416–418, а также: 10-й отдел, Разд. 172, Гл. 3, Разд. 173 Гл. 3 – с. 455–464], что, видимо, отличает документы, носящие более «мирской» характер. В религиозно-правовых документах, наоборот, наблюдается гуманизация поведения воюющих сторон [2, Гл. VII, ст. 90–93, ст. 104].

Справедливости ради следует признать и противоречия, выявленные при сравнительном анализе заявленных источни-

ков. Так, весьма неоднозначны предписания по поводу ведения осады. Артхашастра безапелляционно предписывает относиться к противнику без пощады, предлагая изощренные способы нанесения как можно большего вреда [1, 13-й отдел, Разд. 174, 175, Гл. 4 – с. 466], а Законы Ману хоть и содержат гораздо меньше информации по данному вопросу, однако поддерживают безжалостное отношение к неприятелю [2, Гл. VII, ст. 195–197]. Пятикнижие, даже устанавливая ограничения произвола осаждающих [Маймонид, Суд., Цари 6:10], также предполагает суровое обращение с врагом [3, Второзаконие 20:12–14]. Тем не менее Артхашастра не рекомендует истреблять сельских жителей [1, 13-й отдел, Разд. 174, 175, Гл. 4 – с. 465], которые необходимы для возделывания земли, а Пятикнижие устанавливает запрет на уничтожение плодовых деревьев и опустошение окрестностей [3, Второзаконие 20:19].

Исследование заявленных памятников религиозной и политико-правовой мысли позволяет констатировать *относительность древнеиндийских и древнееврейских этических стандартов взаимодействия с другими народами*, которые могут рассматриваться в качестве потенциальных оппонентов. Подобная позиция обусловлена неформальностью международного права в ту эпоху и приоритетом внутригосударственных интересов для каждого отдельно взятого народа.

В то же время последствия войн побуждают к поиску способов снижения размеров ущерба в будущем. Появляются правила, ограничивающие произвол участников конфликта: запрет недобросовестного поведения воюющих сторон и бесчестных способов противоборства; запрет использования отдельных видов оружия; запрет чрезмерного причинения вреда; запрет на уничтожение «инфраструктуры» противника (полей и посевов; плодовых деревьев, колодцев) и др.

В древневосточной религиозно-правовой мысли достаточно отчетливо прослеживается идея войны в качестве наказания, в том числе и за безнравственное поведение народов как на своей территории, так и за ее пределами.

Учитывая специфику образа войны в религиозном дискурсе, следует также понимать его символичность: используемые порой в священных писаниях разных народов призывы к борьбе и противоборству следует иногда понимать фигурально. Религиозные правовые системы, развиваясь, демонстрировали

смещение предпочтений от буквального толкования к расширительному. Со временем из комплекса относительно примитивных ограничений и предписаний формировались универсальные этические конструкции, создавшие фундамент для нравственного совершенствования человечества.

Список использованной литературы

1. Артхашастра, или Наука политики : пер. с санскрита. – Изд. Академии наук СССР «Москва – Ленинград», 1959. – 798 с.
2. Законы Ману. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 496 с.
3. Пятикнижие и гафтартот / комм. д-ра Й. Герца. – Москва : Мосты Культуры : ФЕОР, 2001. – 1462 с.
4. Ravitzky A. Prohibited Wars / A. Ravitzky // Law, Politics and Morality in Judaism. – Princeton Univ. Press, 2006. – 224 p.

Информация об авторе

Евгения Валерьевна Калинина – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры социальной медицины и организации здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета, доктор юридических наук, доцент. E-mail: ev_kalinina22@mail.ru.

Author

Evgeniya Valerievna Kalinina – Professor of the Department of the Theory and History of State and Law, Law Faculty, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Department of Social Medicine and Health Management, Privolzhsky Research Medical University, Doctor of Law, Professor. E-mail: ev_kalinina22@mail.ru.

НАЦИОНАЛИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТЕРРИТОРИЮ ГОСУДАРСТВА

Национализм является результатом социальных движений сопротивления, которые стремятся к автономии, самоопределению, свободе или деколонизации, или даже территориальная экспансия. Все эти политические устремления сводятся к борьбе за территорию, что приведет к формированию единой территории и укреплению основ конституционного строя.

Ключевые слова: национализм, территория, суверенитет, единство государства, подходы.

E.Z. Nasirov

NATIONALISM AND ITS INFLUENCE ON THE TERRITORY OF THE STATE

Nationalism is the result of social resistance movements that seek autonomy, self-determination, freedom or decolonization, or even territorial expansion. All these political aspirations are reduced to a struggle for territory, which will lead to the formation of a single territory and strengthen the foundations of the constitutional system.

Key words: nationalism, territory, sovereignty, unity of the state, approaches

Несмотря на их разнообразие, теории национализма обычно основаны на членстве в историческом культурном сообществе, институционализированном государством на данной территории. Мнения расходятся относительно того, как выражается это членство и как оно связано с созданием национальных государств в Европе XIX в. Его концептуализация, однако, остается расплывчатой и применяется к самым разным явлениям. Некоторые авторы, такие как А.Д. Смит, подчеркивают примордиалистский подход, когда они подчеркивают этнические истоки национализма. В. Коннор в своей концепции «этнонационализма» также видит этническую основу в определе-

нии нации, но он имеет в виду национализм меньшинств, особенно региональных, выраженный в ответ на попытку достичь культурно однородного сочетания в различных национальных государствах [1].

Другие теории национализма относятся к политической повестке дня самоопределения народа, разделяющего одни и те же мифы о происхождении, языке и идеологии. С этой точки зрения государство становится ее единственным источником легитимности. Е. Кедури, например, не отвергает идею изначальной привязанности, которую он выражает в терминах «потребности», но он стремится определить законные критерии, по которым народ может создать государство. По мнению Геллнера, это явление является частью процесса модернизации; с переходом от аграрного общества к городскому формирующаяся элита мобилизуется для создания нации, единственного политического сообщества, которое Вебер квалифицирует как современное.

В целом институционализация национализма является результатом социальных движений сопротивления, которые стремятся к автономии, самоопределению, свободе или деколонизации, или даже территориальная экспансия. Все эти политические устремления сводятся к борьбе за территорию.

Такие определения национализма рассматривают все нации как связанные с государством. Возникновение сообществ сравнивается с «зародышевыми нациями» внутри национальных государств. Общая лояльность их членов, источник разобщенности между государством и нацией, привела к различным интерпретациям национализма. В результате возникает «переносная» национальность, по выражению Бенедикта Андерсона, в результате чего возникает транснациональность, которая стоит за новым воображаемым сообществом, идущим вразрез с единое сообщество, объединенное вокруг одного и того же территориализованного политического проекта. Это новое сообщество воображается на основе религии или этнической принадлежности, которая включает в себя языковые и национальные различия и отрывается от территориализованного националистического проекта, чтобы заявить о себе за пределами национальных границ, без географических ограничений. Это сообщество воображает себя детерриторизованной нацией в поисках инклюзивного (и эксклюзивного) центра, вокруг иден-

тичности или опыта, построенного на иммиграции, рассеянии и положении меньшинства, стремящегося добиться легитимности и признания не только со стороны государств, но и со стороны наднациональных или международных институтов. Этот поиск порождает «постоянное напряжение между идеей государства как источника абсолютной власти и реальностью государства как чего-то ограниченного извне». Эти трения кристаллизуются вокруг проблемы национализма меньшинств, будь то национальный, территориальный, этнический или религиозный. Форма национализма возникает, когда они мобилизуются за пределами национальных границ, и это явление усиливает взаимозависимость между внутренними политическими событиями и участием транснациональных субъектов в международной политической системе [2].

Все еще следуя Бенедикту Андерсону, развитие капитализма породило новый тип национализма, который он называет «национализмом на расстоянии».

Развивающаяся эмиграция, развивающиеся средства коммуникации, новая индустриализирующаяся цивилизация и последующая социальная и географическая мобильность породили новые формы сознания. Это привело к отказу от идентичности, подпитывающему националистические заявления о том, что подавленные этнические идентичности должны принять форму национальных государств, основанных на этнической принадлежности. В своем собственном определении аналогичного понятия Н. Глик-Шиллер и Г. Эжен Фурен предполагают, что «национализм на расстоянии меняет то, как многие люди понимают отношения между населением и государствами, которые утверждают, что представляют их». Согласно этим авторам, политическая повестка дня, связанная с этим типом национализма, связана с «видением нации как простирающейся за территориальные границы государства». Государство часто возникает из жизненного опыта мигрантов разных классов, чьи жизни простираются через границы, чтобы соединить родину и новую землю – страну иммиграции». Это напоминает проекты реконструкции национальных государств, разработанные в изгнании, о которых также упоминает Бенедикт Андерсон. Действительно, в случае Турции создание республики также было делом рук младотурок и реализацией идей, которые они усвоили во время своего изгнания во Франции, другими словами, со-

здание центрального и единого светского государства. Эта концепция находилась в оппозиции к мобилизации интеллектуалов из Центральной Азии, которые импортировали этническую концепцию нации, основанную на языке. Кроме того, важно учитывать роль интеллектуалов в изгнании в антиколониальной борьбе, а также зарождающийся национализм в бывших колониях, даже если в этом случае изгнание было скорее культурным и политическим, чем территориальным.

Националистические движения, основанные и развивавшиеся в изгнании, как и национализм диаспоры, представляют собой проекты, основанные на территории и преследующие такие цели, как самоопределение или пересмотр националистического фундамента для строительства государств [3].

Сегодня транснациональный национализм представляется результатом исторической эволюции, априори связанной с тем, что стало глобальным рынком, с возникновением так называемого глобального пространства и растущим влиянием наднациональных институтов, короче говоря, с изменениями, связанными с процессом глобализации.

Список использованной литературы

1. Загребин А.Е. Нация и национализм: в теории и истории : учеб. пособие / А.Е. Загребин, А.С. Муканова. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2015. – 212 с.
2. Козлов Д.В. Нации и национализм: возможности теоретического осмысления : учеб. пособие / Д.В. Козлов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 102 с.
3. Федоров С.Е. История и теория наций и национализма : учебник / С.Е. Федоров, А.И. Филюшкин. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2016. – 208 с.

Информация об авторе

Эмин Забильевич Насиров – аспирант Волгоградского государственного университета, преподаватель первой категории Волгоградского технологического колледжа. E-mail: nasirov-96@mail.ru.

Author

Emin Zabilievich Nasirov – Postgraduate Student of the Volgograd State University, Teacher of the First Category of the Volgograd Technological College. E-mail: nasirov-96@mail.ru.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ РАСХОДОВ БЮДЖЕТА В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Анализируется правовое регулирование бюджетных отношений в различных странах. Установлено, что в США, Канаде и Австрии с учетом принципа разделения властей установление расходов бюджета допускается только законом. На примере социального обеспечения выявлено, что в России расходные обязательства (как основания расходов бюджета) могут возникать в результате принятия не только законов, но и иных нормативных правовых актов, в связи с чем отмечается необходимость исключительно законодательного установления мер социальной поддержки.

Ключевые слова: бюджет, разделение властей, расходы бюджета, расходные обязательства.

G.A. Khaitov

LEGAL REGULATION OF ESTABLISHING BUDGET EXPENDITURES THROUGH THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS

The article treats the legal regulation of budgetary relations in various countries. It is found that in the USA, Canada and Austria the establishment of budget expenditures is allowed only by law taking into account the principle of separation of powers. On the example of social security it was revealed that in Russia expenditure obligations (as the basis for budget expenditures) can arise not only as a result of the adoption of laws but also other regulatory legal acts. It is noted that establish measures of social security need to be regulated exclusively legislative.

Key words: budget, separation of powers, budget expenditures, expenditure obligations.

Г. Еллинек отмечал, что бюджетное право имеет величайшее значение в политическом смысле и его конкретным осуществлением существенно обуславливается положение парла-

мента в государственном организме, в связи с чем им отмечалось бюджетное право народного представительства как центральный пункт парламентских полномочий [1, с. 3–4].

По мнению Г.Н. Андреевой, финансовые полномочия народного представительства утверждать бюджет и контролировать его исполнение вошло в «золотой фонд конституционализма» [2, с. 51].

Представления об исключительности права парламента на принятие бюджета лежали в основе выделения принципа разделения властей Д. Локком, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо [3]. Это предопределило понимание бюджета как законодательного акта. При этом содержание исключительного права парламента утверждать бюджет не сводится к «технической» деятельности по утверждению заранее составленной сметы, а предполагает дискреционные полномочия принимать решения выделять ли средства бюджета на решение тех или иных задач или отказываться от расходов бюджета, которые большинством голосов признаются ненужными. В рамках принципа «сдержек и противовесов» в дальнейшем глава государства или глава исполнительной власти, обладающий правом вето, имеет возможность воздействовать на парламент, побуждая его прислушаться, например, к доводам о необходимости или излишнем характере определенных расходов. В конце концов в результате взаимодействия разных ветвей власти обеспечивается наиболее оптимальное согласование общественно значимых интересов.

Конституцией США предусмотрено, что не могут выдаваться какие-либо денежные суммы из казначейства иначе как в соответствии с ассигнованиями, установленными законом¹. Данное конституционное положение развивается в исключительное право Конгресса устанавливать новые расходы [4]. Подобный подход распространен в Канаде².

В рамках бюджетного процесса в Австрии Федеральное Собрание обладает исключительными полномочиями по установлению расходов бюджета. Никакие денежные суммы не могут

¹ Конституция Соединенных Штатов Америки (пер. с англ.). URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 23.03.2023).

² Financial Administration Act (R.S.C., 1985, с. F-11). URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/F-11> (дата обращения: 24.03.2023).

быть выплачены из бюджета, если это не предусмотрено законом [5].

В указанных государствах дискреция парламента выделять денежные средства бюджета на те или иные цели закрепляется как на конституционном уровне, так и в законодательных актах, регламентирующих бюджетный процесс. Из этого следует, что в этих государствах в целом обеспечивается исключительная роль парламента в установлении бюджетных расходов, а бюджет воспринимается в качестве законодательного акта, в котором выражается воля государства на выплату денежных средств из бюджета (государственной казны).

Становление России как демократического, правового государства, в основе конституционного строя которого лежит в том числе принцип разделения властей, обозначило восприятие исключительности права парламента на принятие бюджета в действующем правовом регулировании, в том числе в Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что принятие бюджета по своей природе подлежит законодательному регулированию и в системе разделения властей относится к компетенции законодательных (представительных) органов власти¹.

Казалось бы, созданы все предпосылки для реализации указанных начал в законодательстве Российской Федерации.

Однако, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, закон о бюджете создает надлежащие финансовые условия для реализации норм, закрепленных в иных законах, изданных до его принятия и предусматривающих финансовые обязательства государства, т.е. предполагающих предоставление каких-либо средств и материальных гарантий и необходимость соответствующих расходов. Как таковой он не порождает и не отменяет прав и обязательств и потому не может в качестве *lex posterior* (последующего закона) изменять положения других законов, в том числе законов о налогах, а также матери-

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного Закона Читинской области : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 1 февр. 1996 г. № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 7. Ст. 700.

альных законов, затрагивающих расходы Российской Федерации, и тем более – лишать их юридической силы¹.

Также Конституционным Судом Российской Федерации указано, что установление мер социальной поддержки рассматривается как обязанность законодательного (представительного) органа учитывать соответствующие расходы при принятии бюджета².

При этом распространенной является практика установления мер социальной поддержки иными (помимо законов) нормативными правовыми актами. В частности, в настоящее время действует порядка 35 указов Президента Российской Федерации, которыми установлены меры социального обеспечения различных категорий граждан, финансируемых за счет средств бюджета³. Аналогичным образом меры социальной поддержки устанавливаются постановлениями Правительства Российской Федерации⁴.

Подобная ситуация характерна и для субъектов Российской Федерации. Например, в Иркутской области меры социальной поддержки устанавливаются Губернатором Иркутской области и Правительством Иркутской области⁵. По данным, со-

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 апр. 2004 г. № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 19, ч. 2. Ст. 1923.

² По запросу Арбитражного суда Республики Карелия о проверке конституционности пункта 5 статьи 83 Бюджетного кодекса Российской Федерации, статей 4 и 11 Закона Российской Федерации «О донорстве крови и ее компонентов» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 9 апр. 2002 г. № 68-О // Там же. 2002. № 29. Ст. 3004.

³ Например: О некоторых мерах социальной поддержки инвалидов : указ Президента Рос. Федерации от 6 мая 2008 г. № 685 // Там же. 2008. № 19. Ст. 2115 ; О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей : указ Президента Рос. Федерации от 7 апр. 2020 г. № 249 // Там же. 2020. № 15, ч. 1. Ст. 2243.

⁴ Например: О социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры : постановление Правительства Рос. Федерации от 8 сент. 2021 г. № 1521 // Там же. 2021. № 37. Ст. 6541 ; Об установлении дополнительных мер социальной поддержки сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти : постановление Правительства Рос. Федерации от 28 сент. 2022 г. № 1701 // Там же. 2022. № 40. Ст. 6825.

⁵ Например: О мерах по повышению уровня социальной защиты отдельных категорий граждан в Иркутской области : указ Губернатора Иркут. обл. от 14 нояб. 2018 г. № 236-уг // Областная. 2018. 28 нояб. ; О предоставлении дополнительной меры социальной поддержки в виде единовременного денежного пособия молодым

держанием в банке региональных правовых актов СПС «КонсультантПлюс», установление мер социальной поддержки нормативными актами исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации распространено практически во всех регионах.

Бюджетный кодекс Российской Федерации¹ закрепляет, что основаниями возникновения расходных обязательств (обязанностей публично-правового образования предоставить средства из бюджета) являются не только законы, но и иные нормативные правовые акты.

Это означает, что в приведенных примерах фактически в обход законодательных (представительных) органов публично-правовым образованием принимается на себя публично-правовое обязательство, обуславливающее предоставление средств бюджета. Тем самым в результате принятия подобных нормативных правовых актов возникают расходные обязательства, подлежащие безусловному исполнению (фактически устанавливаются расходы бюджета). При утверждении бюджета законодательный (представительный) орган лишен возможности отклонить необходимость осуществления соответствующих расходов бюджета даже при том условии, что депутаты (члены) законодательного (представительного) органа с позиций народного представительства не видят целесообразности в осуществлении социального обеспечения некоторых категорий граждан, считают неоправданными механизмы социального обеспечения или напротив считают необходимым расширить социальное обеспечение граждан.

Сложившаяся ситуация лишает смысла деятельность парламента по формированию и утверждению бюджета, не выдерживает критики с позиций принципа сдержек и противовесов, отдавая явное преимущество органам исполнительной власти как в правовом регулировании вопросов социального обеспечения, так и фактически сосредоточивая все рычаги финансовой политики публично-правового образования в одних ру-

специалистам в области ветеринарии при трудоустройстве в сельской местности на территории Иркутской области : постановление Правительства Иркут. обл. от 10 июня 2015 г. № 285-пп // Там же. 2015. 24 июня.

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ : (с посл. изм. от 28 дек. 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

ках. Учет мнения «народного представительства» конституционным путем в данном случае не обеспечивается.

Обращают на себя внимание попытки решения данной проблемы на уровне субъектов Российской Федерации. В Ярославской области¹, г. Санкт-Петербурге², Белгородской области³ приняты социальные кодексы, которые закрепляют, что установление мер социальной поддержки за счет средств субъекта Российской Федерации допускается только законом субъекта Российской Федерации.

В Иркутской области в 2016 г. была предпринята попытка внесения поправок в Устав Иркутской области⁴, в соответствии с которыми предлагалось закрепить, что дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи за счет бюджета Иркутской области устанавливаются только законами Иркутской области⁵, однако внесенный законопроект в ходе рассмотрения претерпел существенные изменения и в окончательном виде закрепляет право Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области устанавливать меры социальной поддержки⁶.

Представляется, что положения об исключительно законодательном установлении мер социальной поддержки должны быть закреплены в конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации. Для этих целей следует внести соответствующие изменения в Федеральный закон от 21 декабря

¹ Социальный кодекс Ярославской области : закон Яросл. обл. от 19 дек. 2008 г. № 65-з : (с посл. изм. от 23 дек. 2022 г.) // Губернские вести. 2008. 20 дек.

² Социальный кодекс Санкт-Петербурга : закон Санкт-Петербурга от 22 нояб. 2011 г. № 728-132 : (с посл. изм. от 16 февр. 2023 г.) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2011. № 41.

³ Социальный кодекс Белгородской области : закон Белгород. обл. от 28 дек. 2004 г. № 165 : (с посл. изм. от 27 дек. 2022 г.) // Белгородские известия. 2004. 29 дек.

⁴ Устав Иркутской области от 17 апреля 2009 г. № 1 : (с посл. изм. от 30 дек. 2022 г.) // Областная. 2009. 24 апр.

⁵ Законодательное Собрание Иркутской области: автоматизированная информационная система «Электронный парламент». URL: <https://eparlament.irzs.ru/Doc/passport/127> (дата обращения: 23.03.2023).

⁶ Закон Иркутской области о поправках к Уставу Иркутской области от 7 ноября 2017 г. № 1-У // Областная. 2017. 20 нояб.

2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹.

Также следует обратиться к ч. 2 ст. 39 Конституции Российской Федерации, согласно которой государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом (что исключает возможность их установления подзаконными нормативными правовыми актами). Представляется, что данное конституционное положение не следует истолковывать буквально и формально, а рассматривать его в качестве общеприменимого к вопросам регулирования социального обеспечения. Соответственно, любые меры социальной поддержки, а не только государственные пенсии и социальные пособия, должны устанавливаться законами как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Еллинек Г. Бюджетное право : пер. с нем. / Г. Еллинек . – Ростов-на-Дону, 1906. – 43 с.
2. Андреева Г.Н. Финансовая конституция в зарубежных странах : монография / Г.Н. Андреева ; РАН. ИНИОН. Центр соц. науч.-информ. исслед. ; Отд. правоведения. – Москва, 2015. – 210 с.
3. Барнашов А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение / А.М. Барнашов ; под ред. А.И. Кима. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та им. В.В. Куйбышева, 1988. – 100 с.
4. A Glossary of Terms Used in the Federal Budget Process (Exposure Draft) (Superseded by GAO-05-734SP). – URL: <https://www.gao.gov/products/afmd-2.1.1> (дата обращения: 23.03.2023).
5. Chrisoph Konrath. Роль Парламента Австрии в бюджетировании / Chrisoph Konrath, Helmut Berger. – URL: https://www.pempal.org/sites/pempal/files/attachments/4_the-role-of-parliament-in-the-budget-process_rus.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

¹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ : (с посл. изм. от 6 февр. 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52, ч. 1. Ст. 8973.

Информация об авторе

Григорий Александрович Хаитов – аспирант кафедры предпринимательского и финансового права Байкальского государственного университета. E-mail: g.khaitov@mail.ru.

Author

Grigoriy Aleksandrovich Khaitov – Postgraduate student of the Department of Business and Financial Law, Baikal State University. E-mail: g.khaitov@mail.ru.